

ББК 63.3(0)4 УДК 94 Ф28

За помощь в осуществлении издания данной книги

издательство «Евразия» благодарит

Кипрушкина Вадима Альбертовича

Научный редактор: *Карачинский А. Ю.*

Фаулер Кеннет

Ф28 Эпоха Плантагенетов и Валуа. Борьба за власть (1328-1498). Пер. с англ. Кириленко С. А., вступ. статья Карачинский А. Ю. — СПб.: Издательская группа «Евразия», 2002.— 352 с. ISBN 5-8071-0103-0

Два королевства, две нации с оружием в руках сошлись на поле боя, под предводительством своих королей — французских из династии Валуа и английских из династии Плантагенетов. Столетняя война ознаменовала закат средневекового рыцарства и ломку его идеалов, изменение военной тактики и стратегии. Король, с оружием в руках сражающийся в первых рядах своих войск, терпит поражение, а король, руководящий войной из своего кабинета, становится

победителем. Шаг за шагом английский историк Кеннет Фаулер распутывает клубок событий, затрагивая самые сложные и завлекательные проблемы. Как случилось, что французское рыцарство, гордость и опора престола, закаленное в крестовых походах, почти двести лет не знавшее поражения, не смогло справиться с горсткой английских лучников? Почему династия Валуа, которой, казалось, грозило неминуемое падение, сумела одержать вверх в долгой и мучительной борьбе? На эти и другие вопросы К.Фаулер отвечает на страницах своей книги, предназначенной как специалистам, так и широкой аудитории.

ББК 63.3(0)4 УДК 94

© Кириленко С. А., перевод, 2002 © Карачинский А. Ю., вступительная статья, 2002 © Лосев П. П., оформление, 2002 **ISBN 5-8071-0103-0**
© Издательская группа «Евразия», 2002

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Издательство «Евразия» предлагает читателям книгу Кеннета Фаулера, известного историка-медиевиста, посвященную одной из самых судьбоносных эпох в истории средневекового Запада — эпохе правления в Англии и Франции династий Плантагенетов и Валуа, которая прошла под знаком длительного военного противостояния, названного Столетней войной.

Столетняя война имеет долгую предысторию. В 1154 г. королем Англии стал могущественный французский сеньор, граф Анжу, Нормандии и герцог Аквитании Генрих План-тагенет. Сложилась уникальная ситуация — в своих английских владениях Генрих и его наследники были полноправными государями, а на континенте являлись вассалами короля Франции и, по меньшей мере, теоретически подчинялись его судебным решениям. А ведь английским монархам принадлежал почти весь запад Франции. Столкновение было неизбежным. Удобным поводом к нему стала смерть в 1328 г. Карла IV — последнего французского короля из прямой ветви династии Капетингов. Новым королем стал двоюродный брат покойного монарха, Филипп, граф Валуа. Король Англии Эдуард III, приходившийся Карлу IV племянником, заявил о своих правах на французский престол, задумав воспользоваться ситуацией и окончательно отторгнуть Аквитанию от Французского королевства. Однако Столетняя война вовсе не была единым, «упорядоченным», военным конфликтом, в котором участвовали лишь две стороны. В условиях феодализма, когда личные связи преобладали над еще не оформившимися государственными интересами, война сводилась к множеству частных столкновений: воюя с англичанами, французские короли одновременно боролись со своими родственниками и вассалами — Филипп VI, Иоанн II и Карл V с наваррским королем Карлом Злым, а Карл VII — с герцогом Бургундским Филиппом Добрым. В свою очередь, многие французские феодалы, недовольные усилением королевской власти, централизацией управления, самоуправством на местах чиновников короля увидели в нараставшем конф-

ликте возможность ослабить пресс королевской администрации. К этому добавились междоусобная борьба в Бретани и распри среди принцев королевской крови. В первой трети XV столетия, во Франции уже шла самая настоящая гражданская война между двумя феодальными группировками, боровшимися за влияние в королевском совете — армань-яками и бургиньонами. Безусловно, Франция, на территории которой велись основные военные действия, понесла наибольший ущерб, много потеряв в экономическом плане.

Разительные перемены произошли и в области политико-административных отношений. В правление последних Ка-петингов влияние Франции распространялось на всю Европу, а королевская власть, казалось, достигла невиданных высот. Но поражения и хаос войны уничтожили кропотливый труд поколений французских монархов. Каждый город, область, замок был вынужден защищаться собственными силами от врагов, будь то англичане или разбойники — в подобных условиях связь с центром в Париже, где находилось правительство короля, резко ослабла. Многие королям из династии Валуа пришлось строить заново. В горниле войны претерпели значительную трансформацию и представления самого общества о войне и способах ее ведения. Рыцарские идеалы, базировавшиеся на куртуазности и братстве оружия, не выдержали столкновения с английскими лучниками, разившими наповал феодальную конницу. В ходе увлекательного повествования автор пытается установить истинные причины и движущие мотивы этих изменений, предлагая свой, часто оригинальный, вариант развития событий.

Однако книга Кеннета Фаулера не ограничивается вопросами военного и политического соперничества двух династий. Автор не писал историю войны как таковой — рамки и задачи его исследования гораздо шире.

Цель Фаулера — рассмотреть эпоху Плантагенетов и Валуа во всех ее проявлениях, включая проблемы экономического, культурного и интеллектуального порядка. Он посвящает целую главу развитию живописи, литературы, архитектуры XIV-XV вв., изысканной культурной атмосфере, процветавшей при дворах Франции, Англии, Фландрии и Бургундии, придворному меценатству.

Карачинский А. Ю.

ОТ АВТОРА

Невозможно перечислить здесь имена всех ученых, у которых мне довелось учиться и трудами которых я пользовался, хотя многие из них упомянуты в библиографии и примечаниях в конце книги. Я особенно обязан профессору Жану Ле Патурелю, познакомившему меня с владениями Плантагенетов, а также профессору Дени Эю, который побудил меня заняться XV веком, хотя они могут и не согласиться с мнением, изложенным на страницах

этой книги. Я также хочу поблагодарить своего друга и коллегу доктора Энтони Латтрелла за то, что он прочел эту работу в рукописи и высказал много ценных замечаний, и мисс Мойру Джонстон за постоянную поддержку и усердный труд по подготовке книги к публикации.
К. Ф. Эдинбург, 1961.

ПРЕДИСЛОВИЕ;

СТОЛЕТНЯЯ ВОЙНА

КАК ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ

24 мая 1337 г. король Франции Филипп VI в присутствии курии и в соответствии с принятыми в то время законами и порядком судопроизводства объявил о конфискации французских земель, принадлежавших «королю Англии, герцогу Аквитанскому, пэру Франции, графу Понтье». В ответ Эдуард III наложил арест на французскую собственность в Англии, издал манифест к своим подданным и 7 октября вновь предъявил свои права на французский престол, так же, как он сделал это девять лет тому назад после смерти Карла IV. Через два с лишним года, 26 января 1340 года, в ходе большой придворной церемонии в Ренте, Эдуард III принял титул «короля Англии и Франции», который его потомкам предстояло носить почти пять столетий. Он повелел внести в свой герб цвета Франции и выбить на печати геральдическую лилию, появлялся на публике в мантии, расшитой геральдическим львами и лилиями, и датировал указы «четвертым годом правления в Англии и первым годом правления во Франции». Тем самым Эдуард положил начало политике, от которой ни он сам, ни его преемники не могли отказаться, не потеряв лица и не создав себе непреодолимых трудностей; так был дан толчок к развитию событий, в ходе которых трехлетняя война перешла в конфликт, длившийся более века. Историки окрестили это противостояние «Столетней войной» и обычно датируют ее 1337-1453 гг. Несмотря на то, что до середины XIX века термин «Столетняя война», по-видимому не употреблялся, представление о длительной и ясно выраженной борьбе возникло достаточно рано. Уже во втором десятилетии XV века французские «пропагандисты», со ссылкой на Салическую правду стремившиеся доказать несостоятельность английских притязаний на французскую корону, прослеживали историю текущих войн от своего времени до 1328 г. Один из них, секретарь Карла VI по имени Жан де Монтрейль, в памфлете «Ко всему рыцарству Франции» даже говорит о том, что военный конфликт тянулся «*puî cent ans* (свыше ста лет)» — хотя его утверждение было слегка преждевременным. Для итальянского священнослужителя Полидора Вергилия Урбинского, завершившего работу над первым вариантом своей «Английской истории» в 1513 году, они вели «меж собой вечную войну почти сто лет». Франсуа де Мезерей в «Истории Франции» (1643 г.), по-видимому, впервые стал рассматривать события этого периода как одну длительную войну, начавшуюся в 1337 г. и продолжавшуюся, по его мнению, сто шестьдесят лет. Дэвид Юм в «Истории Англии» (1762 г.) пишет об эпохе англо-французского противостояния, «длившейся более века», а Генри Галлам в «Обзоре состояния Европы в средние века» (1818 г.) говорит о том, что «это была борьба, продолжавшаяся сто двадцать лет». И Юм, и Галлам рассматривали период между 1337 и 1453 гг. как единое целое, того же мнения придерживался и Франсуа Гизо, о чем свидетельствуют его лекции, прочитанные в Сорбонне в 1828 году. Однако термин «Столетняя война» не входил в круг истори-

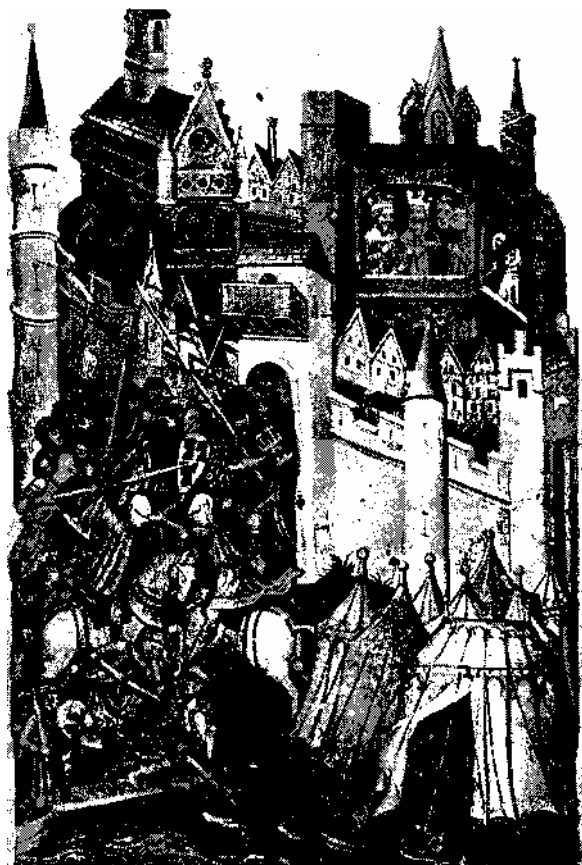

Рис. 1. Сражение у городских ворот

ческих понятий до публикации «Истории Франции» Анри Мартена (1855 г.), оказавшей большое влияние на историческую науку. В этой работе Мартен разделяет описание интересующего нас периода на главы, каждая из которых идет под титулом «Английские войны»; и в течение последующих шести лет французы вводят в обиход новое выражение «La

11
guerre de cent ans (Столетняя война)». Эдгар Бутарик использует его мимоходом в эссе о военном искусстве во Франции, вышедшем в журнале «Библиотеке школы Хартий» в 1861 г., а тремя годами позже это выражение появляется у Анри Валлона в «Ричарде II». Эдвард Фримен в «Двухнедельном обозрении» за май 1869 г. советует ввести этот термин в употребление и в Англии. Он пишет: «Французы совершенно правы, называя период между правлением Эдуарда III и Генриха VI Столетней войной». Гизо использует это выражение в заголовках разделов своей «Истории Франции» (1873 г.), а Джон Ричард Грин, возможно, по совету Фримена, поступает так же при написании «Краткой истории английского народа» (1874 г.). Необычайная популярность этих двух работ сыграла значительную роль в закреплении термина. Он был использован в названиях ряда монографий, изданных во Франции в 1870-х гг., и в 1879 г. впервые появился на страницах «Encyclopaedia Britannica». Хотя в XX веке историки не могут обойтись без выражения «Столетняя война», многие из них находят соответствующее понятие некорректным, поскольку оно выдвигает на первый план проблему династических распрей и один из периодов англо-французских трений, в котором исследователи наших дней более не видят никакого особого единства. Историки стали рассматривать войны той эпохи всего лишь как одну из фаз гораздо более длительного конфликта, истоки которого связаны с Нормандским завоеванием Англии и Анжуйским наследством в Аквитании (Гиени) и который отнюдь не завершается с утратой Бордо в 1453 г. Некоторые историки по сей день предпочитают рассматривать военные кампании Эдуарда III и Генриха VI как независимые друг от друга и не так давно было установлено, что притязания Генриха VI на французский престол были основаны не на требо-

12
ваниях, заявленных Эдуардом III, но на положениях договора, заключенного в Труа. Завоевание Гиени в 1453 г. французами отнюдь не завершилось заключением мирного договора с англичанами; вторжение Эдуарда IV во Францию в 1474 г., английская высадка в Бретани 1488 г.

и нападение Генриха VII в 1492 году, хотя и были вскоре отбиты французами, продолжали традицию войн Генриха V. В течение десяти лет после падения Бордо английское правительство действовало, рассчитывая на то, что Аквитания будет возвращена, Кале продолжал оставаться под властью английской короны до 1558 г., и английские короли не отказывались от своего титула королей Франции вплоть до заключения Амьенского договора в 1802 г., несмотря на то, что от унаследованных или завоеванных их предками земель на континенте оставались только Нормандские острова.

Сегодня все исследователи сходятся на том, что причины войны следует искать не в спорном престолонаследии, но в общем ходе развития двух стран. Вплоть до какого-то момента XIII века реальными политическими, социальными, экономическими и культурными образованиями были не Англия и Франция, как мы представляем их сегодня, а Нормандская империя, Анжуйская империя и Капетингская империя — насколько слово «империя» может быть использовано для характеристики территориальных образований, больше всего прочего обязанных своим единством феодальным и родовым узам. При изучении ранней истории Англии и Франции мы сталкиваемся с тем, что прошлое этих стран было, скорее, англофранцузским, чем собственно английским или французским, и процесс формирования наций к 1337 г. отнюдь не завершился. Хотя непрерывные войны XIV и XV веков способствовали рождению национальных государств, они же и сдерживали этот процесс, поскольку между 1337 и 1453 гг. политическая карта

13

Рис. 2. Монета: большо-
бланк (Grand Blanc,
Генриха VI, отчеканен-
ный в Маконе. Аверс: ге-
ральдические щиты
Франции и Англии; ре-
верс: крест с геральди-
ческой лилией и гераль-
дическим львом

Европы далеко не один раз принимала облик, совершенно отличный от того, которому предстояло обрести свои черты в течение последующих пятидесяти лет. С другой стороны, уже в XIII веке феодальные связи, существовавшие между французской монархией и правителями, носившими английскую корону, стали несопоставимы с централизацией и институционализацией политической власти, начавшейся прежде в Англии и в XIII веке набиравшей силу во Франции. Именно течение этих двух крайне противоречивых процессов и стало причиной начала Столетней войны.

И тем не менее можно привести немало доводов в пользу того, что борьба Англии и Франции между 1337 и 1453 гг. должна рассматриваться отдельно от предшествующих и последующих войн. Историки прошлого, включая Мезерея, прекрасно видели отдаленные причины войны и в действительности подчеркивали значение предшествующих конфликтов. Однако они также видели, что претензия на французский престол, заявленная Эдуардом III положила начало новому витку англо-французских отношений. Возможно, историки XX века, распутывая раннюю историю Аквитании и уделяя внимание в большей мере истокам конфликта, чем военным целям королей и ходу самой войны, упустили из виду перемену в отношениях между двумя странами, последовавшую за требованиями Эдуарда III.

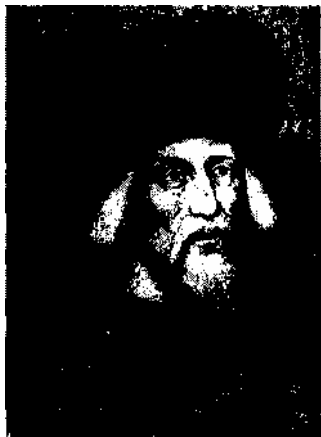

Рис. 3. Император
Священной Римской империи
Сигизмунд

Дело в том, что принятие им титула короля Франции, как показали события, не только сделало невозможным заключение длительного мира — даже в Бретиньи в 1360 г. — но и на долгое время определило ход развития англо-французских отношений, которые вплоть до 1492 г. характеризовались почти непрерывным состоянием войны или перемирия. До 1337 г. ситуация была иной, поскольку периодические войны всегда завершались заключением мира, пусть даже и не полностью

удовлетворявшим противников. Однако после 1337 г. бесчисленные юридические претензии — английских королей на французскую корону и французских королей на владение Аквитанией — ревностно отстаивались каждой из сторон, что затрудняло путь к компромиссу. Заключить длительный мир было не просто и по ряду других причин. До 1378 г. важная миротворческая роль принадлежала папам, которые выступали как посредники, устраивая встречи сторон и содействуя заключению перемирий, зачастую в критических обстоятельствах. Однако из-за Великой Схизмы (1378-1417 гг.), совпавшей с тем периодом, когда шансы достичь мира были наиболее велики, Европа оказалась лишена международной силы, способной выполнить посредническую миссию; император же более не обладал моральным и политическим авторитетом, необходимым для решения подобной задачи, и попытка, предпринятая Сигизмундом (см. рис. 3) в 1416 г.,

15

Рис. 4. Батальная сцена (XV в.)

только подтвердила это. По мере того как война набирала силу, охватывая провинцию за провинцией, и англичанам, и французам становилось все сложнее распустить сформированные в

ходе войны более или менее регулярные воинские отряды, не спровоцировав серьезных проблем. Дело в том, что Столетняя война сопровождалась чумой, голодом и экономическим спадом, в результате чего жизнь многих людей стала зависеть от войны и, если говорить об Англии, королю было бы очень трудно сохранить мир в стране и свой трон, не продолжая активной войны во Франции.

16

Хотя современники и не имели возможности оценить это должным образом, с падением Бордо в 1453 г. война фактически подошла к концу. С этого момента и до 1477 г. реальная угроза французской монархии исходила не от Англии, а от герцогов Бургундских, и хотя англичане еще несколько раз вторгались на территорию Франции, их действия не привели ни к длительной войне, ни к военной оккупации. 29 августа 1475 г., в Пикиньи, Эдуард IV заключил семилетнее перемирие в обмен на денежную сумму и пенсию, полученные им от Людовика XI. Вслед за тем из английских официальных документов исчезает выражение «наш французский враг», означавшее французского короля и, начиная с правления Ричарда III, французский монарх упоминается в них только как «король Франции», несмотря на то, что этот же самый титул ставится рядом с именем короля Англии. Следующий поворотный момент связан с Этапльским договором, заключенным 3 ноября 1492 г. Несмотря на то, что по условиям этого договора Генрих VII не отказывался ни от французского престола, ни от старых английских территорий во Франции, Этапльский договор означал уже не перемирие, но настоящий мир, который заложил основы для более долгосрочного соглашения в дальнейшем. Договор был ратифицирован всеми провинциальными и местными штатами во Франции и включал положение о его возобновлении преемниками обоих монархов. Таким образом, на период между 1453 и 1492 гг. приходится существенные перемены в англо-французских отношениях. Именно в течение этого времени французская монархия одержала окончательную победу над принцами, чья сепаратистская политика во многом способствовала затягиванию войны. С их ослаблением и после заключения мирного соглашения с Англией у Карла VIII оказались развязаны руки для вторжения в Италию в 1494 г., которым открывается новая эра в истории Франции и всей Западной Европы.

ГЛАВА 1

ФРАНЦУЗСКОЕ КОРОЛЕВСТВО И ВЛАДЕНИЯ

ПЛАНТАГЕНЕТОВ

Во вторник, 1 февраля 1328 г., последний французский король из династии Капетингов, Карл IV, скоропостижно скончался в своем Венсенском замке недалеко от Парижа после болезни, приковавшей его к постели на минувшее Рождество. Детей у Карла IV не было, но супруга его была беременна. Спустя несколько дней после смерти короля ассамблея принцев, пэров и баронов при участии ряда докторов канонического и гражданского права назначила королевского кузена Филиппа Валуа регентом королевства, возможно, тем самым просто придав законную силу последней воле самого Карла, так как во время болезни короля Филипп, по-видимому, уже действовал в данной роли. Вместе с тем было решено, что, если королева произведет на свет сына, Филипп останется регентом вплоть до совершеннолетия наследника, но если ребенок, ожидаемый королевой, окажется девочкой, Филипп взойдет на трон. Так, в третий раз за последние двенадцать лет, после того как в течение трех столетий французская корона без перерыва переходила от отца к сыну, еще одна женщина из рода

18

Капетингов была отстранена от трона (ср. генеалогическую таблицу).

Были веские причины для того, чтобы ассамблея действовала быстро и решительно, ибо у ситуации, возникшей в связи со смертью Карла, имелся поучительный прецедент. В 1316 г. по смерти Людовика X осталась семилетняя дочь Жанна от первой жены, чье происхождение, однако, подвергалось сомнению*, тогда как вторая супруга короля была беременна. После того, как в течение более чем пяти недель страной управлял совет знати, брат Людовика Филипп добился, чтобы его назначили регентом; ассамблея, формально поддерживавшая регентство Филиппа, оставила нерешенным вопрос о судьбе престолонаследия в случае, если ребенок, родившийся после смерти Людовика, окажется девочкой. Когда сын, которого произвела на свет королева, несколько

дней спустя скончался, Филипп (хотя и не без сопротивления со стороны оппозиции) завладел трон, поправ права своей племянницы Жанны и своей старшей сестры Изабеллы. В 1322 г. после смерти Филиппа его брат Карл точно так же отстранил от престола дочерей самого Филиппа. Таким образом, между 1316 и 1328 гг. престолонаследие осуществлялось не в соответствии с каким-либо заранее принятым законом, но как «*faits accomplis*» (свершившимся фактом). Вместе с тем после смерти Карла IV оставался в живых еще один ребенок Филиппа IV — Изабелла, мать Эдуарда III, короля Англии.

Изабелла, печально известная своей супружеской неверностью, отчасти простительной по причине слабостей ее мужа Эдуарда II, была женщиной дурного

Первая супруга Людовика X, Маргарита Бургундская, тайно изменяла своему мужу с одним из придворных, поэтому подозревали, что ее дочь Жанна зачата не от короля. (Прим. ред.)

нрава, известной интриганкой и отнюдь не тем человеком, который легко смиритсЯ с потерей своих прав. В 1325 г., направившись к брату Карлу IV с поручением от Эдуарда II обсудить последние события и достичь соглашения по извечной проблеме Гаскони, Изабелла сблизилась с лордом Уэльской марки Роджером Мортимером. Вместе они подняли восстание, два года спустя завершившееся низложением и последовавшим за ним убийством супруга Изабеллы и переходом престола к ее сыну Эдуарду III (см. рис. 5), который вплоть до свержения Мортимера в 1330 г. находился под опекой матери и ее любовника. Уже после смерти сына Людовика X, родившегося после кончины своего отца, Эдуард II, по меньшей мере, задумывался о возможном разделе королевства — как видно, допуская, что дочь Людовика не сможет занять трон. В 1328 г. неправомочность наследников женского пола была молчаливо признана Изабеллой, поскольку в противном случае ее племянницы, несомненно, обладали бы большими правами, чем она. Однако на большой ассамблее, в феврале назначившей Филиппа Валуа регентом, представители Эдуарда III потребовали для него французскую корону на том основании, что мать английского короля могла передать свои права на престол сыну и вследствие этого он является ближайшим к Карлу IV наследником мужского пола — что было неоспоримым фактом, поскольку Эдуард приходился последнему королю Франции племянником, а Филипп Валуа — всего лишь кузеном. Столь веский аргумент вполне мог склонить на сторону Эдуарда некоторых докторов права, однако по ряду серьезных причин ассамблея его проигнорировала. Хотя по своему происхождению Эдуард был таким же французом, как и Филипп, говорил на французском языке, был герцогом Аквитанским, графом Понтье и пэром Франции, во время описываемых

Рис. 5. Изображение Эдуарда III (1327-1377 гг.); позолоченная медь. Вестминстерское аббатство, Лондон
событий ему исполнилось всего лишь пятнадцать лет и он, без сомнения, еще не обрел

самостоятельность, тогда как Филиппу уже было тридцать пять. Перспектива правления во Франции Изабеллы и Мортимера едва ли прельщала ассамблею, равно как и усиление могущества короля, который мог бы добавить к владениям Капетингов домен английской короны и французские лены Плантагенетов. Более того, принять

21

довод, гласивший, что женщина может передать свои права сыну, значило спровоцировать проблемы в будущем. Ведь если бы одна из кузин Эдуарда произвела на свет сына, он был бы внуком последнего короля из династии Капетингов, тогда как Эдуард приходился только племянником. Таким образом, признание аргумента, выдвинутого Эдуардом, было чревато реальной опасностью, что отчасти и подтвердили последующие события. В 1332 г. дочь Людовика X произвела на свет Карла Наваррского, который впоследствии имел основания утверждать, что не только Филипп Валуа, но и Эдуард III уступает ему в степени родства с Капетингами. Претензии Эдуарда III были отвергнуты даже до рождения посмертной дочери Карла IV, потому что Филипп Валуа находился в центре событий, был в фаворе и держал ситуацию под контролем; и хотя Эдуард активно протестовал против вступления Филиппа на престол, в тот момент все же был совершенно бессилён что-либо изменить.

Королевство, во владение которым вступил Филипп, было самым богатым и самым населённым в Европе. На севере и на западе оно простиралось до Ла-Манша и побережья Атлантики, восточная граница проходила приблизительно по руслу Шельды от устья до юга Камбре, достигала Мааса в северо-восточной части Ретеля, далее шла по верхнему течению реки и, наконец, вдоль Соны и Роны до впадения последней в Средиземное море. На юге королевство подступало к Пиренеям; исключение составлял юго-западный участок границы, где предгорья входили в Наваррское королевство, и юго-восточный участок, граничивший с Руссильоном, который был суверенным владением Арагонского дома (см. карту II). Французское королевство, по численности населения (21 млн), в пять раз превосходившее Англию (4,5 млн) и в полтора раза — Германию (14 млн), обладавшее королевским

22

доменом, расширенным поколениями жестоких и предприимчивых королей и охватившим добрую половину страны, столицей, восьмисоттысячное население которой более, чем в два раза, превосходило население Лондона, разветвленным административным аппаратом, казалось, непременно должно было удерживать гегемонию в Западной Европе, которой оно добилось в XIII веке, в частности, в правление Людовика Святого (1226-1270 гг.). Западные провинции были вырваны из рук Плантагенетов; Филипп IV (1285-1314 гг.) в ходе конфликта с папой ясно продемонстрировал, кто должен быть владыкой французской церкви; граф Фландрский был приведен к покорности; и повсюду, на севере и на востоке, установилась французская гегемония. Столетьем раньше все было совершенно иначе.

Задача, стоявшая тогда перед французскими королями, была не из легких. Вплоть до конца XI века королевский домен (те графства, которые являлись неотчуждаемой собственностью короля, где королю принадлежали земельные угодья, суд, мельницы, церкви и т. д.) был ничтожно мал и беззащитен, его границы проходили недалеко от Парижа и Орлеана. Задача Людовика VI (1108-1137 гг.) и Людовика VII (1137-1180 гг.) заключалась в том, чтобы, насколько

Рис. 6. Король Англии приносит оммаж за Аквитанию и Понтье; деталь миниатюры из рукописи конца XIV в.

было в их силах, расширить владения французских королей и водворить на принадлежавших им землях порядок, установив контроль за шателенами* и местными чиновниками. Увеличение ресурсов, находившихся в руках французских монархов, и последовавшее укрепление власти над вассалами принесло свои плоды во время правления Филиппа II Августа (1180-1223 гг.), когда внутренние раздоры в Анжуйской империи открыли перед французскими королями новые горизонты.

Эти значительные земельные владения, собранные вместе путем наследования, завоеваний и брачных союзов, принадлежали одному из королевских вассалов — Генриху Плантагенету, получившему в 1154 г. английский престол. Помимо того, что он властвовал над землями к северу от Ла-Манша, Генрих II был герцогом Нормандии, правителем Бретани, графом Анжу (к которому были присоединены Мэн и Турень); также по браку с Алиенорой Аквитанской, разведенной супругой короля Франции Людовика VII, Генрих являлся герцогом Аквитании (включавшей Гасконь и Пуату). В общей сложности эти владения составляли две пятых территории Франции и тянулись сплошной полосой, охватывая всю западную часть страны. К счастью для французских королей, из-за огромных размеров этих владений и значительного числа могущественных вассалов (особенно в Аквитании, где герцогская власть была слабой) правление Плантагенетов осложнялось множеством неразрешимых проблем, из которых Филипп и его наследники умели извлекать выгоду. Между 1202 и 1204 гг. Нормандия, Анжу, Бретань и часть Пуату перешли во власть Филиппа Августа, и в течение последующих пятидесяти лет

Шателен (кастелян) — владелец замка и окружающих его окрестностей, обладавший правом военной, административной и судебной власти. (*Прим. ред.*)

24

французские короли захватили большую часть остального наследства Генриха II. Утрата английскими королями почти всех этих территорий была закреплена в Парижском договоре 1259 г., по которому Генриху III и его наследникам оставили лишь сильно урезанное герцогство Аквитанское (ср. ниже стр. 52-53). Однако этим достижения Франции в XIII столетии не ограничиваются. Постепенно, посредством ряда политических браков, к владениям короны было присоединено графство Шампань, и в результате своевременного вмешательства Капетингов в крестовый поход против альбигойцев в состав королевского домена вошло обширное графство Тулузское. Так королевская власть воцарилась в самом сердце Лангедока, что ознаменовало первый и весьма значительный шаг по направлению к закономерному объединению севера и юга. Успех монархии в деле расширения домена и превращения королевского суда в высшую апелляционную инстанцию способствовал быстрому росту машины управления. До Филиппа Августа королевская администрация играла довольно скромную роль. Основная задача короля состояла в том, чтобы извлекать из домена выгоду и управлять им. Эти функции король осуществлял при помощи своих прево и шателенов, чьи должности были наследственными, и чья деятельность была тесно связана с доменом. В правление Филиппа стали назначаться местные чиновники, известные как бальи или сенешали (бальи мы встречаем, в основном, на севере, сенешалей — на юге). Первоначально они должны были объезжать округа и осуществлять надзор — предполагалось, что они будут следить за тем, как исполняют свои обязанности королевские чиновники и сеньоры, наделенные судебной или иной властью. Впоследствии бальи и сенешали оседают на местах и принимают активное участие в управлении — тем самым они в значительной степени

25

присваивают себе власть королевских прево и местных сеньоров. В некоторых случаях, когда бальи и сенешали не справлялись со своей задачей, для надзора за ними направлялись ревизоры — типичный пример средневековой стратификации; и сверх того, для управления наиболее отдаленными областями королевства, несколько сенешальств могли временно сливаться в единый округ, находящийся в ведении наместника, обладающего вице-королевскими полномочиями. В центре старая королевская курия (*curia regis*), неразвитая и собиравшаяся нерегулярно, была разделена на отдельные ведомства, и в значительной мере преобразовано профессиональное учреждение для того, чтобы справляться с объемом работы, увеличившимся по мере расширения домена и соответствующего роста судопроизводства. На протяжении XIII века постепенно оформляются очертания палаты Счетов и палаты Казны, ведавших королевскими доходами. В то же время, ввиду возросшего объема судопроизводства, были установлены регулярные сессии курии, которые, как и в Англии, назывались «парламентами»; начался процесс профессионализации, приведший к формированию на базе судебной деятельности курии особого учреждения. За этим верховным судом во Франции закрепилось название «парламент», поскольку

судопроизводство в нем затмило собой всю остальную работу, тогда как в Англии, где уже существовали другие центральные судебные инстанции для решения обычных юридических вопросов, а главной заботой короля было получение субсидий, термин «парламент» остался за учреждением, функции которого вовсе не ограничивались судебными. Наследником прежней курии, занимавшимся вопросами, которые не являлись ни сугубо юридическими, ни сугубо финансовыми, стал так называемый Большой совет. В XIV веке все три ведомства время от времени объединялись, воссоздавая прежнюю курию, однако таких

26

случаев становилось все меньше, и король начал управлять страной совместно с немногочисленной группой советников — тайным советом (*conseil étroit, privé, secret*), функционирующим более или менее постоянно и отличающимся четко определенным составом участников.

Во Франции не было никакой организации, соответствовавшей средневековому английскому парламенту. Как и их английские современники, французские короли в конце XIII и в начале XIV века считали необходимым пополнять свои доходы за счет налогов (*aides*), на которые, в соответствии с повсеместно распространенным феодальным обычаем, им формально требовалось получить разрешение от подданных. С этой целью, а изредка и по другим поводам, короли созывали собрание, известное как Штаты. Однако Штаты крайне редко, даже в общих чертах, представляли все королевство в целом; часто они имели сугубо местный характер. Для короля даже удобнее было иметь дело непосредственно с отдельной группой нотаблей: местной знатью, духовенством или муниципальными властями, — для тех, подобный подход, по видимому, был оптимальным. Собрания провинциальных Штатов обычно проводились только в качестве предварительного этапа к локальным переговорам между королевскими чиновниками и городами или феодалами. Их главная задача состояла в предоставлении сведений о местных ресурсах. Большие собрания созывались нерегулярно, и их состав не был постоянным. С самого начала они едва ли обещали развиться в некий институт, который мог бы стать основанием для формирования конституционной монархии.

Король правил страной, опираясь на свой совет, а в провинциях — на бальи и сенешалей, действовавших в соответствии с распоряжениями, полученными из центра, а также, как это всегда было на юге, под

27

управлением наместника, обычно королевской крови, при котором местные чиновники действовали как совет. За пределами королевского домена, в тех областях Франции, что входили в состав крупных ленов, полномочия были оставлены за королевскими вассалами, формировавшими администрацию по своему усмотрению в соответствии с нуждами управления. В Париже были созданы правительственные ведомства, занимавшиеся обычными доходами, поступающими с домена (палата Казны) и экстраординарными доходами или налогами, получаемыми в результате переговоров с локальными корпорациями или Штатами (палата Счетов). Сверх того, парижский парламент, высшая судебная инстанция королевства, распространил свое влияние на всю территорию страны. Это был апелляционный суд не только для решений, принятых судами, состоявшими из королевских чиновников и действовавших на территории домена короны, но и для судебных решений всех королевских вассалов и их чиновников, включая суды крупных ленных владений.

Франция была обширной и неоднородной страной, в которой короли того времени, не привыкшие мыслить о королевстве как о территории с четкими линиями границ, едва ли могли разглядеть некое территориальное единство. К тому же в те времена еще не было хороших карт, способных дать ясное представление о том, что представляет собой совокупность земель, из которой состояло королевство, и до XV века не было описаний различных земель, входивших в его состав. Вместе с тем разнообразие контрастных ландшафтов должно было производить разительное впечатление, равно как и отличия в образе жизни местного населения. Богатые земледельческие районы северной Франции с их регулярными неогороженными полями, большой плотностью насе-

28

ления и деревнями заметно контрастировали с более бедными и малонаселенными территориями центральных областей, с огороженными полями Мэна, с редкими поселениями Центрального массива и с виноградниками и нерегулярными неогороженными полями Борделе. В каждом из этих регионов существовал контраст между плоскогорьем и равниной, разительно отличавшимися по характеру поселений, уровню благосостояния и роду занятий местного населения. На плоскогорьях Бургундии и Пуату земля также давала богатый урожай, но заболоченные земли на

западе, в южной Бретани и Вандее, несмотря на все дренажные работы, проводившиеся в XIII веке, вели к иному образу жизни, в особенности в районе Геранды, которая со временем становится центром процветающего соледобывающего региона и базой для огромного северного флота, доставлявшего грузы в Англию и поддерживавшего связь с сельдевым рыболовецким промыслом в южной Швеции. На протяжении всей долины Луары, в Анжу, Орлеане и Бургундии, как и на юго-западе, вокруг Бордо и в районе Антр-Де-Мер, сельский ландшафт был покрыт виноградниками.

Самым поразительным должен был казаться контраст между севером и югом, между Лангедойлем и Лангедоком, контраст в климате, языке, обычаях, традициях — контраст двух жизненных укладов. Несмотря на то, что древняя цивилизация юга исчезла, ее влияние было заметно и взгляду, и слуху. Достаточно образованный англичанин не испытывал бы трудностей в общении к северу от долины Луары, как бы странно ни звучала его речь для слуха парижанина, однако южнее Луары речь большинства людей казалась бы ему, как и любому уроженцу северной Франции, совершенно непонятной. Даже постройки на юго-востоке отличались поразительным образом. В Лангедоке и дальше по течению Роны до самого Лиона дома были, в основном, каменные и строились в

29

несколько этажей. Они гораздо больше напоминали типичную итальянскую застройку, чем сложенные из дерева и хвороста жилища северян.

«В дальних и чужих землях, — говорит хронист Жан Фруассар, — поражаешься благородному французскому королевству, сколь много там городов и замков, как в отдаленных марках, так и в сердце королевства». Богатство страны произвело на Фруас-сара заметное впечатление, однако речь, несомненно, идет по преимуществу о сельской местности, а не о городах. Французское королевство, как рассказывает нам Фруассар, «изобиловало большими деревнями, превосходными угодьями, приятными реками, добрыми прудами, прекрасными лугами, выдержанными и крепкими винами, а также приятным умеренным климатом». За исключением Парижа, во Франции не было городов, сопоставимых по величине с крупными итальянскими городами, однако население нескольких городов составляло порядка 30 000 жителей: к ним относятся Руан, Бордо, Тулуза и крупные фламандские города сукноделов: Рент, Ипр и Брюгге, наводненные мастерскими и наполненные гулом ткацких станков центры огромной международной торговли. По английским меркам они были поистине метрополиями. «И этот город больше, чем любой город в Англии, кроме Лондона», — пишет в 1346 г. о Кане Михаил Норбургский, и он же делает еще несколько сравнений: Барфлер больше, чем Сандвич, Карентан больше, чем Лестер, и Сен-Ло, который был крупнее Линкольна. Однако французские города, вне всякого сомнения, казались большими и многолюдными только по сравнению с городами английскими; по нашим меркам, это были всего лишь разросшиеся деревни. Большая часть населения жила в сельской местности, работая в поместье или выплачивая ренту знатным землевладельцам, жившим в замках и манорах, и поныне возвышающихся по всей стране.

30

Знать выделялась среди прочих жителей страны своими земельными владениями, наследственными правами как на землю, так и на отправление правосудия, которые знатный род передавал из поколения в поколение и надеялся в дальнейшем еще более преумножить. Однако благородное сословие не было ни достаточно многочисленным, ни однородным общественным слоем, сильно отличаясь меж собой в богатстве и положении. Его можно с полным основанием разделить на две категории: высшую знать и мелкую знать (*petite noblesse*). Представители первой категории — около шестидесяти родов, число их менялось с течением времени в зависимости от создания новых семейств и увядания старых (браки, отсутствие наследников и т. п.); они носили титулы герцогов, графов или, как на юге, виконтов. Некоторые из них были очень могущественны, поскольку, в отличие от своих английских современников, они действительно владели земельными угодьями, территориально совпадавшими с теми герцогствами, графствами и виконтствами, чье название фигурировало в их титуле. К мелкой знати принадлежали посвященные в рыцари (около 2000), их именовали мессирами (*messire*), сеньорами (*seigneur*) или господами (*dominus*), в зависимости от числа замков, находившихся в их владениях (один или более), обладания сеньоральными правами и правом вершить суд или и тем, и другим одновременно; к этой же категории относились оруженосцы (около 15000; (*escuyer*), (*damoiseau*), (*domicellus*), — так обычно именовали сыновей рыцарей, еще не прошедших посвящение, но также и всех тех, кто не добивался рыцарского звания). Слова

«рыцарь» и «оруженосец» употреблялись по всей стране, однако в некоторых областях их могли называть просто *poble* (благородный) или *poble homme* (благородный человек).

Из числа высшей знати наибольшим весом обладали четыре крупных вассала: герцоги Бретонский, Бур-

31

гундский и Гиенский, а также граф Фландрский — все они являлись пэрами Франции. Эти сеньоры управляли столь обширными территориями и обладали такой полнотой власти, что, скорее всего, о них следует говорить как о князьях, а об их вотчинах — как о княжествах. Уже к началу XIV столетия каждый из них в той или иной степени сформировал в своем княжестве управленческий аппарат; в ряде случаев административная система была передовой для своего времени, но все они создавались по образцу королевской. В каждом княжестве существовала своя курия с более или менее выделившимися советом, парламентом и палатой Счетов (названия этих ведомств могли быть различными), и в каждом существовала организованная система местного управления.

Такому развитию событий способствовал ряд обстоятельств. Основу Фландрского графства составляло германское население, а ядро герцогства Бретонского было кельтским. Первое было районом бурного экономического развития, тогда как последнее занимало жизненно важную стратегическую позицию благодаря выходу к морю. Все четыре княжества находились на границе королевства и имели собственные интересы за его пределами: в состав Фландрии и Бургундии входили территории, относившиеся к Империи, в состав Бретани — английские территории. Герцог Гиенский одновременно являлся королем Англии, и его владения были объединены экономическими интересами, связанными с винной торговлей, а графство Фландрское зависело от поставок английской шерсти, необходимой для снабжения сырьем суконных мануфактур в крупных городах. Другие представители знати, такие как графы Фореца и Божоле или виконт Беарна, тоже имели свои управленческие аппараты, при посредстве которых осуществляли управление подвластными территориями; однако, как правило, подобные структуры были гораздо более просты и менее

32

развиты, чем административные институты крупных вотчин. Ко дню вступления на престол Филиппа Валуа из числа апанажей (земельных владений, пожалованных членам королевской семьи на правах относительной независимости) оставалось только пять и притом очень небольших по размеру, так как по воле судьбы большая часть апанажей, созданных королями в XIII столетии, вернулась в состав королевского домена, либо потому, что их владельцы унаследовали корону, либо потому, что они умерли, не оставив потомства.

Владельцы сохранившихся апанажей находились на одном уровне с небольшими графскими династиями, такими как Блуа, Ретель, Бар и Невер, и не представляли для монархии особой опасности. Мелкая знать была довольно разношерстной: к этой категории относились как отпрыски старинных родов, так и выскочки, достигшие своего положения либо на королевской или на графской службе, либо за счет приобретения сельского поместья, феодальной вотчины или брачного союза с представителями благородного сословия. Как и высшая знать, они не составляли однородного класса, ибо разница в благосостоянии и общественном положении были очень велика.

Процветающие представители этой группы, владевшие несколькими замками и поместьями, были ближе к наименее состоятельным графским родам, чем к гораздо более бедным по сравнению с ними рыцарям и оруженосцам, составлявшим большую часть мелкой знати, многие из которых вели жизнь, едва ли отличавшуюся от жизни их держателей, за исключением того, что сами не обрабатывали принадлежавшую им землю. Мы пока не располагаем возможностями для подробного изучения этой социальной группы на всей территории Франции. Однако исследование графства Форез показывает, что его граф располагал доходом 2400 ливров. Из числа оставшихся в графстве 215 знатных фамилий два или три крупных

33

барона (владевших несколькими замками и довольно обширными земельными угодьями) имели доход от 200 до 400 ливров, а годовой доход владельцев единственного замка (таких в графстве было около 20) составлял от 20 до 100 ливров. Огромное число прочих знатных семейств довольствовались годовым доходом в 5 ливров, получаемым с небольших имений,

не превосходивших размерами крупные крестьянские наделы, и немногочисленными рентами и десятинами, выплачиваемыми окрестными держателями. Войти в круг местной знати не составляло особого труда. Формально все сыновья знатных семейств сами являлись носителями знатного титула, и этот статус мог быть пожалован кому-либо только королем или принцем крови; однако так обстояли дела лишь с точки зрения закона. В Форезе знатные семейства вырождались, либо из-за отсутствия наследников, либо по причине крайней бедности, и за сто лет их число могло сократиться вдвое. Их место занимали выходцы из самых разных слоев общества — легче достигали этого графские вассалы и чиновники, с большим трудом — купцы или горожане; в значительной мере местная знать пополнялась за счет юристов и, прежде всего, за счет разбогатевших крестьян. Для того, чтобы эти люди могли именоваться «domicelli», не требовалось никакого формального акта или документа, подтверждающего их принадлежность к благородному сословию: достаточно было признания со стороны местной знати.

И все же, несмотря на явные различия в размерах состояния и занимаемом положении, знатные семейства были связаны взаимными обязательствами, рядом привилегий, отличавших их от других социальных категорий, и определенным образом жизни. Прежде всего, их объединяла благородная воинская служба, присущее рыцарю мастерство ведения конного боя в тяжелых доспехах с копьем и мечом, а также доход,

34

необходимый для приобретения соответствующего снаряжения. Рыцарский образ жизни также предполагал особый род благородного поведения, обязанность соблюдать признанное в ту эпоху «право оружия» как на поле битвы, так и на турнирном ристалище. Хронисты этого периода — Фруассар, Монстреле, Вав-рен, если упомянуть лишь некоторых, — неоднократно повествуют о войнах, в которых принимали участие феодалы, сопровождая их описание бесценными для нас комментариями, проливающими свет на интересы и предрассудки знати. Самосознание благородного сословия — самосознание привилегированного класса — нашло отражение в их гербах, о нем с пафосом говорили эмблемы, изображаемые на щитах и печатях. Мы можем видеть дошедшие до наших дней «свитки гербов» — манускрипты, в которых перечисляются рыцари, принимавшие участие в каком-либо турнире или военном предприятии, с цветными изображениями геральдических фигур, украшавших оружие, которым те сражались (см. рис. 7).

Между различными слоями общества не было четко определенных границ. Даже положение крестьянства не было статичным и повсеместно одинаковым. В отличие от Англии, где этот процесс еще не был завершен, во Франции к началу XIV века большинство землевладельцев отказались от непосредственной обработки принадлежавших им обширных угодий и вместо этого стали собирать ренту с держателей. Трудовая повинность, заключавшаяся в работе в маноре в качестве платы за пользование крестьянским наделом, повсеместно была заменена оплачиваемой работой в сочетании с рентой. Серваж почти исчез в северных областях Франции, но в других районах он еще сохранял свое значение, и в некоторых местах — как, например, в окрестностях Парижа и в Борделе — наблюдались резкие контрасты. Судьбы крестьянства были столь же многообразны, как и судьбы знати.

35

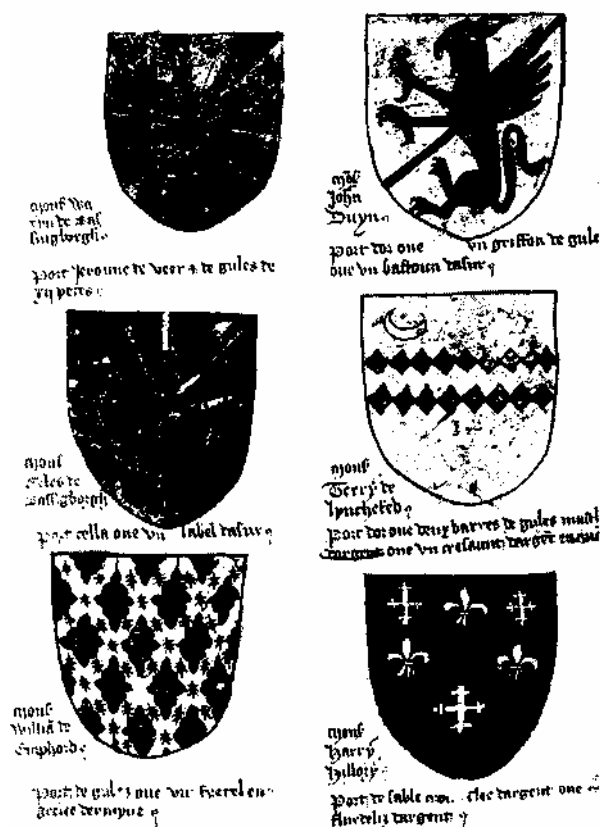

Рис. 7. «Свиток, гербов», 1334 г.

Одни семьи сохранили личную независимость, другие — нет. Некоторые крепостные добивались определенного успеха, арендуя часть хозяйских земель, и с пользой вкладывали свой труд. Положение многих крестьян, формально считавшихся независимыми, было гораздо худшим. Между преуспевающим лично свободным арендатором, собирающим ренту и сделав-

36

шим уже первый шаг на пути к благородному титулу, и зависимым крестьянином, отрабатывающим трудовую повинность в маноре своего господина и имеющим всего-навсего крошечный собственный надел, пролегла гигантская пропасть. Однако это только два полюса жизни непривилегированного класса, между которыми — огромное пространство, открытое для многочисленных вариаций.

В сердце королевства, по крайней мере, с точки зрения географии, находился Париж, и Иль-де-Франс, подобно магниту, притягивал к себе как близлежащие, так и некоторые весьма отдаленные провинции (см. рис. 8). Политический и культурный центр, притом едва ли являвшийся крупным промышленным или коммерческим городом, Париж был тем не менее ядром региона, снабжавшего его всем необходимым для удовлетворения нужд растущего двора и бюрократии, и также огромной и разношерстной толпы студентов Университета. Для удовлетворения запросов этих слоев городского населения появилось множество мастерских, производивших самые разнообразные товары: от простейших предметов обихода до цветного стекла, музыкальных инструментов и иллюстрированных манускриптов. На фоне других французских городов Париж, как и весь Иль-де-Франс, казался густо населенным. Плотность населения в этом регионе в четыре раза превосходила среднюю плотность населения в королевстве, и даже если не считать Парижа, она все равно была в два раза выше, чем в других областях Франции. Как и в случае крупных городов в Италии — например Генуи — это не было исключительным явлением: ведь крепостные стены большинства городов Северной Европы, в том числе и Парижа, охватывали значительную часть прилегающей сельской местности. На островах заросшей ивняком Сены располагались сады и огороды, и долго оставалась незастроенной пустошь Пре-о-Клер, где

37

Рис. 8. Вид Парижа (из хроник Фруассара)

часто устраивали турниры. Южнее простиралась угодья Сен-Жермен и узкие улочки Сен-Сюльпис, терявшиеся в виноградниках. Виноградарство было важной отраслью во всем Иль-де-Франсе, этот же район обеспечивал город хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами; более отдаленные области тоже принимали участие в снабжении Парижа: Пикардия (зерном), Бон (вином), Перш (скотом) и, в трудные годы, Нормандия (сеном, яблоками, зерном) — продукты доставлялись на вьючных мулах или по рекам на лодках. Король и королевский двор в Иль-де-Франс могли найти все, что они только могли пожелать, и

38

не в последнюю очередь, лучшую на всю страну охоту, служившую им главным развлечением. В течение долгого времени этот процветающий регион притягивал переселенцев из более скудных районов Франции, но вместе с тем единство Иль-де-Франса было обусловлено существованием Парижа, местной столицы, ставшей столицей королевства. Капетинги создали Париж, и Париж, в свою очередь, создал французскую монархию.

В начале XIV века Плантагенеты правили гораздо меньшим королевством, чем их французские современники, поскольку под их властью находилась далеко не вся территория Британских островов и попытки английских королей расширить границы подвластных им земель принесли весьма незначительные результаты. Хотя Уэльс был покорен (1276-1295 гг.) при Эдуарде I и в дальнейшем не доставлял серьезных проблем, успех англичан в десятилетней шотландской войне (1296-1307 гг.) был недолгим, и вслед за драматичным поражением войска Эдуарда II при Баннок-берне в 1314 г. шотландцы заявили о своей независимости. Даже в Ирландии, теоретически завоеванной при Генрихе II, власть англичан почти не чувствовалась за пределами округа Дублина (Пэля) и окрестностей Корка и Уотерфорда на самом юге. На остальной территории вожди кельтских кланов, добившихся особого могущества в Коннахте и Ольстере, а также старинные англо-ирландские семьи, прочно осевшие на этих землях, фактически не считались с наместниками английского короля.

Способность короля эффективно управлять в этих весьма ограниченных пространствах в значительной степени зависела от его отношений с крупными феодалами королевства.

Формирование политического сознания баронства в Англии произошло достаточно рано, одновременно с формированием королевской администрации, создание которой в какой-то мере

39

спровоцировало этот процесс, но которая тем не менее служила средством его регуляции. Первое обрекало короля на унижения и позор, второе давало ему преимущество, и атмосфера правления во многом определялась личными качествами монарха и его умением ладить с магнатами.

Правление Иоанна (1199-1216 гг.) и последние годы правления Генриха III были годиною мятежей

и мести, и за насильственным лишением престола Эдуарда II последовала целая череда свержений с трона, пополнившая богатую историю смут. Некоторым монархам удавалось поддерживать закон и порядок в стране, управляя сурово, но мудро, как Генриху II (1154-1189 гг.) и Эдуарду I (1272-1307 гг.), либо благодаря военным успехам, обеспечивавшим им поддержку народа, как Эдуарду III (1327-1377 гг.) и Генриху V (1413-1422 гг.). Однако благополучные времена перемежались периодами кровавых смут. «У них в Англии принято, — писал в 1444 г. Жан Жювенель дез Юрсен, — не долго думая менять королей, когда это находят подобающим, убивать их или злонамеренно ускорять их смерть». «Чего добрый и верный французский народ никогда не делал», — добавляет от себя Жан де Рюильи сорок лет спустя. Эти строки навеяны еще свежими в их памяти примерами свержения английских королей, однако насилие, царившее в правящих кругах Англии и стоявшее за теми случаями, о которых упоминают французские авторы, уходит корнями в раннюю историю острова.

В начале XIV века Англия была не просто меньше Французского королевства, она была более бедной и малонаселенной; это была страна фермеров, рыбаков и овцеводов, поставлявшая сырье и ввозившая готовую продукцию. Четыре с половиной миллиона жителей Англии, населявших примерно 8600 неравных по численности приходов (во Франции насчитывалось около 32 000 приходов), были неравномерно распределены

40

по территории страны, так как древнее различие между возвышенными и равнинными районами по-прежнему сохранялось. На севере и на западе от линии, проведенной приблизительно от Йорка до Эксета, не было ни одного, даже небольшого, города, деревни встречались крайне редко, немногочисленное население было рассеяно по обширной территории. Помимо Уэльса с его четырьмя епископствами (bishoprics), в архиепископство (province) Йоркское входило всего три викарных епархий, в отличие от четырнадцати епархий архиепископства Кентерберийского. Самой высокой плотность населения была на юго-востоке равнинной зоны, в Восточной Англии, на юге Линкольншира и в Мидленде между Шервудом и Оксфордом (в основных районах производства пшеницы), однако и этот регион нельзя назвать густонаселенным. Суррей, Суссекс и Гэмпшир, графства Вилд и Нью-Фореста, с другой стороны, могли быть несколько менее населенными, чем Шропшир и Херефордшир. За исключением Лондона, с его 35000 населением, и Йорка, с примерно 11 600 жителей, в Англии, по-видимому, не было городов, где число обитателей превышало бы 10000 человек. В действительности, подсчитано, что к 1377 г. население Лондона, хотя и было малочисленным по сравнению с населением Парижа, тем не менее превосходило по численности население четырех крупнейших городов (Йорка, Бристоль, Плимута и Ковентри), взятых вместе, и среди остальных английских городов не было ни одного с населением более 6000 человек. Англия была во всех отношениях скудно населенной страной. Лондон во многом опережал свое время. Хотя он по-прежнему оставался городом, расположенным на левом берегу Темзы, как тому предстояло быть еще в течение столетий, начавшийся рост Вестминстерского бурга (borough) (где находилось большинство правительственных учреждений) и строительство

41

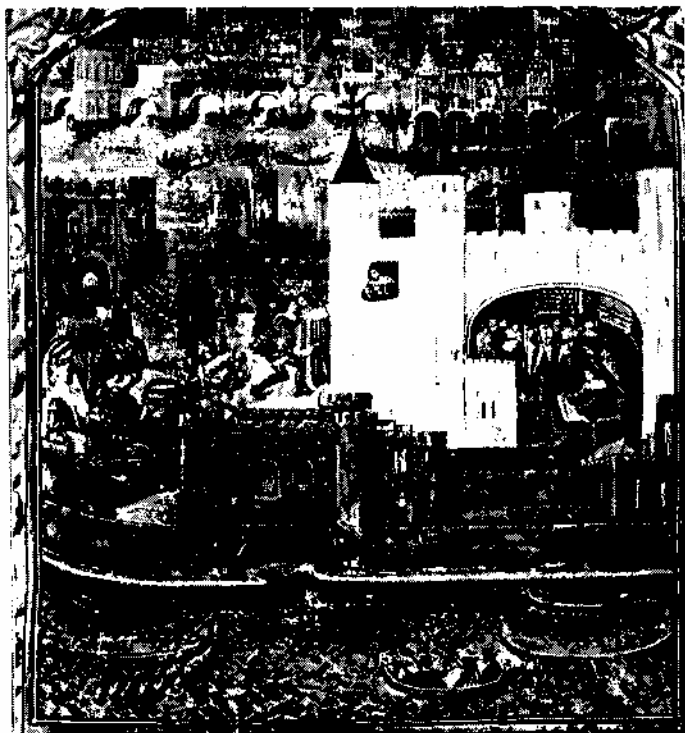

Рис. 9. Вид Лондона из «Поэмы Карла Орлеанского»
(конец XV в.)

вдоль Стрэнда прекрасных дворцов знати стремительно превращали его в подлинную столицу (см. рис. 9). Лондон вел коммерческие дела со многими регионами континента и все больше прибирал к рукам торговлю сукном. При Эдуарде III и Ричарде II Лондон стал центром не только политической и экономической, но также общественной и литературной жизни королевства. Во время судебных сессий и заседаний парламента и соборов город наводняли студенты, слуги, клерки и юристы, а также светские и церковные магнаты, которые все чаще обзаводились там посто-

42

Рис. 10. Личная печать Джона Гонты

янными домами. Как и Париж, Лондон был многолюдным городом, однако в его жизни еще сохранялись провинциальные черты. Колокола Bow Church (Сент-Мэри Апу) отзванивали вечерний сигнал гашения огней и для тех, кого ночь застигала в поле, и для городских рабочих, и только близость сельской местности спасала скученное лондонское население от смертельных болезней. Помои сливались в открытые канавы, тянувшиеся вдоль улиц, и стекали по ним в реки и каналы, свиньи рылись в мусоре, мясники резали скот на Флит-Стрит. И тем не менее население Лондона постоянно пополнялось за счет переселенцев, стекавшихся в столицу со всех уголков страны; страх перед эпидемиями не останавливал крестьян и горожан, художников и ремесленников, солдат и авантюристов, готовых пополнить ряды лондонцев.

За пределами Лондона мы видим существенные различия в природных условиях и типах хозяйствования, в условиях владения землей и в статусе крестьян, который зависел от характера земли. В XIII столетии, ставшем классической эпохой интенсивного земледелия, вследствие демографического роста и экономического подъема были расчищены под пашню и заселены очень многие земли. К 1300 г. значительную часть обрабатываемых земель составляли территории,

отвоеванные у лесов. Частично были огорожены и осушены болота Линкольншира. На поросших вереском торфяниках Корнуолла и Девона возникли небольшие пастушеские фермы, в большинстве случаев

43

основанные крестьянами. На севере были распаханы склоны некоторых холмов. И все же, несмотря на огромный труд по освоению английской земли, жизнь богатых земледельческих районов центральной и восточной Англии по-прежнему заметно отличалась от жизни торфянистых местностей, вересковых пустошей и лесов. Повсюду дикий лесной мир вплотную подступал к полям и крестьянским усадьбам. «Если посмотреть на Англию с высоты, она покажется одним огромным лесом, непрерывным морем древесных крон, на фоне которого то здесь, то там, на большом расстоянии друг от друга виднеются голубоватые спирали дыма» — почти так же выглядит современная Скандинавия. Обширные королевские леса (такие как Нью-Форест, Сэйвернейк, Арден и Шервуд), Ланкастерские леса (в Ланкашире, Йоркшире и Дербишире) и бесчисленное множество меньших по размеру частных охотничьих угодий и густых лесов занимали значительную часть впоследствии распаханных земель. В большинстве случаев возделываемые земли не огораживались, обрабатывавшие их крестьяне, как правило, жили в деревнях, то есть в одном из домов, сосредоточенных вокруг церкви, мельницы и, возможно, усадьбы землевладельца. Принадлежавшие деревне поля были разделены на множество неогороженных полос, каждому арендатору, лорду манора и священнику принадлежало несколько таких участков, зачастую находившихся на различных полях далеко друг от друга. Подобные «нуклеарные» поселения были типичны для Мидленда, где половина деревень совпадала с единым крупным манером размером примерно от 500 до 750 акров. На холмистых землях Пеннин и Озерного округа, Корнуолла и Уэльской марки, в силу географических особенностей этих областей, «нуклеарные поселения» были редки, население было в большей степени рассеяно по небольшим хуторам (hamlets), чем сконцентрировано в деревнях (villages),

44

хотя и на этих территориях встречались неогороженные деревни. Они были нетипичны также для большей территории Восточной Англии и Кента. Все это вело к серьезным различиям в положении крестьянства. Мы видим, что почти повсеместно, в более или менее выраженной форме, существовало принципиальное разделение на свободных и зависимых крестьян и была введена барщина. Однако на востоке Англии, на равнинных землях Йоркшира и на территории древнего Мерсийского Денло*

владения сеньоров были очень протяженными, поэтому только наиболее доступные «внутренние» наделы (tenements) подлежали непосредственной эксплуатации, тогда как более отдаленные «внешние» земли сдавались в аренду. В Восточной Англии была велика доля свободных земледельцев, владевших обширными угодьями и почти не связанных с манерами, но вместе с тем было немало крупных маноров, в которых крепостные крестьяне несли тяжелую барщину. Для графств Мидленда были характерны маноры среднего размера с незначительной земельной площадью, ис-

Денло («Область датского права») — земли в Восточной Англии, где по договору 878 г. поселились датские викинги. (Прим. ред.)

Рис. 11. Изображение сэра Оливера Ингема (ум. 1344 г.), сенешаля Аквитании (1325-1327 и 1331-1343 гг.) и наместника герцогства (1338-1340 гг.), Ингемская церковь, Норфолк

45

пользуемые феодалом для собственных посевов, и необременительной трудовой повинностью. В Кенте число крепостных было незначительно. Однако самой примечательной чертой в облике Англии той эпохи было широкое распространение овцеводства, снабжавшего страну единственным товаром для экспорта — шерстью, которую отправляли морем во Фландрию и даже в Италию, и которая стала источником благосостояния для многих фермеров и приносила выгоду короне.

Большинство англичан, как и большинство французов, проводили свою жизнь в труде, работая в поместьях и выплачивая ренту в пользу немногочисленного сословия благородных землевладельцев; во многих существенных чертах повседневная жизнь господина и крестьянина в Англии не отличалась от жизни их современников во Франции. Английскую знать можно разделить на те же две общие категории: высшую знать, представленную двенадцатью или пятнадцатью графами (earls) и двадцатью-тридцатью баронами, и мелкую знать, к которой в начале XIV века принадлежало около 1500 рыцарей и гораздо большее число эсквайров (оруженосцев), из которых примерно 1500 обладали состоянием и положением, позволявшим претендовать на рыцарское звание. Попасть в число мелкой знати, безусловно, было не сложнее, чем во Франции, и, возможно, для горожан этот путь был даже более открытым. Представители высшей знати точно так же имели собственных чиновников и управляли своими поместьями, опираясь на более или менее развитую административную систему. Вместе с тем занятия английской знати не исчерпывались делами в их имениях, и она повсеместно стремилась поддерживать образ жизни благородного сословия, отдавая должное рыцарским облачениям, геральдике и романам. Однако несмотря на множество общих

46

черт, между знатью Англии и Франции существовали и серьезные отличия.

Прежде всего, в Англии носить титул графа не значило в действительности владеть территорией одноименного графства. Тридцать девять широв (графств) неравной величины, на которые делилась страна, были единицами административного деления, а не феодальными владениями. Начиная с эпохи нормандского завоевания Англии, лены, маноры и владения (honores) высшей знати были разбросаны по всей стране и никогда не образовывали обширных имений в одном месте. Во всей Англии оставалось только два палатината, недоступных для королевских чиновников: Честер, тем не менее вновь вошедший в состав королевского домена, и Дарем, подчинявшийся власти епископа. В 1351 г. графство Ланкастерское было превращено в палатинат, пожалованный одному из самых надежных и опытных королевских наместников — Генриху Гросмонту, получившему титул герцога, а после его смерти перешло к Джону Гонту, второму сыну короля. Однако даже герцоги Ланкастерские уступали крупным вассалам французского короля, поскольку палатинаты едва ли могли служить оплотом подобного могущества: как и все прочие графства королевства, включая владения маркграфов, они не были регионами, обладавшими внутренним единством, только им свойственными чертами или долгой историей провинциального сепаратизма.

Важные отличия имели место и в среде мелкой знати двух стран. В Англии рыцари широв как местные землевладельцы, обладавшие если не состоянием, то положением в обществе, были активно задействованы в работе органов местного самоуправления и королевской администрации; некоторые из них, представляя шир в парламенте, играли важную роль и на более высоком государственном уровне. В силу того, что обязанности такого рода зачастую считались об-

47

ременительными, поддержание воинского статуса требовало значительных расходов и, безусловно, в силу того, что многие землевладельцы уделяли все большее внимание управлению своими имениями, численность рыцарского сословия заметно уменьшалась, несмотря на существование мощной прослойки эсквайров и «потенциальных» рыцарей. Эдуард I и его преемники упорно, но безуспешно пытались обязать эту категорию землевладельцев (лиц, имеющих доход определенных размеров) независимо от их происхождения вступать в ряды рыцарства. Во Франции не было ничего подобного. Даже законодательные постановления о праве «мертвой руки» преследовали иные цели и имели иные результаты. Изданный Эдуардом I статут 1279 г. служил одной цели — остановить безудержный рост церковной собственности, который вел к уменьшению доходов феодальных землевладельцев и уменьшал их способность нести воинскую повинность. В то

же время во Франции ордоны 1274 и 1290 гг., во многом преследовавшие ту же цель, помимо прочего, облагали высоким налогом монастыри и лиц незнатного происхождения, приобретавших лены, что позволяло компенсировать ущерб, причиняемый феодалам, на том основании, что духовные лица и представители неблагородного сословия были неспособны нести военную службу за свои земли. Возможно, подобное несходство было в большей степени обусловлено различиями в обязанностях феодальной знати двух стран, а не расхождением в юридических терминах, применяемых к знатному сословию; однако на протяжении XIV века разница становится все более заметной. К 1400 г. французская знать, как следствие возложенной на нее обязанности нести воинскую службу, в большинстве случаев освобождалась от чрезвычайных налогов, тогда как в Англии, где воинская повинность утратила прежнее значение, к знати формально принадлежали только светские бароны, получавшие от имени короля вызов на заседание парламента в палату лордов (в 1436 г. их было 51).

Еще одно существенное отличие заключалось в том, что в Англии быстрее получили распространение нефеодальные договоры, посредством которых крупные лорды могли обзаводиться огромным числом слуг, чиновников, клиентов и зависимых лиц разного рода, получавших от лорда плату, содержащихся за его счет или получавших от него пропитание и одежду. Каждый крупный магнат должен был содержать штат прислуги, соответствовавший его положению в обществе, чиновников, управлявших его имениями, и свиту, охранявшую его особу и подчеркивавшую его достоинство. В течение почти всего XIII столетия лорды могли пользоваться этим, вознаграждая своих людей земельными наделами в зависимости от исполняемой ими службы, но поскольку статут 1295 г. (*Quia emptores*) положил конец субинфеодации*, появилась необходимость в договорах, основанных на денежных отношениях. Решением проблемы стали контракты с наемными слугами и пожалование ежегодной ренты, в обоих случаях соглашение могло заключаться на несколько лет или пожизненно. Принять от лорда вознаграждение или содержание значило связать себя с ним. Таким путем человек мог обеспечить себе защиту и покровительство могущественного лорда, а лорд, в свою очередь, мог нанять на службу и завербовать в ряды своих сторонников многих людей, не обязательно являвшихся его вассалами, от рыцарей и эсквайров, советников и юристов до поваров, брадобреев и лакеев.

Крупный магнат в роде

Субинфеодация — процесс пожалования сеньором земли, уже полученной им от другого лица на основании вассального договора. Субинфеодация способствовала увеличению числа подвассалов. (*Прим. ред.*)

49

Джона Гонта в разное время нанимал на оплачиваемую службу до нескольких сот человек, при этом составлялись договоры в форме контрактов и жалованных грамот. Менее состоятельные сеньоры не нанимали такого количества слуг на пожизненный срок, поскольку они становились для имения тяжким бременем; гораздо экономичнее было назначать временную плату или содержание соседям, арендаторам и другим людям, искавшим покровительства. Форма, цель, срок найма и взаимные обязательства зависели от эпохи и от магната; Столетняя война способствовала распространению договоров подобного рода, однако появились они задолго до ее начала. Во Франции события развивались не так стремительно: в течение почти всего XIV века и король, и магнаты, по-прежнему вознаграждали не проживавших в их владениях слуг и приверженцев денежными пожалованиями (фьеф-рентами) — за которые те приносили оммаж; по существу, это была феодальная практика, хотя и знаменовала собой закат феодализма. Однако в конце XIV века нефеодальный договор, альянс (*alliance*), заключавшийся между людьми, называвшими себя союзниками (*altes*), появляется и во Франции, где играет почти ту же роль в установлении отношений между господином и слугой, что и в Англии. Многочисленные договоры такого рода были заключены уже в 1370-х гг. Гастоном Фебом, графом Фуа и виконтом Беарна, к ним же часто прибегал герцог Орлеанский, а на рубеже веков — даже многие более влиятельные сеньоры. Существовали и другие средства, позволявшие господину нанимать людей на службу, обходясь без раздачи ленов. Он мог назначать пенсии и раздавать должности, что гораздо прочнее привязывало получавших их людей к своему сеньору, он также мог обеспечить себе сторонников, основав рыцарский орден, который связывал его членов почти такими же обязательствами — в чем и состоит при-

50

чина широкого распространения подобных орденов во Франции в период позднего средневековья (см. ниже стр. 201-202). Пользуясь этими и другими способами, магнат был в состоянии

обеспечить себе значительное число приверженцев; их костяк составляли родственники, чиновники и придворные, которые могли заключать с ним формальный договор или обходиться без такового. При дворе и по всей стране магнат располагал более широким кругом союзников, связанных с ним альянсами. Он мог рассчитывать также на поддержку со стороны тех, кому выплачивал пенсион, приверженцев и просто нахлебников. Связи устанавливались на всех уровнях общества. Многие семейства баронов заключали альянсы друг с другом и с более могущественными герцогскими и графскими родами, а те, в свою очередь, заключали альянсы между собой. Подобные договоры могли предусматривать имущественное вознаграждение или выплату ежегодной ренты, однако, как правило, это не предполагалось; по существу, альянсы вели к тем же результатам, что и контракты о найме на службу, заключавшиеся в Англии. Вместе с тем альянсы, заключавшиеся между равными сторонами, прежде всего, между владетельными князьями, со всеми вытекающими из этого последствиями, как видно, свидетельствуют о том, что в развитии феодального договора был сделан еще один шаг. По крайней мере, в ситуации, сложившейся во Франции на исходе Средних веков, опасность, потенциально заложенная в этом договоре, значительно возросла.

Английская знать отличалась от французской и своим имущественным положением, хотя о нем трудно составить полное представление в отсутствие подробных и достоверных свидетельств. Исследование записей о поступлении налогов за 1436 г. позволяет предположить, что бароны располагали гораздо меньшим состоянием, чем считали ранее, и что доход джентри

51

был сравнительно более высоким. По этим документам английская аристократия того времени состояла из 51 светского барона со средним доходом 865 фунтов стерлингов, 183 крупных рыцарей со средним доходом 208 фунтов, 750 мелких рыцарей с доходом 60 фунтов, 1200 эсквайров с доходом 24 фунта и 5000 прочих (дворян (gentlemen), купцов, ремесленников, но в большей степени йоменов), чей доход составлял от 15 до 19 фунтов стерлингов. Десять семейств, не принадлежавших к баронам, имели доходы, сопоставимые с доходами менее состоятельных баронских родов. В научных кругах велись бесчисленные споры вокруг достоверности приводимой статистики и проблемы доходов баронства в целом, и похоже, что нам никогда не удастся воссоздать картину полностью. Однако очевидно, что в отчетах о налогах за 1436 г. занижен доход многих баронских родов и, возможно, завышен доход некоторых рыцарей, но вместе с тем эти документы показывают, что даже при учете общих различий в численности населения число эсквайров в Англии было намного меньшим, чем во Франции, и это могло быть еще одним следствием различий в характерных чертах и структуре знатного сословия в двух странах.

В начале XIV века короли из династии Плантагенетов еще не забыли о своем французском прошлом. Они по-прежнему были связаны с Францией узами родства, общим языком, вкусами, культурой и, прежде всего, своими территориальными владениями. Владения Плантагенетов отнюдь не ограничивались островным королевством. Им также принадлежала часть старинного герцогства Аквитанского (Гиень), Нормандские острова и с 1279 г. графство Понтье на севере Франции. При Генрихе II континентальные владения составляли большую часть королевских владений и только в XIII веке они постепенно стали рассматриваться как земли английской короны во Фран-

52

ции. Все началось с завоеваний Филиппа Августа и Людовика Святого, изменивших в целом территориальный «баланс», в результате чего центр тяжести сместился из Франции в Англию; далее в ходе XIII столетия последовали другие перемены. Пребывание короля-герцога в далекой Англии и его очень нечастое посещение континента потребовали создания на оставшихся у него французских землях постоянной формы правления. В 1254 г. Генрих III пожаловал то, что оставалось от этих земель, своему старшему сыну и навеки закрепил французские владения за английской короной, запретив отчуждать их в пользу младших отпрысков королевского рода. По договору 1259 г. он признавал утрату большей части владений Генриха II, и сохранил герцогство Аквитанское только после того, как принес оммаж королю Франции и признал его суверенную власть со всеми обязанностями, которые вытекали из этого в середине XIII века. Это означало, что французский король был во Франции не временным сюзереном, но «императором», управлявшим своим собственным королевством; а это, в свою очередь, еще раз подтвердило общепризнанный факт, что претензии императора (Священной Римской империи) на всевластие стали не более чем юридической фикцией. На практике это обеспечивало королю Франции суверенитет в судебных

делах и служило законным основанием для выдвижения парижского парламента в качестве высшего апелляционного суда страны. В итоге королю Англии становилось все сложнее управлять своим герцогством, тем более что с правления Эдуарда I администрация Аквитании стала подчиняться, в основном, ведомствам Англии, а в начале XIV века английские чиновники начали рассматривать герцогство как часть «заморских владений» своего короля. В то время как король Англии претендовал на верховную власть в пределах собственного королевства, он не мог сделать то же самое

53

на принадлежавших ему французских землях, ибо, как герцог Аквитании, был вассалом короля Франции. Более того, поскольку оба короля претендовали на право разрешать споры, возникавшие между купцами и моряками на пограничных территориях их королевств, требование французов о принесении королем Англии вассального оммажа за свои французские земли было чревато еще одним поводом для конфликта. Таким образом, хотя революционные изменения затронули различные составные части империи План-тагенетов, из-за верховной власти французского короля над континентальными территориями, эти преобразования оставались незавершенными.

К концу XIII века в состав герцогства Аквитанского входили значительная часть старинного герцогства Гасконского, Борделе, Аженуа, Сентонж южнее Ша-ранты и некоторые территории Лимузена, Перигора и Керси. Границы герцогства не раз меняли свои очертания из-за sporadических войн с Францией и многократного передела территорий, так что к началу правления Эдуарда I не только были потеряны Ли-музен, Перигор и Керси, но и Аженуа и Базаде по ту сторону Гаронны также оказались под властью французов. Узкая полоска прибрежной земли, протянувшаяся от устья Шаранты до подножия Пиренеев, — вот все, что осталось к тому времени от владений Плантагенетов на юге Франции.

То была «земля контрастов»: разбросанные в разных местах и труднодоступные гористые южные земли, способствовавшие сохранению удивительно свободного и независимого образа жизни, даже в крестьянских поселениях горных долин, таких как Асп и Азюн, бесполезные в экономическом отношении, но стратегически важные болотистые пустоши Ланд, разделявшие два главных города, Бордо и Байонну, и богатые плодородные винодельческие области Антр-Де-Мер. В каждом из этих районов существовали свои обычаи

54

и ревностно оберегаемые местные традиции, однако они были связаны воедино общей для всех независимостью духа, общим языком и общими вассальными обязательствами по отношению к герцогу. Гасконь, по существу, была страной, отличавшейся от остальной Франции языком, населением и обычаями не менее, чем Англия, а в некоторых отношениях даже более того. Однако, несмотря на то, что Англия и герцогство Аквитанское были разделены при обычных обстоятельствах восьмью-десятью днями морского пути, на протяжении XIII века их отношения сложились в политический, административный, военный и, прежде всего, экономический симбиоз, которому в течение последующих полутора столетий предстояло выстоять против всех угрожавших ему опасностей.

Бордо был в полном смысле этого слова столицей герцогства — большой укрепленный город с крепостными стенами, возведенными в XIV веке, которые подступали вплотную к территории порта, окружая деловой и административный центры крупнейшего в мире региона, специализировавшегося на экспорте вина. В пределах городской стены находились собор Св. Андрея, замок Омбриер, несколько монастырей, монетный двор, мастерские, производившие сосуды для транспортировки вин, и все здания, необходимые купцам, лавочникам и другим жителям торгового города, население которого, приближавшееся к 30000 человек, заметно превосходило по численности все английские провинциальные города и почти не уступало самому Лондону. За городской стеной текла Гаронна; гораздо более широкая, чем Темза, она служила для судоходного сообщения между многочисленными прибрежными городами, расположенными на самой Гаронне и на Дордони. Город защищали две оборонительные линии: замки сеньоров, такие как Ле-парр, Блай, Фронзак, Бенож, Лангуаран и Бланкфор, королевские замки, например Ла-Реоль (Шато-Гайар

55

Гаронны), и замки XIV века, построенные в форме прямоугольников, такие как Фарг, Роктайад, Виллан-дро, Будо и Ландира, составляли надежную линию обороны в тылу пограничных крепостей и бастид.

Именно отсюда управлял делами герцогства главный королевский чиновник, сенешаль

Аквитании, чья резиденция находилась в замке Омбриер. Он отвечал за гражданские и военные дела; ему помогал совет, состоявший из крупных баронов и должностных лиц, в число которых обязательно входил коннетабль Бордо, ведавший финансовыми делами. На местах управленческие функции были возложены на местных сенешалей, прево, бальи и шателенов, назначаемых сенешалем Аквитании и подчинявшихся ему; для этого Гасконь была разделена на три административных округа (Борделе, Базаде и Ланды), а на остальных территориях, входивших в состав английских владений, были учреждены отдельные сенешальства (Сен-тонж, Аженуа, три епархии: Лимож, Кагор и Периге и т. д.). Сенешаль и коннетабль назначались королем и советом в Англии, получали оттуда общие указания, и после начала войны в 1337 г. они почти все без исключения были англичанами. Это же касалось и мэра Бордо, так как его должность предполагала настолько обширные полномочия, что право горожан избирать мэра очень скоро было приостановлено, дабы не оставлять власть в руках людей, часто склонных сеять смуту вместо того, чтобы бороться с ней. Некоторые местные сенешали (например, сенешаль Ланд), хотя и не все, также были англичанами, то же можно сказать и о капитанах некоторых королевских замков, в частности, применительно к XV веку. Однако, несмотря на то, что на высшие военные и гражданские посты назначались уроженцы Англии, нет оснований говорить о «колонизации» Аквитании. Никто из англичан никогда не занимал кафедру епископа Бордо, и только очень немногим были пожало-

56

ваны земли на территории герцогства. За исключением тех случаев, когда на территории Аквитании высаживались экспедиционные войска, численность английской администрации и гарнизона не превышала нескольких сот человек. Не исключено, что в самой Англии было больше гасконцев, чем англичан в Гаскони — это были младшие сыновья знатных семейств, отправившиеся на войну с Шотландией, как прежде на войну с Уэльсом, и лондонские купцы, занятые в различных областях, связанных с торговлей вином.

В Англии виноградарство никогда не было процветающей отраслью, отчасти в силу неблагоприятных природных условий, отчасти по причине давних контактов с Францией. В течение XII и в начале XIII веков вино морем доставлялось в Англию из многих земель, входивших в состав владений Плантагенетов, однако после утраты Пуату, большей части Сентонжа и других областей Аквитании, виноградники Борделе получили полную монополию на английском рынке. Помимо политики для этого было много других причин. Выгодное географическое положение не только делало Борделе районом, пригодным для производства вина, но и позволяло транспортировать вино водным путем по Гаронне и затем доставлять его морем в Англию, что делало ее самым предпочтительным рынком сбыта. Это также означало, что вино легко можно было обложить налогом и превратить в ценный источник дохода для английского государства. Винная торговля фактически уступала только торговле шерстью, а таможенные сборы, полученные благодаря ей, были очень значительны: почти половина из 17000 фунтов стерлингов, собранных в Гаскони в 1282 г., — ощутимая сумма, учитывая то, что обычный доход английской короны редко превышал 30000 фунтов стерлингов. Поэтому не приходится удивляться тому, что английские короли поощряли торговлю вином, предоставляя английским купцам привилегии в Гаскони,

57

а гасконским купцам — привилегии в Англии. Они покровительствовали купцам Бордо, который был центром торговли, запрещая продажу вина из «верхних земель» (расположенных вверх по течению от Сен-Макэр) до того, как продадут свой товар виноделы, живущие вниз по течению. Вследствие такой монополии виноградарство стало едва ли не единственной отраслью хозяйства в Борделе. В XIV веке регион местами испытывал нехватку пшеницы и стал зависеть от английских поставок зерна, соленой рыбы и шерсти, а в дальнейшем — тканей. Однако не только Бордо выигрывал благодаря связям с Англией. Менее крупные города, расположенные в глубине страны, были заинтересованы в винной торговле и на этом основании тесно связаны с Бордо, где вина скапливались, облагались налогом и отправлялись за море. Байонна, второй город Гаскони, строил торговые суда и поставлял моряков, хотя с началом Столетней войны этот флот быстро уступил место вооруженным морским конвоям, которые в XIV веке снаряжала Англия для защиты неприкосновенной торговой монополии Гаскони.

Выгодная сторона экономических связей с Англией, фактически, сильнее всего чувствовалась в городах, и именно лояльностью городов и гасконских сеньоров в высшей степени объясняется то, каким влиянием пользовались англичане в Гаскони. Действительно, отличительной чертой

герцогства было обилие крупных городов и замков; изумленный Фруассар перечисляет двадцать шесть городов, расположенных на Гаронне между Бордо и Тулузой и двенадцать замков на Дордони, «частью английских, частью французских». Некоторые из них существовали с давних времен, однако в XIII веке значительно активизируется процесс освоения сельской местности, протекавший во всех областях Франции с XI века, что приводит к возникновению на территории Гаскони множества

58

мелких сельских городков, называвшихся бастидами. В дальнейшем, после 1259 г., короли Англии и Франции, а также гасконские сеньоры укрепляют многие из таких городов, расположенных в пограничных областях. К началу Столетней войны они составляли непрерывную линию, тянувшуюся от Пиренеев до Перигора. Была создана двойная линия обороны (см. карту V). Некоторые из этих укреплений находились в ведении королевских шателенов, однако большинство принадлежали гасконским сеньорам. Накануне войны к числу наиболее могущественных знатных родов принадлежали графы Арманьяка, Астарака и Пардиака, виконты Ломаня и Овильяра, а также сеньор Иль-Журдена, которые были полновластными господами в своих землях и были связаны с Францией прочными узами вассальной зависимости. Знать Борделе, чья преданность часто зависела от обстоятельств, в большинстве случаев все же была настроена проанглийски; в нее входили сеньоры Лепарра, Фронзака, Монфер-рана и Будо, роды Альбре и Гральи, которые осели на этих землях в XIII веке и стали виконтами Беноже и Кастигона, и один из представителей которых занимал должность каптала Буша. Королю и его сенешалям приходилось быть крайне осторожными, лавируя среди этих противоречивых интересов, различий в юрисдикции и верноподданнических обязательствах. Почти с самого начала герцог вынужден был вести в Гаскони войну либо против короля Франции, либо против мятежных подданных. Гасконские бароны были горды, непокорны и зачастую вероломны, добиться исполнения ими вассальных обязательств можно было только сочетая жесткие методы управления с подарками. Обеспечить себе лояльность городов, в самых важных из которых в середине XIII века установились довольно передовые и независимые формы правления,

59

можно было путем сохранения старинных привилегий и пожалования новых уступок. На этой беспокойной земле часто вспыхивали конфликты. Соглашение 1259 г., заключенное для того, чтобы предотвратить возможные разногласия, определив границы владений Плантагенетов во Франции и условия, на которых они будут принадлежать английским королям, создало больше проблем, чем разрешило их. Так как Людовик Святой согласился уступить Генриху III гораздо большее число земель, чем входило тогда в состав владений английского короля (Гасконь, различные фьефы и домены в Лимузене, Перигоре и Керси, а также пообещал еще некоторые в Аженуа и Сентонже), точно установить границы на самом деле было невозможно. Ни одна из сторон не располагала достоверными сведениями о передаваемых территориях, поскольку размеры многих фьефов и условия владения ими никогда точно не уточнялись и у многочисленных сеньоров, владевших землей в королевском домене (*privilegiati*), формально никогда не могли отнять эти земли при заключении договора или в иной ситуации. Во много раз более важной была уступка, состоявшая в том, что возвращенное английскому королю герцогство в будущем должно было оставаться в его власти на условиях вассального оммажа. До этого был принесен только простой оммаж*, а за Гасконь, по-видимому, не было даже и его. Эти новые отношения, как было оговорено в соглашении, обязывали герцога исполнять воинскую службу, предоставляя в распоряжение короля Франции войска во время ведения им внешних и внутренних. К XIII в. существовало две разновидности оммажа: простой — когда обязанности вассала были довольно необременительными, и ему не возбранялось приносить оммаж другим сеньорам, — и тесный — когда вассал обязался хранить верность одному сеньору. (*Прим. ред.*)

60

войн и не оказывать помощи его врагам. При этом, заботясь об интересах торговли шерстью, английский король должен был поддерживать дружественные отношения с Фландрией, союз с Кастилией, который обеспечивал безопасность Гаскони, а французские короли с 1295 г. были союзниками Шотландии — во всех этих странах Франция проводила политику, абсолютно противоположную английским интересам. Кроме того суверенитет короля Франции давал ему право не только принимать прошения о пересмотре судебных решений, вынесенных должностными лицами герцога Гасконского, но и разрешать споры между подданными того и другого монарха. Подлинной целью договора 1259 г., включавшего положение об обязательном вассальном оммаже английских королей, было пресечение всех попыток, которые те могли бы

предпринять для управления герцогством без вмешательства Парижа или проведения независимой внешней политики. Медленно, но неуклонно и, возможно, лишь отчасти представляя себе, к чему приведут их действия, короли Франции в XIII и в начале XIV века сокращали феодальные права герцога, низводя их до простого землевладения, превращая свой сюзеренитет в суверенитет и заменяя тезис «*nulle seigneur sans terre* (нет сеньора без земли)» тезисом «*nulle terre sans seigneur* (нет земли без сеньора)».

Для короля Англии такая ситуация была неприемлема. Принесение оммажа, независимо от того, какие обязательства это налагало на английского монарха, само по себе было обременительно и вызывало возмущение, поскольку ставило его в подчиненное положение, а территориальные условия договора, в соответствии с которым должен был быть принесен оммаж, так и не были в полном объеме выполнены французским государем. Поэтому английский король пытался отсрочить совершение оммажа или избежать его, придать ему двусмысленную форму, переложить

61

эту обязанность на своего сына — что, в свою очередь, вело к дальнейшему ухудшению англо-французских отношений. Английский король искал возможность уклониться от исполнения своих обязательств, реорганизовав управление делами герцогства, сведя к нулю число апелляций, поступавших в Париж, поручив сенешалю Аквитании раздачу должностей местным чиновникам, наделив своих наместников в герцогстве высшей судебной властью и самолично рассматривая апелляции в Англии. Его юристы даже видели возможность уклониться от подразумеваемого договором 1259 г. признания французского суверенитета в том, чтобы объявить Гасконь аллодом*. Однако английский король не мог приостановить перемены, в ходе которых Франция превращалась из старого феодального королевства в централизованную монархию и которые не могли не отразиться на фундаментальных отношениях между королевством английского монарха и его владениями во Франции. Война вспыхнула в 1294 г., когда Эдуард I отказался явиться в Париж, чтобы держать ответ по поводу спора между гасконскими и нормандскими моряками; за ней последовала война 1324 г., когда один из вассалов герцога сжег бастиду Сен-Сардо на территории, на которую претендовал король Франции. В каждом из этих случаев французы конфисковывали герцогство и лишь частично возвращали его по прошествии нескольких лет. Различные договоры, заключавшиеся между 1259 и 1337 гг., только умножали проблемы, которые они должны были решать, и все попытки, предпринятые с тем, чтобы уладить разногласия юридическим путем, — в 1306 г. в Монтрейле, в 1311 г. в Периге и в 1322 г. в Ажене — были обречены на провал из-за несовместимости требований сторон, поскольку французские представители, исходя из притязаний своего короля

Аллод — личное, независимое владение. (Прим. ред.)

62

на верховную власть, настаивали на том, что роль судей должны исполнять они. У проблемы англо-французских отношений не могло быть простого решения, поскольку король Англии, являясь суверенным правителем в пределах своего острова, был вассалом короля Франции за герцогство Аквитанское. Если в теории было возможно разграничить две независимые ипостаси английского монарха, то осуществить это на практике не удалось.

В 1328 г. трудности, вызванные спорным престолонаследием, усугубили положение дел, сложившееся в результате французского суверенитета над Аквитанией. В последующем десятилетии англо-французские отношения еще более осложнились из-за событий в Шотландии, когда открытое вторжение Эдуарда III в эту страну в 1333 г. с целью захвата претендента на престол Эдуарда Баллиоля вызвало цепную реакцию, в результате которой мир в Европе оказался под угрозой. В 1334 г. Филипп оказал теплый прием изгнаннику Давиду II, девятилетнему старшему сыну Роберта Брюса. Придав тем самым реальное содержание недавно возобновленному старинному франко-шотландскому союзу, он потребовал, чтобы Давид был включен во все общие соглашения с Англией, попытался выступить в роли арбитра между Эдуардом и шотландцами и в следующем году снарядил для изгнанного короля несколько кораблей, чтобы совершить безрезультатное нападение на Нормандские острова. Когда в 1336 г. папа Бенедикт XII отменил крестовый поход (в котором французский король, скорее всего, принимал только финансовое участие), Филипп перевел флотилию (по официальной версии, она должна была доставить его на Восток) из Лангедока в Нормандию, и, по-видимому, Эдуард был убежден в том, что он готовит крупномасштабное вторжение, чтобы оказать помощь шотландцам. Считая войну

63

Рис. 12. Конный бой (из рукописи конца XIV в.)

неизбежной, он стал искать союзников. В мае 1337 г. тщательно снаряженное посольство, располагавшее, по всей видимости, неограниченными финансовыми возможностями, было отправлено в Валансьенн, главный город Эно, графства, где родилась супруга короля. В скором времени графы Эно, Гельдерна, Берга, Клеве и Марка, пфальцграф Рейнский, маркграф Юлихский и курфюрст Бранденбургский пообещали Эдуарду свое содействие — хотя и за определенную плату. Проследовав далее во Франкфурт, послы в результате переговоров заключили соглашение с императором Людовиком, который тоже пообещал английскому королю военную поддержку, и когда немногим более года спустя Людовик сделал Эдуарда главным императорским наместником в Германии и Галлии (reg Alemanniam et Galliam), Филипп потерял возможность получить титул, которого он активно добивался. Новое звание принесло Эдуарду права суверена во всех имперских землях к западу от Рейна. Таким образом он получил возможность обязать подданных Империи сражаться на его стороне против Франции, стал содействовать германской политике, направленной на восстановление императорских прав на западных землях. Этот триумф его дипломатии был должным образом отпразднован во время торжественной встречи с императором на рыночной площади Кобленца в сентябре 1338 г.

64

В то время как послы Эдуарда выполняли свою миссию, Филипп объявил о конфискации Гаскони и в июле 1337 г. армия под командованием графа Э, коннетабля Франции и наместника Филиппа в Лангедоке, была послана в долину Гаронны и захватила ключевые крепости Сен-Макэр и Ла-Реоль. В ответ на это Эдуард наложил арест на французскую собственность в Англии, издал манифест к своим подданным и 7 октября еще раз заявил о своем праве на французский престол. Однако, занятый лихорадочными приготовлениями и отвлекаемый папской дипломатией, Эдуард смог отплыть в Антверпен только в июле следующего года; и там, испытывая недостаток в деньгах и продовольствии, он вынужден был ждать до сентября 1339 г., прежде чем ему удалось побудить своих союзников к активным действиям. С вступлением войск Эдуарда на территорию Камбрези началась Тьерашская кампания — первая значительная кампания Столетней войны.

ГЛАВА II

ПРОТИВНИКИ

Поскольку теперь мы видим, что причины войны были многообразны и запутанны и нет оснований винить в ее развязывании именно Филиппа или Эдуарда, военные цели противников далеко не очевидны. Нелегко раскрыть мотивы и намерения Эдуарда, завуалированные хронистами того времени ради сохранения ореола рыцарственности и замаскированные массовой пропагандой, выпускавшейся правительственными учреждениями. Одни историки усматривали в ратных успехах и городской политике Эдуарда «свидетельство того, что он был «государем, который хорошо знал свое дело». Другие видели в его поступках психологическую реакцию униженного ребенка на бессилие и поражения отца и недостойное поведение матери. Некоторые полагали, что Эдуард был одержим желанием завладеть французской короной, которую носил его дядя и которую он считал своей «по бесспорному праву, по божественному соизволению и вследствие смерти достославного Карла»; корона подразумевала исполнение обязательств перед французскими подданными, и Эдуард не мог отказаться от претензий на нее. Однако ряд исследователей допус-

66

кают, что принятие титула французского короля было всего лишь тактическим маневром Эдуарда, который никогда не рассматривал его всерьез; они доказывают, что подлинная цель английского

государя заключалась в том, чтобы расширить границы Аквитании и сделать ее суверенной. Планировал ли Эдуард на самом деле занять престол Капетингов, или же, с самого начала отдавая себе отчет в невыполнимости своих династических притязаний, выдвинул их только для того, чтобы освободиться от тягостной обязанности приносить оммаж за Гасконь? Известные нам источники едва ли позволяют дать окончательный ответ на эти вопросы. Существует мнение, что «завоевание всей Франции» и «полное покорение этой монархии и народа» были недостижимой целью; однако подобные концепции базируются на существовании национального сознания, которого явно не могло быть во Франции XIV, а также полном непонимании того, как в XIV веке велись боевые действия, и какими военными и финансовыми ресурсами располагали главные участники конфликта. Власть над двумя королевствами обязательно предполагала подчинение одного из них другому, что показал незадолго до того франко-навар-рский прецедент и должна была в какой-то мере подтвердить в XV веке двуединая монархия Генриха V. «Завоевание» и «покорение» подразумевают подчинение, но ничто не свидетельствует о том, что вступление Эдуарда на французский престол (если в этом действительно заключалась его цель) неотвратимо должно было привести к такому результату. Историки обращают внимание на то, что опустошения, производимые войсками Эдуарда, едва ли должны были «склонить на его сторону жителей провинции» Франции — однако говорить так значит судить с позиций XX века. Поведение «французских» войск на территории их собственной страны также оставляло желать

67

лучшего. Нам приходится угадывать цели Эдуарда из его действий и из того, как он вел эту войну. Филипп VI представляется нам еще более загадочной фигурой. В его переписке и в его поступках виден трезвый и расчетливый ум, несмотря на то, что временами он был подвержен вспышкам гнева. Принято считать, что политика Филиппа, по существу, являлась оборонительной, поскольку никто не подвергал сомнению то, что военные действия должны были вестись где-нибудь, кроме территории Франции. Однако на начальном этапе войны и далее в 1370-х и 1380-х гг. большинство англичан далеко не были в этом уверены. Действительно ли Филипп готовился к крестовому походу и почему летом 1336 г. он перевел флот, сосредоточенный в Средиземном море, в порты Нормандии? Был ли его ордонанс о вторжении и завоевании Англии (датированный 23 марта 1339 г. и обнаруженный войсками Эдуарда во время грабежа Кана в 1346 г.) выпущен только для того, чтобы притушить недовольство нормандцев, как полагалось ранее, или же его содержание соответствует истинным намерениям французского короля? Планы отправки двадцати вооруженных прованских галер обратно в Руан и найма еще двадцати в Генуе, чтобы разместить их в Брюгге, составленные летом 1337 г. и осенью 1339 г., безусловно, требуют серьезного подхода, так же как и решение французам блокировать английское побережье и воспрепятствовать плаванью английских торговых судов. Многие склонны думать (на основании сообщений Фруассара и свидетельств, собранных Де ла Ронсьером в конце прошлого века), что большой французский флот, стоявший на якоре в Цвине летом 1340 г., должен был преграждать путь войскам Эдуарда, когда тот неожиданно напал на французам и одержал крупную победу в морском сражении. Однако из письма, написанного вскоре после этих событий Эдуардом, следует, что внезапное столкновение пла-

68

нировалось английским правительством с целью освобождения Англии от угрозы французского вторжения. В 1386 г. французские военно-морские силы также, в основном, были нормандскими и базировались в Слейсе. В последнем случае намерения французам еще более очевидны, поскольку тогда войска союзников не были сосредоточены на севере Франции. Вплоть до лета 1340 г. возможность французского вторжения была очень реальной и имелись веские основания для того, чтобы Эдуард на время поставил под угрозу торговлю шерстью, чтобы побудить фламандцев к союзнчеству, создал морскую гвардию — своего рода отряды местной обороны для защиты прибрежных районов, сосредоточил свои войска на территории Нидерландов, доверив оборону Аквитании своим гасконским подданным, и ввел тяжелый налог в Англии.

Фундаментальным фактором при любой оценке военной политики Эдуарда является то, что он с самого начала встретил поддержку во Франции: прежде всего в Аквитании, однако в скором времени к ней присоединились Фландрия, а в дальнейшем Бретань и Нормандия, где восстания против французской монархии в итоге завершились высадкой английских войск и признанием Эдуарда законным «королем Франции». Некоторые историки увидели в этих событиях проявление самоутверждающегося духа Анжуйской империи, протест против преобладания выходцев из восточной Франции среди советников первых двух королей династии Валуа и даже реакцию на

политику централизации, проводившуюся французским королевским домом в течение всего предыдущего столетия. Безусловно, и Филипп, и Иоанн II действовали безрассудно в отношении провинциальных свобод некоторых подвластных им земель, и нарушение прав их вассалов и само поведение французских королей оказали решающее влияние на дальнейший ход событий.

69

*Рис. 13. Казнь
нормандских сеньоров
в 1336 г.*

Восстание во Фландрии вспыхнуло в 1337 г. Его возглавил богатый ремесленник из патрициата Брюгге по имени Якоб ван Ар-тевельде. Поводом к восстанию стало английское эмбарго на поставки шерсти во фламандские сукнодельческие города; в результате профранцузски настроенный граф Людовик Неверс-кий был свергнут и управление Фландрией перешло к городам Ренту, Ипру и Брюгге, жители которых сначала согласились сохранять нейтралитет в войне с Францией, а в дальнейшем (3 декабря 1339 г.) признали Эдуарда королем Франции.

Мятеж в Бретани начался в 1341 г., и поводом для него послужил спор о престолонаследии после смерти герцога Иоанна III. В этой ситуации кандидатом французского королевского дома был Карл Блу-аский, чьи претензии на престол основывались на правах его жены, тогда как англичане поддерживали Жана де Монфора. Когда между сторонниками двух претендентов началась война, Эдуард предложил де Монфору свою помощь. В результате ряд представителей бретонской знати признали Эдуарда королем Франции и несколько английских гарнизонов были размещены на территории герцогства, чтобы те не изменили своего решения. В дальнейшем, когда король Иоанн внезапно напал на участников званого обеда, устроенного его сыном в Руанском замке, захватил в плен Карла Наваррского и тут же казнил четверых его союзников, брат Карла Филипп совмест-

но с влиятельным нормандским сеньором Жоффруа д'Аркурм незамедлительно вступили в контакт с Эдуардом и заручились обещанием военной помощи, признав его «королем Франции и герцогом Нормандии». Действия Иоанна были безрассудны, поскольку Карл Наваррский владел обширными землями в Нормандии и с некоторых пор вел тайные переговоры с англичанами. Хотя в то время Карл был еще очень молод, он был привлекателен, красноречив, хитер и безумно честолюбив и затаил в сердце причиненные ему обиды; со временем они вылились в длительную и непримиримую вражду с династией Валуа.

Каковы бы ни были мотивы бунтовщиков, нет сомнений в том, что поддержка, которую смог найти Эдуард во французских провинциях, существенно повлияла на его стратегию и общий характер ведения войны. На ранних этапах план Эдуарда соответствовал традиционной схеме. В мае 1337 г. в Валансьене он попытался привлечь на службу нидерландских князей путем раздачи денежных фьефов (как делал Иоанн Безземельный в 1214 г. и Эдуард I в 1294 г.), и первые серьезные кампании проходили на севере, а не в Аквитании. Эдуард вторгся во Францию на северо-востоке; его войска заняли Фландрию в 1338 г. и провели там долгую и полную разочарований зиму и весну 1339 г., ибо английский король не мог ни расплатиться, ни заставить своих нидерландских союзников перейти к решительным действиям. Он наугад продвигался по стране, опустошая окрестности и разыскивая французскую армию, чтобы вступить с ней в бой. Такова была Тьерашская кампания 1339 г., когда обе армии были стянуты к Бюиринофосу в ожидании сражения, которому не суждено было состояться. Эдуард даже предложил решить исход битвы поединком двух королей. Однако все его планы были расстроены из-за отказа французского короля принять

71

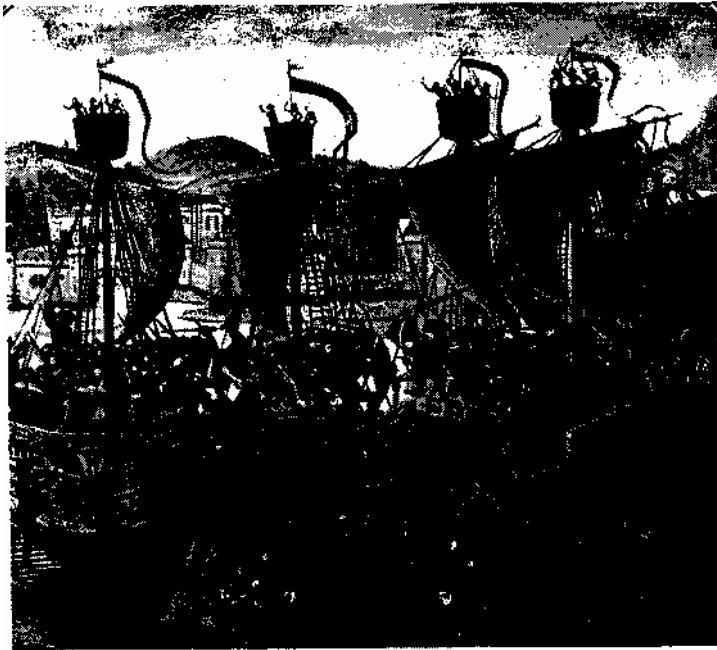

Рис. 14. Морское сражение при Слейсе (1340 г.). (Из хроник Фруассара)

бой. Это был мудрый отказ, и он стал окончательным ответом на вторжение Эдуарда.

Единственным позитивным для англичан достижением тех лет, хотя и очень значительным, была победа в морском сражении при Слейсе в 1340 г. (см. рис. 14), которая предотвратила вторжение французов на территорию Англии, обеспечила Эдуарду контроль над Нормандскими островами и дала ему возможность в течение последующих двадцати лет осуществлять высадки на территории Франции в любом месте и в любое время. Однако в ближайшем будущем новых успехов не последовало, и английский король вынужден был ограничиться в чем-то даже несерьезной

72

Рис. 15. Эдуард III при взятии Кана (1346 г.). (Из хроник Фруассара)

осадой Турне. Его нидерландские союзники обходились ему дороже, чем он мог себе позволить, он влез в долги у своих кредиторов, итальянских банковских домов Барди и Перуцци, долговые обязательства задерживали его в Нидерландах, и в своей родной стране Эдуард оказался перед лицом правительственного кризиса, спровоцированного его финансовыми требованиями. Однако мятежи во Франции полностью изменили ход войны. Чтобы использовать преимущества локальных ситуаций, Эдуарду часто приходилось иметь под рукой две или даже три армии, действующих одно-

73

Рис. 16. Битва при Креси (из хроник Фруассара)

временно — либо независимо, либо сообща — и делегировать командование, по крайней мере, некоторыми из них. Благодаря этому такие представители знати, как графы Ланкастер и Нортгемптон, а в дальнейшем — Черный принц и Джон Гонт, и зачастую даже люди гораздо более скромного происхождения, подобно Уолтеру Мэнни, Уолтеру Бентли, Роберту Ноллису или Хьюгу Колвли, получали шанс принести пользу и прославиться.

Первые кампании в рамках новой стратегии были предприняты в 1345 г. В одно и то же время предписания получили Ланкастер и Нортгемптон: Ланкастер должен был действовать в Гаскони, Нортгемптон — в Бретани (в значительной степени в сотруд-

74

ничестве с претендентом Жаном де Монфором). Оба они были назначены королевскими наместниками и наделены, по существу вице-королевскими полномочиями: Нортгемптон — в «Бретани и Французском королевстве», Ланкастер — в Аквитании и Лангедоке. Год спустя, когда большая французская армия была собрана на юге под командованием Иоанна, сына Филиппа VI, Эдуард при содействии нормандского перебежчика Жоффруа д'Аркура высадился в Котан-тене, захватил Кан (см. рис. 15), разбил основное войско французов при Креси (26 августа 1346 г.) (см. рис. 16) и расположился лагерем на подступах к Кале (см. карту VIII). Не может быть никаких сомнений в том, что эти три кампании были связаны друг с другом в рамках общего плана. Они разрабатывались королевским советом в начале 1345 г., и представляется вполне очевидным, что высадка Эдуарда в Нормандии имела целью развязать Ланкастеру руки на юге. Иногда говорят о том, что в результате колоссальных военных усилий 1346-1347 гг., Эдуард завоевал лишь Кале, однако все три кампании должны рассматриваться как стратегически взаимосвязанные, и значительные успехи Ланкастера в Аквитании и Нортгемптона в Бретани следует занести в приходный раздел баланса — и все они внесли свой вклад в общее дело.

До лета 1355 г. активные военные действия более не велись. Для этого было много причин: чума, недостаток кредитных средств, необходимых для финансирования любого крупного похода, и папская дипломатия — вот наиболее важные из них. После падения Кале противники заключили перемирие; папа неоднократно прилагал усилия к тому, чтобы превратить его в прочный мир, однако успеха в этом направлении не достиг. В период с лета 1355 г. до весны 1357 г., как и

75

Рис. 17. Монета: полугеро
Черного принца,
отчеканенный в Ажене.
Аверс: принц с мечом в
руках (Лондон,
Британский музей)

одновременных кампаний: Ланкастер объединился с На-варрским королем в Нормандии, а Черный принц руководил военными действиями в Аквитании. Здесь не место вдаваться в обсуждение набегов, проведенных этими двумя наместниками; однако следует отметить, что в сентябре 1356 г., когда Черный принц продвигался по южному берегу вниз по течению Луары, Ланкастер пересек Бретань и Анжу, чтобы встретиться с ним. Не может быть никаких сомнений в том, что планировалось соединение двух армий, однако встреча не состоялась. Ланкастер не смог переправиться через Луару у Ле-Пон-де-Се, ему удалось это сделать только южнее Анжера, и Черный принц продолжил свое отступление, чтобы в одиночестве стяжать славу в битве при Пуатье 29 сентября 1356 г. (см. карту VIII).

Эта победа имеет много общего с победой, одержанной отцом принца десять лет тому назад при Кресси. И в том, и в другом случае сражение было выиграно против превосходящих сил противника, в тот момент, когда английские войска отступали, и во многом благодаря одной и той же тактике. В 1346 г. войска Эдуарда продвигались на восток, из Нормандии к Парижу, затем повернули обратно. За Абвилем они были настигнуты преследовавшими их войсками под командованием Филиппа и вынуждены принять бой

76

на открытой местности, несмотря на то, что соотношение сил, по-видимому, было один к трем. По иронии судьбы, преимущество, войска Эдуарда заключалось как раз в его немногочисленности, которая позволила королю занять укрепленную позицию, принудила его вести оборонительный бой и дала возможность выгодно использовать лучников, которые, как и тяжеловооруженные всадники, на время битвы спешили. Спешившиеся конные лучники совместно со спешившимися тяжеловооруженными всадниками заняли оборонительную позицию, успешно прошедшую испытание в сражении с шотландцами при Халидон-Хилле в 1333 г. Тактика англичан заключалась в том, чтобы выдвинуть фланги вперед таким образом, чтобы нападающая французская конница обстреливалась с трех сторон. Ошибка Филиппа заключалась в том, что он бросил войска атаковать очень сильную позицию. Первыми в бой вступили генуэзские арбалетчики, состоявшие на службе французского короля, которые понесли тяжелые потери: штурм был беспорядочным и обошелся нападавшим плачевно дорого. Английские лучники и тяжеловооруженные воины прошли хорошую школу в ходе Шотландских войн, и длинный лук, главное английское оружие, хотя и имел меньшую дальность стрельбы, чем арбалет, по скорострельности превосходил его почти в пять раз. В условиях сражения на близкой дистанции, доминировавшего при Кресси, большой лук обладал явным преимуществом. Для французов эта битва обернулась жуткой бойней. Победа Черного принца при Пуатье (см. рис. 18) досталась англичанам гораздо большим трудом, чем победа при Кресси. Король Иоанн настиг войска принца (отягощенные награбленной добычей) с юга, блестящим фланговым маневром отрезав принцу

Эдуарду пути отступления на Бордо. Французские войска, по-видимому, численно превосходили войска принца в два раза; однако, как и его отец в 1346 г., Эдуард

77

Рис. 18. Битва при Пуатье (из хроник Фруассара)

проявил достаточное благоразумие, заняв оборонительную позицию и применив тактику, использованную при Креси, разместив лучников на флангах, а спешившихся тяжеловооруженных всадников — в тылу. В лагере французов на предшествовавшем битве военном совете разгорелся спор между маршалами Клермоном и Одрегемом, в результате которого французы ринулись в атаку раньше, чем воинские соединения (известные под названием «bataille»), были выстроены в боевом порядке (см. ниже стр. 131-133). В ходе этой чрезвычайно опрометчивой атаки французские передовые части повторили ошибки Филиппа при Креси, устремившись прямо в зону обстрела ан-

78

глийских лучников. И хотя в следующих отрядах, посланных для того, чтобы втянуть англичан в бой, французские тяжеловооруженные воины были спешены, они действовали раздельно с лучниками и, отягощенные весом доспехов, с большим трудом продвигались к английским позициям. Первый из этих отрядов, возглавляемый дофином, понес тяжелые потери и отступил, отряд герцога Орлеанского бежал с поля боя. Когда Иоанн вступил в сражение во главе последнего отряда, принц направил гасконские войска под командованием каптала Буша, чтобы обойти его с тыла, в то время как основные конные силы англичан атаковали остатки французского войска, наступавшего в пешем строю.

Пленение Иоанна и многих представителей высшей знати Франции оказало решающее влияние на последующий ход событий — однако только спустя некоторое время. В течение 1358 и 1359 гг., пока Иоанн находился в Лондоне в качестве пленника, были составлены два договора. Первый из них (8 мая 1358 г.), заключенный во время бунта в Париже и всего за несколько недель до начала восстания крестьян, известного как Жакерия, уже утратил свою силу к концу осени, когда волнения были подавлены. Второй договор (24 марта 1359 г.), заключенный в то время, когда полным ходом шла подготовка к возобновлению военного вторжения, был настолько бессмысленным, что трудно поверить в серьезность его содержания, и он был решительно отвергнут французскими Штатами. Теперь король Эдуард мог со спокойной совестью приступить к осуществлению своих грандиозных замыслов.

Кампания 1359-1360 гг. имела целью нанести «coup de grace», окончательное поражение Валуа, и ее завершением должна была стать торжественная церемония коронации Эдуарда в Реймском соборе. В то время, когда король Франции находился в плену

79

Рис. 19. Король Иоанн
дарует прощение
Карлу Наваррскому
(из Больших хроник)

в Лондоне, а французское королевство было охвачено гражданской войной, англо-наваррские войска заплониру Нормандию и подступали к воротам Парижа, половина Бретани и большая часть Аквитании находились в руках англичан, а их гарнизоны были размещены в Анжу, Мэне, Турени и даже в Бургундии, действительно казалось, что для Эдуарда настал час триумфа. Стратегия провинциального оппортунизма сделала свое дело, и пришло время использовать единую большую армию, продвигающуюся прямо к заранее известной цели.

Однако в этих обстоятельствах Эдуард был не готов действовать до наступления поздней осени, но к тому времени произошел перелом, поскольку ситуация во Франции сложилась для него гораздо менее благоприятно, чем весной и летом предыдущего года. Власть дофина упрочилась, и ему удалось достичь соглашения с Карлом Наваррским. Боевое обеспечение Эдуарда было очень плохим, а Реймс приготовился обороняться. Около месяца спустя английский король был вынужден снять осаду с этого крупного укрепленного города и отвести войска в Бургундию, а затем повернуть на Париж, штурмовать который он так и не отважился. Когда французы увидели, что Эдуард отступает, они начали переговоры, и 8 мая 1360 г. в Бретины, крошечной деревушке, расположенной в

80

нескольких милях к юго-востоку от Шартра, был заключен мирный договор.

Для историков, полагающих, что войной Эдуард собирался добиться всего лишь независимости Аквитании от Франции, в этом договоре запечатлен момент его триумфа; для тех, кто считает, что Эдуард жаждал обрести французскую корону, он означает поражение английского государя. Ведь по условиям договора, заключенного в Бретины, Эдуард получал на правах полного суверенитета больше трети территории Франции (см. карту Пб), однако его притязания на французскую корону были отвергнуты, равно как и требование отказаться от суверенитета над Нормандией, Туренью, Анжу, Мэном, Бретанью и Фландрией, где войска союзников Эдуарда его именем занимали города, замки и крепости. Однако договор еще предстояло ратифицировать. Когда это произошло следующей осенью в Кале (24 октября 1360 г.), пункты, касающиеся отказа французов от прав верховной власти и высшей судебной компетенции (ressort, права выносить судебные решения, которые не могут быть опротестованы в другом верховном суде) на территориях, закрепленных за Эдуардом, были изъяты из договора и составили отдельную статью, предусматривавшую их исполнение в более поздний срок, после передачи англичанам некоторых особых территорий; однако французы так никогда и не выполнили это условие.

Однажды уже высказывалось предположение о том, что внесенные изменения были результатом ловкого политического хода со стороны французских участников переговоров, хотя единственный довод, выдвинутый в пользу такой трактовки событий, состоял в том, что впоследствии они обернулись на пользу королю Франции. Однако не так давно было убедительным образом продемонстрировано, что, если передача территорий не могла быть произведена в установлен-

81

ный период времени, из этого с неизбежностью следовало, что отказ французов от указанных прав должен был производиться отдельно от заключения договора. С другой стороны, если принять к сведению то, как торопился Эдуард завершить дела в Кале, а также обратить внимание на его

действия в последующие годы, представляется вполне очевидным, что его собственная политика заключалась именно в том, чтобы как можно скорее закрепить отошедшие к нему территории после отказа от них французского короля или даже без него. Если такова была его собственная политика, то была ли она продиктована желанием в действительности вступить во владение территориями, закрепленными за ним договором, или же тем, что, в конечном итоге, он не мог отказаться от своих притязаний на трон? Действительно ли он искренне боялся, что в том случае, если он откажется от короны, французы будут бесконечно откладывать передачу оставшихся территорий, или же дело было в том, что договор, заключенный в Бретињи не дал ему того, что он хотел? Источники не дают нам ясного ответа, равно как и документация мирных переговоров в Авиньоне в 1344 и 1354 гг., не проясняя, почему соглашение не было достигнуто и кто несет ответственность за провал переговоров. В итоге нам остается только догадываться о том, каковы были цели и мотивы, обуславливавшие поступки короля. При этом нет никаких свидетельств в пользу того, что Эдуард не был удовлетворен приобретением обширных территорий, большая часть которых впоследствии вошла в состав впечатляющего княжества, созданного для его старшего сына, победителя при Пу-атье. И ничто не говорит о том, что после 1360 г. Эдуард собирался возобновить войну. Наоборот, как раз Карл V Французский, прочно утвердившись на престоле, решил обратить внимание на то, что условия договора, заключенного в Бретињи, не были

82

*Рис. 20. Король
Карл Наваррский
(из больших хроник.)*

выполнены. Вполне возможно, что в 1360 г. Эдуард стремился заключить мир, поскольку в годы, последовавшие за победой при Пуатье, он уже не мог направлять ход войны по своему усмотрению. Не имея возможности платить английским, бретонским, гасконским и наваррским войскам, якобы сражавшимся за него, Эдуард постепенно терял контроль над крепостями, занятыми этими воинами по всей территории Франции, так как именно в эти годы создаются вольные компании (см. ниже стр. 230-231). Не один капитан, подобно Роберту Ноллису, мог похвастаться тем, что он сражается «ни за короля Англии, ни за короля Наварры, но только за самого себя». Более того, Карл Наваррский, отметивший к тому времени свое двадцатипятилетие, был популярной фигурой, обладал значительным числом сторонников и являлся опасным соперником. На чьей стороне были его войска? Обширные территории в Аквитании вместе с Кале и Понтье должны были представляться Эдуарду очень надежной перспективой ввиду возрастающей анархии во Франции. За время, прошедшее с лета 1358 г., Эдуард и так уже потерял очень многое. Если бы он не поспешил с заключением соглашения в 1360 г., он мог бы — как, говорят, сказал ему герцог Ланкастера, — «потерять в один

83

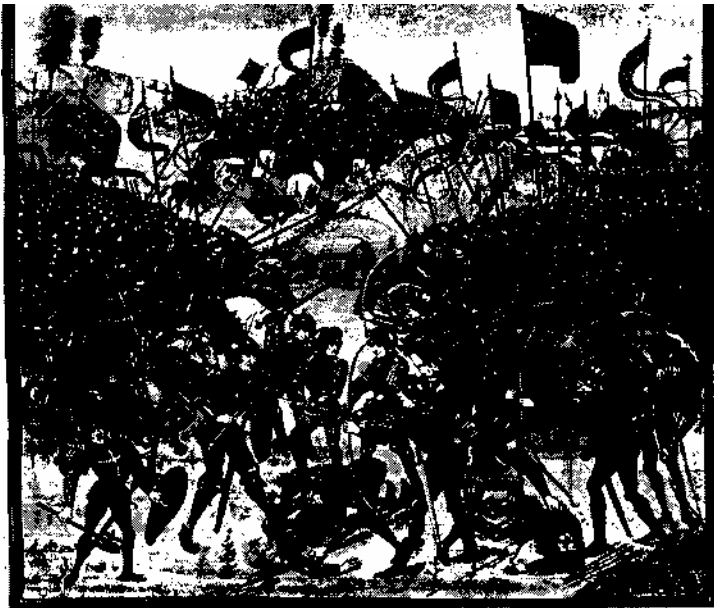

Рис. 21. Битва при Орее (1369 г.) (из хроник Фруассара)

день больше, чем мы смогли приобрести за двадцать лет».

Должны ли мы исходить из предположения, что цели английского короля были последовательны? Судя по его поступкам, Эдуард был авантюристом. Его вторжение в Шотландию, Фландрию и Бретань, его заигрывания с Карлом Наваррским, притязания на Эно, Голландию и Зеландию на основании прав его жены — все, по-видимому, указывает в этом направлении, даже его девиз «Все так, как есть». Вплоть до 1358 г. война развивалась чрезвычайно успешно для Эдуарда, и он мог повышать свои запросы. Однако в годы победы обстоятельства были против него. Он выступил на Реймс, когда было уже слишком поздно,

84

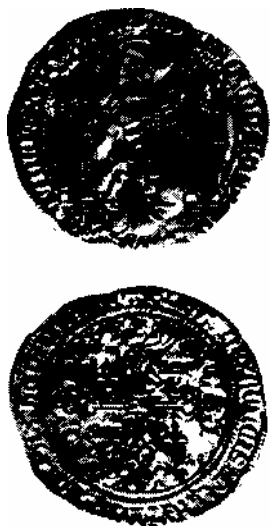
Рис. 22. Сражение при Нахере (1367 г.) (из хроник Фруассара)

удача покинула его, и Эдуард оказался достаточно мудр для того, чтобы заключить мир на пока еще выгодных условиях.

Мир продолжался только девять лет — немногим дольше, чем период перемирия, последовавший за взятием Кале. Стороны отнюдь не бездействовали ни на поле брани, ни в дипломатической сфере. Несмотря на то, что по договору, заключенному в Бретињи, вопрос о бретонском престолонаследии должен был решаться соперничающими претендентами без постороннего вмешательства, тем не менее и французские, и английские войска принимали участие в бретонских войнах, в результате которых Жан де Монфор занял престол, его противник Карл Блуаский был убит, а

85

*рис. 23. Монета: золотой
гиенца Черного принца,
отчеканенный в Бордо,
похожий на гиенца,
которые выпускал его
отец. Аверс: принц в
доспехах на фоне
готического портала;
реверс: цветущий крест*

его войско разбито в сражении при Орее 29 сентября 1364 г. (см. рис. 21). Английские и французские войска оказались во враждующих лагерях и во время войны к югу от Пиренеев, когда Педро Жестокий был свергнут с кастильского престола своим сводным братом Эн-рике Трастамарским при поддержке Дюгеклена и армии наемников (routiers). Вторжение Черного принца на стороне Педро было не таким бессмысленным, как предполагалось ранее, поскольку французская интервенция в Кастилии должна была проложить путь франко-арагонскому вторжению в Аквитанию, и не позднее февраля 1365 г. принцу стали известны планы Карла V. Знаменитая победа принца Эдуарда при Нахере 3 апреля 1367 г. (см. рис. 22) позволила ему восстановить Педро на престоле и еще раз продемонстрировать свой талант полководца; однако политическая недалекость принца отчетливо проявилась в его отказе уступить Педро захваченных в плен его политических противников. Не прошло и двух лет, как эти люди убили короля, позволили Энрике узурпировать власть и вновь предоставили в распоряжение французов кастильский флот. А поскольку Педро не смог возместить принцу его расходы, тот был вынужден платить своим людям за счет и без того уже обремененных чрезмерно высокими налогами гасконцев.

86

*Рис. 24. Изображение Карла V
(1364–1380 гг.), аббатство
Сен-Дени под Парижем*

Новая подымная подать вызвала широкое возмущение и стала причиной недовольства со стороны двух главных вассалов принца — графа Арманьяка и сеньора Альбре. Карл V поощрял их желание

изложить ему свои обиды. Он извлек максимальную выгоду из затруднений принца и, устроив грандиозный спектакль из обращения за советом к выдающимся юристам, 3 декабря 1368 г. заявил о своем праве рассматривать жалобы графа Арманьяка и сеньора Альбре. Эдуард III принял брошенный ему вызов. 3 июня 1369 г. он вновь объявил себя королем Франции, в ответ Карл объявил о конфискации его французских земель. В течение последующих шести лет княжество Аквитанское снова уменьшилось до прибрежной полосы между Бордо и Байонной с рядом изолированных гарнизонов, расположенных в долине Дордони в пределах Берже-рака, большая часть Бретани была занята французскими войсками, англичане потеряли Понтье, Сен-Совер-ле-Виконт и Бешерель. Как французам удалось добиться этого в столь короткий срок? Не может быть никаких сомнений в том, что большая часть этих успехов является личной заслугой дофина Карла, который взшел на трон после того, как король Иоанн скончался в Лондоне в 1364 г. (см. рис. 24). Карл Мудрый, как его называли (1364-

87

Рис. 25. Надгробное изображение Бертрана Дюгеклена, коннетабля Франции (1370—1380 гг.), аббатство Сен-Дени

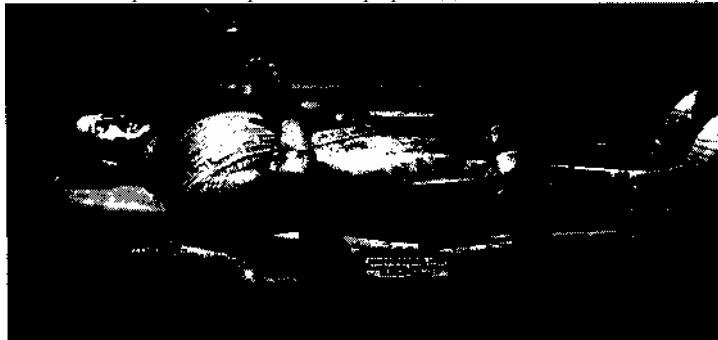

Рис. 26. Надгробное изображение Людовика де Сансерра, коннетабля Франции (1397-1403 г.), аббатство Сен-Дени

1380 гг.), был выдающимся политиком и дипломатом, зрелым мужем в свои двадцать девять лет, когда он вступил на престол, и его ранняя смерть в сорокапятилетнем возрасте дорого обошлась Франции. Он проявил себя в годы, следовавшие за битвой при Пуатье, сначала как наместник, а затем как регент королевства, заменявший своего отца в те годы, когда Иоанн находился в Лондоне в качестве пленника. Карл пережил Парижское восстание (когда ему пришлось бежать из столицы), Жакерию и вторжение англичан 1359-1360 гг., и к моменту освобождения Иоанна уже многое успел сделать для борьбы с несчастьями своей страны. Карл V не был солдатом, он отличался хрупким телосложением, страдал от язв и плохого кровообращения, но соблюдал строгий режим, обладал фантастической энергией и талантом распределять обязанности, подбирая нужных людей для выполнения поставленной задачи. Он прислушивался к разумным рекомендациям своих личных советников: клирика Рауля де Преля, рыцаря Филиппа де Мезьера и ученого Николя Орезма. Работу правительства существенно облегчали хорошие администраторы, такие как канцлеры Жан и Гийом де Дорман, прево Парижа Юг Обрио и Бюро де ла Ривьер. Не менее важным был вклад хороших командующих, которых Карл V нашел в лице таких военачальников, как его брат Людовик Анжуйский, наместник в Лангедоке (1364-1380 гг.), коннетабль Дюгеклен (1370-1380 гг.) (см. рис. 25), адмирал Жан де Вьенн (1373-1396 гг.) и маршалы Одрегем (1351-1368 гг.), старший Бусико (1356-1368 гг.), Мутен де Бленвиль (1368-1391 гг.) и Людовик де Сансерр (1368-1397 гг.) (см. рис. 26).

На период 1360-1369 гг. приходится реорганизация военной и финансовой сферы, потребовавшаяся в связи с действиями Карла Наваррского и вольных отрядов, а также в связи с необходимостью изыскать средства для уплаты выкупа за Иоанна. Наваррец перестал представлять угрозу после того, как Дюгеклен, в то время всего лишь неотесанный бретонский рыцарь, одержал над его войсками свою первую победу при Кошереле в Нормандии (16 мая 1364 г.). Ввязавшись в борьбу за кастильский престол и создав в течение нескольких последующих лет постоянно действующую армию (см. ниже стр. 134-135), Карл уничтожил либо переманил к себе на службу большую

89

Рис. 27. Морское сражение при Ла-Рошели (1372 г.) (из хроник Фруассара)

часть капитанов наемников, обеспечил себе поддержку кастильского флота в войне против Англии, которую возобновил в 1369 г. Вслед за тем Карл сосредоточил все усилия французов на отвоевании территорий, отданных англичанам по договору в Бретиньи. Военный и морской арсеналы были реорганизованы в «Галерном дворе» в Руане, франко-кастильский флот атаковал побережье Англии, и удары были нанесены по английским позициям в северной и южной Франции.

К этому времени англичане уже вели войну без общей стратегии. Стратегия одновременных и взаимосвязанных высадок армий на территории Франции была отвергнута, или же показалась неуместной ко-

90

Рис. 28. Личная печать Черного принца

ролю и победителю при Пуатье в условиях, по существу, оборонительной войны. Экспедиция, порученная Роберту Ноллису в 1370 г., свелась к бесполезному грабительскому набегу, планы освобождения Аквитании потерпели неудачу, когда в 1372 г. у Ла-Рошели (см. рис. 27)

кастильским флотом был потоплен флот под командованием графа Пемброка (с жалованием для солдат на борту), и фантастический поход Гонта в 1373 г., несмотря на его безмерную смелость, не принес никаких результатов. Карл V, используя опыт, приобретенный им в ходе кризиса 1359-1360 гг., проводил тактику выжженной земли и запретил своим командующим рисковать, вступая в бой с противником. Кроме того, Эдуард III быстро угасал. Черный принц вернулся на родину в 1371 г., его здоровье было подорвано, а слава потускнела. Смерть Черного принца в 1376 г., за которой годом позже последовала кончина самого короля, ознаменовала конец эры Креси и Пуатье.

Разногласия в совете, проявившиеся в последние годы жизни Эдуарда, отразились на военной политике. В 1375 г., когда граф Кембридж и Иоанн (Жан) IV Бретонский активизировали военные действия в герцогстве Бретань, Джон Гонт был занят мирными переговорами в Брюгге. По истечении срока перемирия — буквально через несколько дней после смерти

91

Эдуарда — участились французские морские набеги на побережье Англии. Эти рейды, организованные Жаном де Вьенном, были предприняты для того, чтобы обеспечить французам господство над Ла-Маншем и тем самым помешать англичанам отправить военную помощь в Бретань и Гиень, а также подготовить почву для блокады Кале с моря и суши. Герцог Бургундский начал осаду применением современного флота, собранного де Вьенном «Галерном дворе». Войска французов также были посланы в Гиень, где англо-гаскон-ская армия потерпела поражение, а сенешаль, сэр Томас Фельтон, был захвачен в плен в сражении при Эйме (1 сентября 1377 г.). Однако решающего перелома в 1377 г. не произошло. Кале и Борделе держались, и в течение этого года Карл Наваррский и герцог Бретонский уступили англичанам Шербур и Брест. Таково было положение дел, когда в 1380 г. скончался Карл V, спустя год после последней крупной английской военной кампании XIV века, предпринятой графом Бекингемским. Большую часть последующего периода — с 1380 по 1415 гг. — длилось шаткое перемирие. Военная ситуация тех лет характеризуется гарнизонными вылазками на передовых постах и пиратством в Ла Манше. До вступления на престол Генриха V активные военные действия больше не возобновлялись. Этому было несколько причин. Прежде всего, короли обеих стран были детьми, что не благоприятствовало решительным военным действиям. Ричарду II (см. рис. 29) было всего лишь одиннадцать лет, когда он вступил на престол в 1377 г., и столько же исполнилось Карлу VI (см. рис. 30), когда он взошел на трон тремя годами позже. Борьба противоречивых интересов в советах обоих королевств не позволяла ни проводить эффективную военную политику, ни сдвинуть с мертвой точки мирные переговоры. Джон Гонт, в тот момент больше озабоченный своими амбициями в отношении Испании, не пытался отстаивать

92

Рис. 29. Надгробное изображение Ричарда II (1377-1399 гг.)
работы Николая Брокера и Годфрида Преста,
Вестминстерское аббатство, Лондон

сколько-нибудь последовательную политику во Франции. Глостер и Уорик, по-видимому, поддерживали активную антифранцузскую политику, как только убедились, что Ричард решительно склоняется к миру. Так же обстояли дела и во Франции: всемогущий герцог Бургундский подчинил внешнюю политику короля своим собственным интересам во Фландрии, где его цель состояла в том, чтобы сначала заполучить, а затем отстоять свое фламандское наследство. Казалось, окончательное примирение было близко к осу-

Рис. 30. Изображение Карла VI (1380-1422 гг.), аббатство Сен-Дени около Парижа

ществлению в 1393 г., когда был составлен временный договор, по которому воссозданное герцогство Аквитанское должно было перейти к Джону Гонтю и его преемникам на условиях держания от французской короны. Но поскольку перспективы подчиниться правителю, постоянно пребывающему в Бордо, и отторжения Аквитании от английской короны вызвали недовольство в Гаскони, этот план был отвергнут.

В 1396 г. Ричард сочетался браком с дочерью Карла Изабеллой, и было заключено перемирие на двадцать восемь лет. Однако два монарха так и не смогли заключить мирный договор, и когда через три года Ричард был смещен с престола, все, что он сделал в этом направлении, оказалось под угрозой. Однако Генрих IV был слишком озабочен сохранением престола в своей стране, чтобы предпринимать какие-либо шаги для приобретения французского трона, кроме

94

Рис. 31. Портрет Филиппа Храброго, герцога Бургундского (1364-1404 гг.)

того, в последующие годы его здоровье слишком ослабло, чтобы проводить масштабные военные операции. Собственные внутренние разногласия помешали французам извлечь пользу из

затруднений Генриха, хотя в первые годы его правления они несколько раз успешно вторгались на территорию Гиени. После 1392 г. Карл VI стал подвержен периодическим приступам безумия и в дальнейшем не мог править самостоятельно. Долголетие Карла VI (он скончался в 1422 г.) было для Франции таким же несчастьем, как и недолговечность его отца. Самым важным событием этих лет — не в последнюю очередь в силу того влияния, которое ему в будущем предстояло оказать на отношения между Англией и Францией — было увеличение могущества герцогов Бургундских.

95

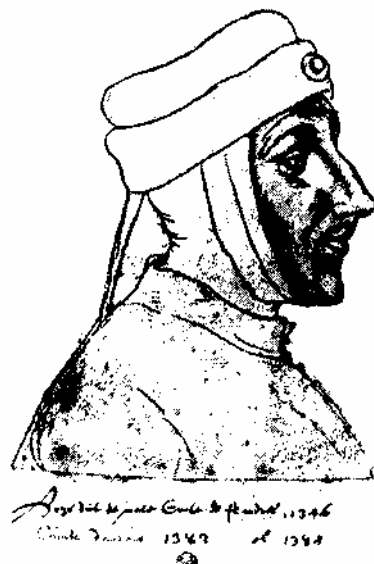

Рис. 32. Рисунок, изображающий Людовика Мальского, графа Фландрского (ум. 1384 г.)

История герцогов Бургундских из рода Валуа началась со смертью в 1361 г. юного Филиппа де Рувра, последнего герцога из династии Капетингов. При разделе наследства герцогство перешло (хотя и не без последующих раздоров) к кузену Филиппа, королю Иоанну, а имперское графство Бургундия (Франш-Конте) вместе с Артуа и Шампанью отошло Маргарите, дочери Людовика Мальского, графа Фландрского (см. рис. 32). В ноябре 1363 г. Иоанн втайне пообещал герцогство своему четвертому сыну Филиппу (см. рис. 31), и Карл V в июне 1364 г. жалованной грамотой подтвердил этот дар. Чтобы не допустить осуществления английских замыслов в Нидерландах, король поддержал брак между Филиппом и Маргаритой, единственным оставшимся в живых ребенком Людо-

96

вика Мальского. Маргарита уже была обручена с Эдмундом Лэнгли, сыном Эдуарда III, однако папа Урбан V оказал французам содействие, отказав в разрешении на заключение этого союза близкими родственниками. Маргарита стала супругой Филиппа в 1369 г., после того как ее отец наконец дал свое согласие на брак в обмен на значительную денежную сумму и возврат Фландрии территорий, отошедших Франции в 1305 г. (Лилля, Дуэ, Орши) и давно являвшихся предметом его желаний. Когда в 1384 г. Людовик скончался, Филипп унаследовал графства Фландрию, Артуа, Невер, Ретель и Франш-Конте, а также ряд меньших по размеру, но важных земельных владений (см. карту III). В то время эти приобретения рассматривались как существенное увеличение французского могущества, и в течение последующих лет Филипп упрочил свое влияние в Нидерландах благодаря заключению выгодных браков и династических союзов.

Кажется маловероятным (хотя не так давно было выдвинуто подобное предположение), что Филипп уже тогда задумывался о создании независимого бургундского государства. Если его замыслы были именно таковы, то трудно понять, почему после смерти Филиппа в 1404 г. его владения были поделены между тремя его сыновьями. Даже если обе Бургундии, Фландрия и Артуа составили нераздельное владение старшего сына, Иоанна Бесстрашного, то герцогства Брабант, Лимбург и власть над Антверпеном достались Антуану (до смерти своего отца являвшемуся графом Ретельским), а Невер, Ретель и земли Шампани отошли младшему сыну, Филиппу. В тот момент все выглядело так, как будто каждая часть наследства Филиппа в дальнейшем будет развиваться самостоятельно, и чистой воды случайность, что сын Иоанна, Филипп Добрый (1419-1467 гг.), сумел собрать воедино все земли, которыми владел их род во времена его деда, и намного увеличить эти владения. Дело в

97

Рис. 33. Статуя Иоанна, герцога Беррийского, ок. 1390 г., скульптор Жан де Руи из Камбре, Буржский собор

том, что, хотя Иоанн Бесстрашный имел восьмерых детей, сын у него был только один, и потому в 1419 г. вопрос о разделе наследства не возник. Именно с этого момента можно уверенно говорить, что герцог Бургундии начал проводить политику обдуманной экспансии на севере и на востоке, стремясь к слиянию Фландрии и Бургундии. Вплоть до 1419 г. политика герцогов состояла в борьбе за власть во Франции и за влияние на французскую монархию, и только после 1419 г. они обратились к поискам политического капитала за пределами французского королевства. Но на пути к реализации обеих честолюбивых целей герцоги Бургундские встретили опасных противников.

Во время правления Карла V основные обязанности Филиппа Храброго, так же как и других его братьев, Людовика, герцога Анжуйского, и Иоанна, герцога Беррийского (см. рис. 33), состояли в том, чтобы вести войну с Англией и помогать советами своему венценосному брату. После вступления на престол юного Карла VI необходимость поддерживать племянника советами стала еще более насущной. Дядя короля главенствовали в регентском совете, отстранив министров Карла V и используя в корыстных целях свою власть над племянником и ресурсы королевства. Герцог Беррийский, занимавший должность наместника Лангедока, пользовался этим для увеличения собственных доходов. Филипп Храбрый использовал королевские войска, чтобы подавить восстание во Фландрии в битве при Роозбеке в 1482 г., и упрочил свое положение в Нидерландах и в Германии за счет брака Карла VI с Изабеллой Баварской (см. рис. 34). Между 1382 и 1403 гг. Филипп получил от Карла 1,3 миллиона ливров только в виде «подарков», и к концу его жизни около половины его доходов составляли поступления от французской короны в форме пенсионов, подарков и пожалований права сбора королевских налогов. В последние годы жизни Филиппа

Храброго и при Иоан-

*Рис. 34. Скульптурное
изображение Изабеллы Баварской
(ум. 1435 г.), супруги Карла VI,
аббатство Сен-Дени под Парижем*
99

не Бесстрашном бургундцы стали еще более тяжелой обузой для французских финансов. Между тем вследствие сумасшествия короля началась борьба за власть над Францией между Филиппом Храбрым и младшим братом Карла Людовиком, который в 1392 г. стал герцогом Орлеанским. Два герцога оказались противниками в Италии и в Германии, в отношении к Великой Схизме, при выборе политики в отношении к Англии и, прежде всего, в борьбе за власть в королевстве. В общем и целом можно сказать, что Орлеанец пользовался наибольшим влиянием, когда Карл был здоров, а Бургундец — когда тот был безумен. Их соперничество помешало французам извлечь выгоду из внутренних распрей англичан, возникших в последние годы правления Ричарда II и при смене династии в 1399 г.; с приходом же к власти Иоанна Бесстрашного конфликт между двумя домами — Орлеанским и Бургундским — еще более обострился. Ловкий демагог, Иоанн склонил на свою сторону народ Парижа, и борьба за власть в королевстве достигла кульминации, когда в ноябре 1407 г. герцог Орлеанский был убит вооруженной бандой по

Рис. 35. Генрих V с мечом в руках.
100

:\\

Рис. 36. Портрет Генриха V (1413-1422 гг.), работы неизвестного художника

приказу герцога Бургундского. Три года спустя началась гражданская война, и организатором орлеанист-ского возмездия стал граф Арманьяка, чья дочь была замужем за сыном Людовика Карлом, наследовавшим своему отцу в 1410 г. Когда разгорелась война (почти повсеместно, но преимущественно в Иль-де-Франсе), обе стороны стали наперебой добиваться английской поддержки. Поначалу англичане колебались между арманьяками и бургиньонами, затем они стали поддерживать и ту и другую стороны, добиваясь для себя наиболее выгодных условий. Генрих IV не мог лично вмешаться в борьбу, однако двухтысячное английское войско, отправленное в Кале в октябре 1411 г., помогало бургиньонам осаждать Париж, а в следующем

101

году второй сын короля Томас Кларенс был послан с армией на помощь арманьякам. После вступления на престол Генриха V (21 марта 1413 г.) полномасштабная английская интервенция стала неизбежной. По удивительной иронии судьбы, первый король Англии, в венах которого текла английская кровь и при котором некоторые официальные документы стали составляться на английском языке, был также монархом, добившимся для своего сына того, о чем мечтали его предшественники Плантагенеты: соединения на одном челе английской и французской корон. Чтобы добиться успеха там, где Эдуард III потерпел неудачу, необходимо было обладать незаурядными способностями, и в этом Генрих V (см. рис. 36) недостатка не испытывал. Став королем в двадцать пять лет, он мальчиком начал службу в Ирландии при Ричарде II, прошел суровую военную школу во время Уэльских кампаний в первые годы правления своего отца и в дальнейшем проявил себя как деятельный и властный монарх. Хороший военный, он, кроме того, был, подобно своим предшественникам Генриху II и Эдуарду III, практичным бюрократом, разумным администратором и непреклонным судьей. Один французский историк находил его набожность лицемерной, его поведение вероломным, его чувство справедливости показным и даже ложным, его месть жестокой, а честолюбие безмерным. И тем не менее нет никаких оснований подвергать сомнению его благочестие или его убежденность в справедливости своего дела. Если притязания Генриха были честолюбивы, а дипломатия вероломна, то в этом он всего лишь был подлинным сыном своего времени. Если биограф викторианской эпохи считает необходимым искать объяснение распутной юности Генриха, оттого что не может увязать ее с благочестием, отличавшим этого монарха в годы пребывания на престоле, то нам они должны казаться противоречащими друг другу не больше, чем казались его современникам. Он пользовался у своих сооте-

102

чественников ничуть не меньшей и, может быть, даже большей популярностью, чем Эдуард III, и преждевременная смерть Генриха V на вершине беспрецедентной славы, хотя, по-видимому, и оказала свое влияние на его посмертную оценку, стала трагедией для народа и государства. Представляется вполне очевидным, что с первых лет его правления проводимая Генрихом

политика вела к полномасштабному возобновлению военных действий; однако, если король Англии намеревался соблюсти видимость законности, его замысел должен был быть подготовлен дипломатическим путем. Перед ним открывались две возможности: либо идти до конца и требовать французскую корону, либо вернуться к так и не претворенному в жизнь договору в Бретиньи. Требования, выдвинутые посольством, отправленным во Францию в 1414 г., выходили далеко за рамки этого договора. Послы заявили, что в том случае, если Генрих получит в супруги дочь короля Екатерину, он согласится удовольствоваться полной и независимой верховной властью в Нормандии, Турени, Мэне, Анжу, Бретани, Фландрии и Аквитании — на территории, более обширной, чем владения Плантагенетов во время их наибольшей протяженности при Генрихе II. Когда французы попытались отделить вопрос о *браке* Генриха от его территориальных притязаний, они столкнулись с тем, что требования англичан возросли еще больше: теперь они требовали еще и половину Прованса, а также замки и земли Бофора и Ножана. То, что Генрих вел переговоры одновременно и с бургиньонами, и с арманьяками, должно было поднять цену его поддержки для каждой из сторон. Возможно, Генрих ожидал именно отказа французов, поскольку это позволило ему, как и Эдуарду III в 1359 г., пустить в дело армию, которую он подготавливал долгое время.

Высадка англичан, которая вплоть до момента отплытия планировалась в условиях строгой секретно-

103

сти, произошла в устье Сены в Нормандии в течение второй недели августа 1415 г. (см. карту VIII). По-видимому, король намеревался всего лишь произвести разведку и обеспечить себе порт для высадки войск, который мог бы служить плацдармом при последующем завоевании Нормандии. В этом, как и во всех остальных предприятиях, во многом превосходивших его первоначальные планы, Генриху сопутствовала удача. После несколько затянувшейся осады Арфлера, во время которой его войска понесли тяжелые потери, он продвигался на север по направлению к Кале, когда и был вынужден принять бой при Азенкуре на плато Артуа (25 октября 1415 г.). Французы повторили ошибки, совершенные ими при Креси и Пуатье, начав конную атаку на невыгодной местности против спешившихся английских тяжеловооруженных воинов, которых поддерживали лучники и пехота. И вновь, несмотря на численное превосходство противника, победа англичан была полной, а французы понесли значительные потери. Но при том, что одержанная Генрихом победа принесла ему славу полководца и позволила беспрепятственно достичь Кале, полностью выполнив стоявшую перед ним задачу, систематическое завоевание Нормандии началось только в ходе второго вторжения в 1417 г., и лишь три года спустя английские войска достаточно прочно обосновались на завоеванных территориях, чтобы Генрих смог принудить французов принять свои условия. 21 мая 1420 г. в Труа был заключен договор, который вполне мог бы удовлетворить даже честолюбие Эдуарда III. По условиям этого договора Генрих получал в супруги дочь Карла VI Екатерину, и после смерти Карла французская корона переходила к Генриху и его детям. В то же время, ввиду болезни Карла, Генрих должен был править в качестве регента: он обязался вернуть во владение французской короны земли, над которыми в то время господствовали ар-маньяки, утверждая, что наряду с Нормандией они

104

*Рис. 37. Монета:
золотой салют (salute)
Генриха VI,
отчеканенный в Руане.
Аверс: гербы Англии
и Франции, над ними —
сцена Благовещения,
изображающая Деву
Марию и ангела;
реверс: простой крест с
геральдической лилией и
геральдическими львом,
внизу — латинская
буква Н*

войдут в состав французского королевства, когда он станет его королем. Французский дофин, таким образом, с молчаливого согласия своих родителей был лишен права наследовать престол, и были созданы условия для установления двуединой англо-французской монархии. Как удалось достичь этого в столь короткий срок?

Едва ли можно усомниться том, что триумф Генриха в значительной мере был обусловлен его личными достоинствами. Он был властен и умен, нетерпим к оппозиции, но прям и непреклонен, когда принимал решение. Это чувство власти принесло ему и любовь, и уважение подданных. Он запретил своим солдатам мародерствовать и опустошать вновь завоеванные земли и добился в этом гораздо большего успеха, чем можно было бы ожидать. Генрих проявил определенный талант в командовании: и благодаря уважению, которое питали к нему его люди, он проявил себя как хороший, если не выдающийся военачальник. Однако, преуспев в возвращении утраченного, Генрих оказался менее удачливым, когда пришло время развивать успех. Так, хотя до Азенкура Генрих уступал своему противнику в военном искусстве, он одержал эффектную победу, которая позволила ему отвести свое войско к Кале и продолжить осаду Арфлера. Он в полной мере отдавал себе отчет в том, как велика стратегическая важность Нормандии для безопасности

Рис. 38. Убийство в 1419 г. Иоанна Бесстрашного, герцога Бургундского, организованное его политическими противниками (из хроники Монстреле)

Франции, и планомерное завоевание герцогства, которое он постепенно довел до конца в тылу пограничных постов, установленных между Каном и Мантом и в марках Мэна и Алансона, свидетельствовало о том, что он не выпускал ситуацию на фронте из-под контроля. Наряду с договорами, гарантировавшими нейтралитет герцогов Анжу и Бретани, эти пограничные крепости надежно защищали Нормандию с востока, юга и запада и позволяли Генриху удерживать герцогство в своих руках.

Однако больше всего Генриху, безусловно, благоприятствовала политическая ситуация во Франции. В то время как он покорял Нормандию, Иоанн Бесстрашный захватил Париж и взял под контроль короля

Рис. 39. Джон, герцог Бедфорд, в коленопреклоненной позе перед Св. Георгием

и королеву; однако Иоанн все еще действовал отдельно от англичан, и если бы арманьяки и бургиньоны пришли бы к согласию, история сложилась совершенно иначе. Однако примирение на

мосту у Монтеро (см. рис. 38) не состоялось, вместо этого Иоанн Бесстрашный был убит арманьяками (10 сентября 1419 г.), и его сын Филипп Добрый перешел на сторону Генриха V. Именно благодаря их союзу — в большей мере, чем победе при Азенкуре и завоеванию Нормандии — стал возможен договор, заключенный в Труа.

107

Рис. 38. Батальная сцена (XV в.)

Через два года после заключения договора в Труа и Генрих, и Карл VI скончались (Карл покинул этот мир спустя два месяца после своего зятя). Еще ребенком Генрих VI был официально провозглашен королем Англии и, после кончины своего деда, королем Франции. Как того требовал договор, заключенный в Труа, в двух королевствах была установлена двуединая монархия, однако на деле было создано совместное правление бургундцев и англичан. После 1422 г. того французского королевства, которое складывалось в течение столетий, больше не существовало. Отныне было северное англо-французское государство План-тагенетов, Бургундское государство (частично во Франции и наполовину или даже больше, чем наполовину, в Империи) и южное французское государство Валуа. Вплоть до 1435 г. управление северной Фран-

108

Рис. 41. Портрет Генриха VI (1422-1461; 1470-1471 гг.)

работы неизвестного художника

цией в качестве регента при Генрихе VI осуществлял герцог Бедфорд (см. рис. 41), действовавший с Филиппом Добрым, герцогом Бургундии (см. рис. 42). После того как в 1435 г. их союз был расторгнут, английские владения были сведены до областей северной Франции, занятых английскими войсками, и остатков древнего герцогства Аквитанского. Со временем и эти территории были утрачены в 1453 г., когда власть Карла VII упрочилась; однако только после смерти Карла Смелого в 1477 г.

был положен конец бургундскому господству и окончательно восстановлена целостность

французского королевства.

Достижения Бедфорда в роли регента Генриха VI были, вне всякого сомнения, значительны. Он осознавал важность союза с бургундцами и в течение своей жизни сумел избежать серьезных опасностей, в том числе глупых козней своего брата Хамфри. Управляя северной Францией, он проявил мудрость и с уважением отнесся к местным институтам и кадрам; по-видимому, его усилия по привлечению как можно большего числа приверженцев на сторону двуединой монархии не пропали даром. Однако управление Нормандией и «*rais de conquete*» (завоеванной областью — той частью долины Сены за границами Нормандии, которая была завоевана Генрихом V до заключения договора в Труа), а в дальнейшем —

109

Рис. 42.

Филипп Добрый, герцог Бургундский

Анжу и Мэном осуществлялось раздельно с управлением теми областями, которые были получены по договору в Труа (прежде всего, Парижем и Иль-де-Франсом). В первом случае источником власти Бедфорда были завоевания Генриха. Во втором — союз с бургундцами и бургундский государственный переворот 1418 г. Таким образом, хотя Париж и стал бесспорной столицей англо-французского государства, а все центральные правительственные органы (совещательные, судебные, финансовые) продолжали действовать от имени Генриха VI по традиционным схемам, отдельный административный аппарат, размещавшийся в Руане, оставался самым надежным оплотом английской власти. Формально следуя требованиям договора, заключенного в Труа, Бедфорд настолько укрепил англо-французскую администрацию в Нормандии, что даже падение Парижа в 1436 г. не нарушило ее работы.

Почти все правительственные должности в столице занимали бургиньоны. Самым важным был Большой совет, принимавший политические решения и осуществлявший общее руководство всеми ветвями администрации. Хотя членов совета выбирал Бедфорд, за которым оставалось право выносить решения по самым важным вопросам (в частности, связанным с военными делами), большинство из них были бургундскими протеже или приверженцами бургундской партии. Очень часто, когда Бедфорд отлучался из Парижа, совет

ПО

действовал самостоятельно под руководством канцлеров Жана де Люксембурга и Пьера Кошона. С другой стороны, хотя некоторые правительственные учреждения в Нормандии, созданные Генрихом V и были упразднены, нормандский совет (теперь называвшийся советом в Нормандии), вопреки условиям договора, заключенного в Труа, стал распоряжаться правительственными и судебными делами, была сохранена отдельная финансовая администрация под управлением главного сборщика податей и возрождены забытые за это время Штаты. В итоге, совет в Нормандии в большей степени, чем Большой совет в Париже, руководил делами герцогства и «*rais de conquete*» (завоеванной области) и действовал как верховный (*sovereign*) суд, успешно отказываясь подчиняться юрисдикции парижского парламента. Тем не менее, в составе этого совета заметно преобладали французы, а в местной администрации было проведено четкое различие между гражданскими и военными делами. Так, хотя пятеро бальи всегда были англичанами, их функции в гражданской сфере выполняли виконты, которые в большинстве своем были французами. Первые ведали, главным образом, военными делами, в частности, смотрами войск, вторые отвечали за судопроизводство на местах (включая конфликты между солдатами и мирным населением), созыв Штатов и сбор налогов. Безусловно, примиренческая политика была

выгодна и в военном, и финансовом отношении: управлять оккупированной территорией стало бы проще, если бы местное население умерило свое недовольство и было склонно голосовать за расходы по содержанию военных отрядов. Однако представляется вполне очевидным, что Бедфорд стремился путем разумного и справедливого правления обеспечить широкую поддержку двуединой монархии. Сотрудничество местных жителей и свидетельство нормандского хрониста Томы Базена не оставляют ни малейшего сомнения в том, что Бедфорд добился значительных

iii

успехов в выполнении своей задачи (см. ниже стр. 215).

Наряду с этими двумя довольно различными административными системами герцоги Бургундские создали управленческий аппарат для своих теперь весьма обширных владений. Хотя эти многочисленные княжества были собраны вместе посредством наследования, покупки, браков, дипломатии и войн и связаны воедино разнообразными узами, в Бургундском государстве — огромном герцогстве западных областей — формировались централизованные институты по образцу соответствующих учреждений во Франции. Они создавались на основе местных институтов в каждой провинции или насаждались вместо них; однако при Филиппе Добром и Карле Смелом появились действительно централизованные органы управления. До этого в Бургундии в административном плане выделялись три довольно независимых территориальных образования: герцогство и графство Бургундские (первое находилось во Франции, второе — в Империи) вместе с другими южными землями, графство Фландрское и Нидерланды (см. карту III). Однако тенденции к централизации и соответствующие институты существовали в этих областях с самого начала и постепенно приобретали все большее значение.

Итак, хотя положения договора, заключенного в Труа, не соблюдались досконально, управление северной Францией никоим образом не было «англизировано». Скорее, ситуация была как раз противоположной. В годы англо-бургундского соправительства было положено начало тому, что можно было бы назвать англо-французским секретариатом. Французская административная система, во многих отношениях более развитая, чем административная система Плантагенетов, стала оказывать влияние на деятельность англичан, подобно тому как она наложила свой отпечаток на формирование бургундских институтов. Такие сек-

112

ретари, как Жан де Ринель и Лоран Кало, начавшие свою карьеру на бургундской службе, играли важную роль не только в правительственных органах в Париже и Руане, но и в Лондоне. Они владели собственностью в каждом из этих городов и действовали как посредники между подчиненными им управленческими кадрами. В финансовой сфере первый английский систематический бюджетный план был составлен как часть исчерпывающего отчета об общих ресурсах двуединой монархии во Франции и Англии в 1433-1434 гг., и, по-видимому, отчасти благодаря французским методам перспективного планирования, которые в эти годы нашли выражение в практике составления «*etat general des finances*» (общая смета финансов). Даже в сфере военной администрации англичане во многом были обязаны своими достижениями в Нормандии развитию системы смотров и ревизий, сложившейся во французской военной системе в ходе предыдущего столетия и приспособленной к нуждам англичан во время оккупации северной Франции французскими финансовыми чиновниками. Вплоть до 1435 г. и некоторое время спустя двуединая монархия Генриха VI приобретала конкретные очертания в тени разумной, если не всегда искусной, пропаганды. Если бы не лишенный наследства сын Карла VI, это вполне могло бы привести к возникновению устойчивого Англо-Французского государства.

Однако власть Генриха VI была признана только в тех провинциях северной Франции, которые были заняты английскими войсками или находились под контролем Бургундии, и немногочисленными фьефами, прежде всего, Бретанью. На юге Луары, за исключением той части Гиени, которая находилась под контролем англичан, подавляющее большинство населения страны благоволило Арманьякам, и в Бурже было создано временное правительство, во главе с дофином (см.

113

Рис. 43. Портрет Карла VII (1422-1461 гг.) работы Жана Фуке

карту Пв). Таким образом, во исполнение договора, заключенного в Труа, еще предстояло подчинить двуединой монархии обширные земли, охватывавшие более половины королевства. Если бы Генрих V прожил дольше, можно полагать, сопротивление его власти было бы сломлено, однако вступление на престол Валуа его одиннадцатимесячного сына вряд ли способствовало упрочению позиций монархии, установленной договором во Франции, где ждали своего часа честолюбивый герцог и лишенный престола сын Карла VI, стоявший на пороге зрелости.

114

Дофину Карлу почти исполнилось двадцать лет, когда в 1422 г. скончался его отец, однако прошло целых одиннадцать лет, прежде чем после покушения на его хваткого советника Жоржа де ла Тремуйля Карл окончательно освободился от влияния дурных советников и продемонстрировал, что способен быть самостоятельным королем. Но, несмотря на то, что Буржское королевство (как стали называться признавшие его власть земли) превосходило государство Ланкастеров в обширности земель, своему финансовому потенциалу, поддержке со стороны принцев, владевших апанажами, и возможностям гражданских учреждений, все же отсутствие морального духа в верхах, влияние бесчестных чиновников и алчных придворных дофина долгое время создавали препоны для решительных военных действий. Самым слабым местом дофина были его собственные личные качества и качества тех людей, которые состояли при нем советниками или нахлебниками. Карл не был принцем, способным повести за собой людей, отстоять дело, которое считалось давно проигранным, и взять на себя роль вождя, а в дальнейшем — и короля. Тщедушный молодой человек с бледным непривлекательным лицом (см. рис. 43), он был слаб и физически, и духовно. В отличие от своего деда, Карла V, он не был знатоком человеческой природы, не умел подбирать себе подчиненных и не мог вдохновить своих подданных на преданную службу. Он сомневался в самом себе, в своих сторонниках, даже в своих правах; после смерти отца дофин впал в апатию, из которой его приближенные не замедлили извлечь для себя выгоду. Почти до конца своих дней он не проявлял своих способностей. Между тем Бедфорд упрочил позиции англичан в Нормандии и долине Сены и присоединил к землям, завоеванным Генрихом V, Анжу и Мэн. И хотя снятие осады с Орлеана в апреле 1429 г., несомненно, было

115

очень важным событием, поскольку не позволило англо-бургундским войскам оттеснить противника дальше к югу, ни это, ни незамедлительно последовавшая коронация дофина в Реймсе 17 июля не поставили под угрозу положение англичан. Англо-бургундское наступление было приостановлено, однако Карл оказался неспособен развить успех. Партизанской войне, начавшейся в северной Франции, не доставало руководства из центра, и сторонники Карла не

получили никакой поддержки. Настоящий перелом произошел после смерти Бедфорда (15 сентября 1435 г.) и заключения франко-бургундского соглашения о примирении на собрании в Аррасе (21 сентября 1435 г.).

В чем же тогда заключается роль Жанны д'Арк? История Девы (см. рис. 44) вызвала к жизни столь обширный пласт литературы, отражающей такое количество интерпретаций, что историку трудно и, по-видимому, даже невозможно, оценить ее вклад в освобождение Франции. Он с неизбежностью рискует показаться святотатцем или фанатичным поклонником в зависимости от того, каковы его собственные убеждения и каковы убеждения читателя — не так-то легко понять психологию ее эпохи. Многое о жизни Жанны известно нам из записей, сделанных в ходе двух судебных процессов: после первого судьи инквизиции, по приказу Бедфорда, отправили ее на костер в 1431 г., второй был организован в 1456 г. Карлом VII, чтобы ее реабилитировать. Из них первый представляет большую ценность, поскольку он не грешит суждениями, вынесенными задним числом и (если принять к сведению, что в то время о ней почти ничего не было слышно в большей части Франции и в Англии) является единственным свидетельством современников, имеющимся в нашем распоряжении. Процедура суда была типичной для инквизиции. Соблюдалась полная секретность расследования и сбора

116

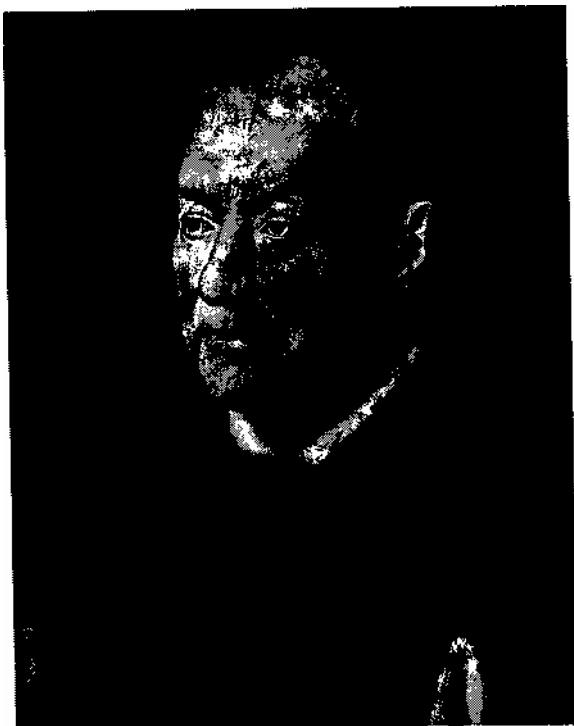

Рис. 44. Жанна д'Арк во время осады Орлеана

свидетельских показаний, относительно которых Жанна оставалась в неведении. У нее не было адвоката, который мог бы защитить ее от повторяющихся допросов, которые проводили сменявшие друг друга следователи. Чтобы заставить ее принять на себя вину и подписать признание, были пущены вход угрозы и ложные обещания. Ее записанные ответы с поразительной ясностью рисуют образ крестьянской девушки, обладающей незаурядным умом и здравым смыслом, 'невозмутимой верой, фанатической преданностью своему королю и убежденной в справедливости своего дела. В ее словах чувствуется тот пыл, который ей удалось вдохнуть в сердца своих товарищей по оружию; однако этот пыл едва ли вышел за пределы узкого круга близких к ней людей. За границами региона Луары она была относительно неизвестна. И враги отнюдь не были лучше осведомлены о ее эпопее: английские хронисты почти не упоминают о Жанне, и так как Бедфорд не позаботился

объявить о приговоре суда на всей территории, признававшей двуединую монархию, можно предположить, что Жанна не нанесла серьезного урона моральному духу англичан. Во время снятия осады с Орлеана Жанна была всего лишь семнадцатилетней девушкой и, как сама признавалась, не разбиралась в военном деле. Хотя она добилась несомненного влияния на войска, возглавляла их не она. Командование осуществляли Дюнуа, Алансон и Ришмон. Более того, к моменту ее появления на сцене Орлеан находился в осаде шесть месяцев, и положение в английском лагере уже стало ухудшаться. Нехватка людей не позволяла осуществить полную блокаду города, а трудности с поставками продовольствия вели к болезням и дезертирству в рядах осаждавших. И все-таки загадка остается: как неприметная крестьянская -девушка из Домреми, деревни на восточной окраине королевства, окруженной землями, находившимися под властью Бургундии, сумела убедить в правоте своей миссии всех, к кому она обращалась, и в конечном счете уговорить дофина позволить ей сыграть главную роль

118

119

Рис. 45. Портрет кардинала Альбергати работы Яна ван Эйка

в освобождении Орлеана и короновать его в Реймсе. Мы можем сколько угодно считать Жанну безумной, умственно неполноценной, фантазеркой или даже лгуньей. Ее же современники хотели знать только одно: была она послана Богом или дьяволом. Были ли ее «голоса» подлинными — несущественно. Факт в том, что множество людей были готовы признать ее миссию божественной, либо по убеждению, либо ради пользы дела. Могущество Жанны проистекало из доверчивости ее века, и ее мученический конец проистекал из источника ее же силы. Большее значение в долгосрочной перспективе имели переговоры, проходившие между арманьяками и Филиппом Добрым. Временные перемирия были заключены с герцогом в 1421 и 1423 гг., и французское наступление 1429-1430 гг. заставило его проявить осторожность. Смерть сестры Филиппа Анны в 1432 г. ослабила влияние Бедфорда, женившегося на ней в 1423 г. Заключение союза между Карлом и императором означало возникновение угрозы для Бургундии на севере и востоке. Между 1430 и 1433 гг. Никколо Альбергати (см. рис. 45), папский легат во Франции, предпринимал активные действия по подготовке к перемирию в обоих лагерях. В 1344 г. Базельский собор и папа Евгений IV признали Карла законным королем Франции, тем самым косвенно аннулировав договор в Труа. Переговоры об общем соглашении с Бургундией начались в Невере в начале 1435 г. и осенью на большом международном мирном съезде в Аррасе было достигнуто соглашение о примирении между Карлом и бургундцами. После этого главным предметом обсуждения оставался- вопрос о суверенитете. Англичане не могли отречься от французской короны, они отказались владеть землями во Франции на условиях оммажа и предпочитали затягивать обсуждение общего соглашения. Бедфорд не присутствовал на переговорах, и только после его смерти и отъезда английских посланников Филипп Добрый

согласился признать Карла VII королем Франции. Герцогу Филиппу было необходимо, чтобы мирные переговоры потерпели неудачу до того, как он отречется от договора, заключенного в Труа, и с этой целью кардинал Альбергати был уполномочен освободить его от клятвы соблюдать условия этого договора, принесенной Филиппом в 1420 г. Вслед за тем Карл VII пошел на значительные уступки Бургундии. Филипп получил от него в дар земли, приобретенные им у Бедфорда, города на Сомме

120

Рис. 46. Изображение кардинала Бофора (ум 1449 г.) в его заупокойной часовне в Винчестерском соборе

в благодарность за примирение, освобождение от принесения оммажа в течение его жизни и извинения Карла за убийство Иоанна Бесстрашного при Монтеро. В дополнение к этому Карл разорвал свой союз с императором. Позиции англичан тотчас же ослабли. С 13 апреля они уходят из Парижа, и к 1444 г., когда в Туре было заключено перемирие, в северной Франции под властью двуетаинной монархии оставались только Нормандия и часть Мэна.

В то же время постепенно ухудшалась политическая ситуация в Англии. Пока Генрих VI не достиг совершеннолетия (1422-1437 гг.), управление страной осуществлял регентский совет под протекторатом брата покойного короля, Хамфри, герцога Глостера. Борьба за власть шла между Глостером и сводным братом его отца, кардиналом Генрихом Бофором (см. рис. 46), и совет разделился на враждующие фракции. Разногласия обострились в 1435 г. в связи с разрывом союза с бургундцами и смертью Бедфорда. Проблема

121

французских владений английской короны стала главным политическим вопросом, и поскольку не был назначен новый регент Франции, он должен был решаться в Вестминстере. Разногласия по поводу французской политики, таким образом, усугубили и без того опасный раскол в совете. Глостер требовал войны, тогда как Бофор склонялся к миру. Когда в 1437 г. Генрих VI принял на себя руководство делами королевства, то последствия этого были катастрофическими, поскольку он совершенно не подходил для выполнения задач, стоявших в то время перед королем. Он был хорошим человеком, благочестивым и добросердечным, не способным питать вражду. Ему нравилось доставлять удовольствие своим приближенным. Его пожертвования на Итон и Королевский колледж (Кингз-Колледж) свидетельствуют о том, что он был щедрым благотворителем, но он не обладал хитростью и коварством, необходимыми для того, чтобы соответствовать политической ситуации своего времени. Таким образом, после 1437 г. искушение добиться благосклонности короля одерживало верх над любыми доводами для совместных действий, возникавшими в совете. Совещательное управление уступило место куриальному, и король на протяжении подобию своего правления пребывал во власти фаворитов и советников, самым влиятельным из которых был Бофор (до его ухода из активной политики в 1443 г.), затем герцоги Саффолк и Сомерсет и королева, которая полностью подчинила себе Генриха после их свадьбы в 1444 г. Все эти фракции проводили мирную политику, и как следствие, сформировалась оппозиционная партия во главе с лордами совета, которые оказались отстранены от дел; они приняли сторону войны.

В ходе подготовки к заключению мира на повестке стояли два основных вопроса: освобождение герцога Орлеанского (находившегося в заключении в Англии со времени его пленения при Азенкуре) и брак Генриха

122

Рис. 47. Портрет Джона, I лорда Тальбота (ум. 1453 г.)

с французской принцессой. В 1444 г. Саффолк получил дипломатическое поручение устроить помолвку Генриха с Маргаритой Анжуйской, племянницей Карла VIII. О том, что он ожидал решительного противодействия в Англии, свидетельствует тот факт, что Саффолк согласился взять на себя это поручение только после того, как получил гарантии от совета, включая Глостера, что он не будет нести ответственности за результат посольства. Драма конца 1390-х гг. была разыграна еще раз, однако в этом случае действия продолжались дольше, а эпилог оказался более трагическим. В итоге за браком Генриха, как и браком

123

Ричарда II, последовал не мир, но заключение перемирия. Более того, французы в качестве одного из пунктов соглашения потребовали уступить им Мэн, где в укрепленных замках находились самые многочисленные пограничные гарнизоны, обеспечивавшие безопасность Нормандии. Под давлением Маргариты, которая была честолюбива, деятельна, и не имела ни малейшего представления об интересах и делах Англии, Генрих дал свое согласие. Это противоречило всей политике Саффолка, заключавшейся в проведении мирных переговоров с позиции силы; но он был вынужден смириться, в противном случае ему угрожала опала. Недовольство отказом от Мэна стремительно возрастало и все больше выражалось в недоверии к иностранцам. Глостер, как и его тезка в 1390-х в связи с предложением уступить Кале и сдать Брест, разжигал ксенофобию. После его смерти в 1446 г. во главе оппозиции встал Ричард Йоркский, и вплоть до 1448 г. английские капитаны в Мэне отказывались сдавать крепости, находившиеся под их командованием. Однако это не принесло никаких результатов. В следующем году Турское перемирие было нарушено, войска Карла VII вторглись в Нормандию и вновь овладели ей в ходе стремительного наступления. В Гиени Карл столкнулся с решительным сопротивлением гасконцев, которые, прекрасно осознавая свои экономические и политические интересы и преимущества взимаемых с них сравнительно низких налогов, оставались верными английской короне. Хотя Бордо был захвачен французами в 1451 г., проанглийское восстание послужило поводом для высадки в герцогстве освободительного корпуса под командованием опытного воина Джона Тальбота, графа Шрусбери (см. рис. 47). Однако после его поражения и гибели в битве при Кастийоне (находившемся на До-рдони в тридцати милях вверх по течению от Бордо) 17 июля 1453 г. трехвековой связи Гиени с английской

124

коронай был положен конец. Гиень, как показало время, была безвозвратно утрачена. От владений Плантагенетов во Франции остались только Кале и Нормандские острова.

Достижения Карла VII были колоссальны, но при этом неравномерны. Ему не удалось развить наступление в 1429-1430 гг., и он не смог ничего извлечь из своей великой дипломатической победы 1435 г. Однако перемирие 1444 г. позволило ему осуществить масштабную реорганизацию финансовой и военной сферы, подобную той, которую провел его дед в годы после мира Бретини.

Отвоевание Нормандии и подчинение Гиени были осуществлены благодаря усовершенствованию механизма налогообложения, заслугам крупного купца и финансиста Жака Кера и созданию постоянной армии (см. ниже стр. 188-189). Они также стали возможны благодаря все возрастающей несостоятельности ланкастерской монархии, равно как и усилению политических междоусобиц в Англии: оба эти обстоятельства позволили Карлу усовершенствовать и скоординировать военную политику. За поражением Тальбота при Кастийоне последовали первые месяцы безумия Генриха VI, а 13 октября Маргарита Анжуйская произвела на свет сына Эдуарда. Эти три события в их совокупности положили конец миру в Англии. Слабость правительства уже привела к нарушению закона и порядка в провинциях Англии, и в последующие годы локальные войны между магнатами и борьба за центральную власть активизировались в связи с утратой английских владений во Франции и завершились гражданской войной.

ГЛАВА III

АРМИИ

С самого начала конфликта и английская, и французская армии состояли из наемных отрядов, служивших под командованием профессиональных военачальников и мало напоминали феодальное ополчение минувших времен. Отличия между военными системами двух стран были обусловлены отчасти тем, что они служили различным целям, отчасти тем, что они создавались на фоне различных социальных и административных условий; и зачастую эти отличия существовали скорее на бумаге, чем в реальности. Немалое значение имел и тот фактор, что в течение всей войны боевые действия велись на континенте, в основном, во Франции, а не на территории Англии. Как следствие, в XIV веке основные усилия англичан в военной сфере были направлены на создание экспедиционных войск на небольшой срок для осуществления набегов с целью грабежа и опустошения, вошедших в историю под названием «chevauches», тогда как монархия Валуа была поставлена перед острой необходимостью обеспечить национальную оборону, организовать сопротивление иноземному вторжению, и укрепить военные рубежи на территории

королев-

ства. Хотя англичанам приходилось делать то же самое в своих владениях во Франции, характер их военной деятельности изменился только в 1380-х гг., и в особенности, после оккупации Нормандии в XV веке. По этой причине очень важно проводить различие, во-первых, между полевыми и гарнизонными войсками, и во-вторых, между армиями, находившимися под командованием короля, и армиями, командование которыми препоручалось другим военачальникам. В английском лагере первое различие в определенной степени соответствовало различию между экспедиционными и оккупационными силами, в той степени, в какой этот термин уместен по отношению к войскам, служившим в XIV веке в Гиени и в XV веке в Нормандии. В обоих королевствах феодальный воинский контингент, набиравшийся из представителей знати, по традиции составлявших конницу и обязанных по получении вызова от короля нести сорокадневную службу в его войске, никак не мог удовлетворить потребностей монарха. Как численность, так срок и форма службы собранного таким путем войска не соответствовали требованиям эпохи, поэтому на протяжении XIII века бесплатная служба постепенно уступила место оплачиваемой. По-видимому, во Франции первым королем, платившим феодальному воинству, был Филипп Август, в Англии — Ричард I, и их преемники продолжили начатое ими. При жизни двух поколений, сменившихся до начала войны в 1337 г., принцип оплаты военной службы получил широкое распространение и был повсеместно признан. Эдуард I, как видно, первым из английских королей стал систематически выплачивать жалование всем категориям военнослужащих, за исключением самых высоких чинов, и во Франции ко времени правления Филиппа VI ставки оплаты существовали уже достаточно давно для того, чтобы стать привычными.

127

Рис. 48. Военный контракт, заключенный между Эдуардом III и графом Уориком; Вестминстер, 24 февраля 1372 г.

В английской армии гарантией оплаты служили договоры, заключавшиеся как в устной, так и в письменной форме, по меньшей мере, со времен Эдуарда I, и в течение первых лет войны практика составления официальных контрактов, в которых король выступал в качестве одной из сторон, стала обычной при формировании крупных экспедиционных сил, отправляемых во Францию под командованием получавших широкие полномочия военачальников. Военные контракты представляли собой частную форму договора, посредством которого капитан заключал соглашение

с королем или другим военачальником об условиях несения строго определенной военной службы и ее оплаты. В договоре указывались состав и численность войска, которое должно было быть набрано, оговаривалось проведение смотра войск перед началом кампании и после ее завершения, точно определялись сроки и место несения службы и устанавливался размер оплаты. Обычно в договор включалось положение о ежеквартальной авансовой выплате жалования, с оговоркой, что бойцы могут прервать службу, если выплата жалования будет задержана более чем на квартал. Особые выплаты, известные как «regards», часто производились для того, чтобы поощрить капитана принять командование; эта сумма оставалась у него для возмещения расходов по найму и подготовке войск в том случае, если кампания не состоялась. Транспортные расходы по переправке людей и лошадей во Францию брал на себя король, он также выплачивал компенсацию за лошадей, убитых во время боевых действий. Не была оставлена без внимания и судьба пленников, распределение выкупов и добычи, а также охраны имущества капитана в Англии: с этой целью назначались поверенные, действовавшие от имени капитана в то время, пока он находился за пределами страны. Военные преимущества такой системы воинского набора стали заметны очень скоро. Контракты почти всегда были краткосрочными. Они ставили даже самых крупных магнатов в непосредственную зависимость от короля или назначенного им представителя и вместе с тем защищали капитанов от серьезных убытков и давали им возможность получить прибыль. Благодаря этим договорам, на смену неуправляемому «индивидуализму» феодального воинства пришли дисциплина и столь необходимая субординация войсковых частей и стало возможным назначение на роль командующих тех, кто обладал личными талантами и

заслугами, а не просто являлся феодальным землевладельцем.

Во Франции почти те же цели были достигнуты благодаря заключавшимся между королем и его военачальниками наемным грамотам (*letters de retenue*), которые хотя и отличались по форме от английских военных контрактов, принесли почти те же самые результаты: они гарантировали королю службу определенного числа людей определенного ранга в течение определенного периода времени в определенном месте, а капитану — жалованье оговоренного размера для его людей и для него самого. Отчеты военных казначеев свидетельствуют о широком распространении авансовых выплат военным и компенсаций за лошадей, убитых во время боевых действий. Как мы увидим в дальнейшем, частое невыполнение королевским правительством своих обязательств было характерно не только для Франции. Французские наемные грамоты так же мало служили абсолютной гарантией, как и английские контракты, и наоборот. Английский военачальник набирал войско, снарядить которое он обязался по договору с королем, посредством заключения субдоговоров с другими лицами, французский военачальник заключал наемные грамоты с капитанами, чтобы набрать на службу войско условленной численности. В обеих странах короли часто заключали некоторые субдоговоры за своих главных военачальников, и если в Англии ядро капитанских сил составляли постоянные наемные воины короля, во Франции среди них преобладали его союзники. По заключении договора копия контракта или наемной грамоты отсылалась соответствующим финансовым чиновникам — представителям казначейства Англии или военного казначейства Франции — уполномочивая их выплатить указанную в договоре сумму после того, как будет проведен смотр войск.

Если король лично командовал своими войсками, заключаемые соглашения были несколько иными, так

как армии подобного рода, как правило, были гораздо более многочисленными, и система вербовки усложнялась. Для того, чтобы привлечь на службу большее число людей, король мог воспользоваться различными средствами. Он мог пожаловать денежные фьефы — ежегодный пенсион или ренту в виде фьефов, за которые должен быть принесен оммаж — иностранным князьям или менее могущественным особам, как поступил Эдуард III в Гаскони и в Нидерландах на первом этапе войны, или он мог призвать на военную службу своих крупных вассалов с их дружинами (во Франции — *ban de l'ost*). В Англии феодальное ополчение в последний раз созывалось в 1327 г., и после этого только один раз в 1385 г. для мобилизации армии король разослал вызовы феодалам; однако во Франции этот механизм сохранил свое значение как средство набора войска в периоды надвигающейся опасности и при ведении масштабных военных действий. Помимо феодального контингента воинскую повинность должны были нести все годные к военной службе мужчины в возрасте от 18 до 60 лет (во Франции — *arrière-ban*): однако

подобная мобилизация была практически неосуществима, и в Англии использовался принцип выборочного набора, а во Франции, где созыв ополчения формально сохранялся, военная служба, как правило, заменялась иной повинностью.

В Англии наиболее распространенным способом отбора рекрутов был тот, который практиковался военными комиссиями; члены комиссий, назначаемые правительством, производили осмотр всех годных к службе мужчин в каждой сотне (hundred), поселении (township) и округе (liberty) шира, отбирая лучших бойцов для несения службы за королевское жалование. Комиссарами обычно были представители рыцарского сословия, иногда приближенные короля, иногда нерядовые подчиненные военачальников, возглавлявших экспедиции, которые искали рекрутов для пополнения своих отрядов. Они были опытными штатными слу-

131

жащими, которые хорошо знали свое дело и на выбор которых можно было положиться. Их задачу облегчали прокламации, издававшиеся перед началом каждой кампании и сулившие всем разнообразные блага за вступление на военную службу. Прощение уголовных преступлений, обещание солидного денежного вознаграждения и ряда других преимуществ привлекали многих вступить на военную стезю. Формально такого рода войска набирались на основании воинской повинности, и призыв новобранцев мог быть принудительным, если речь шла о несении службы в Шотландии, однако не было недостатка в волонтерах для проведения кампаний во Франции, связанных с бесконечно более заманчивой перспективой материального вознаграждения. Подавляющее большинство французов были освобождены от службы в ополчении (argiere-ban) в обмен на уплату налога, и по мере развития в течение данного периода системы королевских налогов выражение «argiere-ban» стало приобретать иное значение. Если до середины XIV века оно означало, по крайней мере формально, всенародное ополчение, то к XV веку, по-видимому, только сбор «главных вассалов, подвассалов и других представителей знати, владеющих оружием». Помимо этих прав король мог потребовать от городов поставить и снарядить определенное число людей или повозок, однако и эта повинность все больше заменялась выплатой определенных сумм, размер которых устанавливался в ходе переговоров с королем, или взиманием ежегодного налога.

Собранное таким образом войско французов подразделялось на боевые отряды (batailles) и знамена* (bannieres), руты** (routes) или компании (compagni-

Отряд под командованием знатного рыцаря (баннерета), который имел право вести своих людей в бой под собственным знаменем (banniere). (Прим. ред.)

Вероятно, от лат. gumpere — разрушать. (Прим. ред.)

132

es), которые являлись как военными, так и административными единицами. Английская и французская армии XIV века обычно подразделялись на три боевых отряда (bataille), предназначенных для того, чтобы поочередно вести бой с противником, а не одновременно, как стали сражаться в XVI веке. Иногда на флангах помещали конницу, иногда лучников или арбалетчиков, вследствие чего тактика боя становилась более сложной и в то же время более маневренной. У французов такие боевые отряды (bataille) являлись не просто временными соединениями, создававшимися для решения сиюминутных задач в ходе предстоящего сражения, но воинскими частями, существовавшими с самого начала данной кампании и находившимися под командованием короля, коннетабля и маршалов, принца крови или другого владетельного князя. Иногда войска, прибывшие к пункту сбора, уже представляли собой отряды, связанные землячеством или феодальными узами, причем большинство воинов были вассалами или подвассалами предводителя отряда. Но если они прибывали группами меньшей численности, коннетабль и маршалы приписывали их к одному или нескольким боевым отрядам с более разнородным составом. Однако разделение войска на боевые отряды в начале кампании не обязательно соответствовало его делению на боевые отряды во время сражения с противником — для этого первые были слишком многочисленны. «Построение боевых отрядов» перед сражением, за которое отвечали коннетабль с маршалами и часто описываемое хронистами, включало не только назначение соединений в авангард и арьергард, решение о том, в конном или в пешем строю должен сражаться каждый отряд и закрепление за ним определенного участка поля боя, но также их перегруппировку на более подходящие и пропорциональные подразделения.

133

В каждом боевом отряде (bataille) бойцы группировались вокруг баннеров (стягов) и пеннонов* (вымпел), число которых могло быть различным в зависимости от численности войска и посредством которых обозначались соединения, находившиеся под командованием рыцарей-

баннеретов или рыцарей-ба-шелье**. Баннерет избирался из числа рыцарей на основании его воинских заслуг и способности нести расходы, связанные со сменой рыцарского пеннона на прямоугольное знамя-баннер. Короче говоря, он должен был командовать достаточно большим числом тяжеловооруженных воинов либо за счет своего богатства, либо благодаря своей славе. Во Франции в начале войны люди, служившие под командой баннерета, иногда были выходцами из той же местности, что и он сам, и могли быть его вассалами или подвассалами, однако это далеко не было общим правилом. Уже в первые годы войны тяжеловооруженные воины нередко покидали своего баннерета и переходили к другому (что было официально запрещено в 1351 г.), и если в письменных источниках того времени войска, служащие с баннеретом, иногда еще называются его *hommes* (синоним слова «вассалы»), то все чаще о них говорится как о его *gens* или *companions* (соратники).

Итак, в отношении двух ключевых пунктов развития воинской повинности в Англии и во Франции уже к началу Столетней войны протекало в разном направлении. После 1327 г. английский король только один раз прибег к вызову на военную службу своих вассалов, и, в отличие от французского короля, он давно отказался от права сбора всеобщего ополчения в пользу выборочной вербовки, подобной той, которая

Пеннон — выпел на копье простого рыцаря. (Прим. ред.) ** Башелье — небогатый рыцарь, прибывавший на службу либо в одиночку, либо с незначительным сопровождением. (Прим. ред.)

134

проводилась военными комиссиями. В XIV веке различия между военной службой в двух странах стали еще более заметными.

Во Франции подданных время от времени оповещали о проведении королевских реформ посредством королевских ордонансов, из которых наиболее важные были изданы Иоанном II в 1351 и 1363 гг., Карлом V в 1373 и 1374 гг. и Карлом VII в 1439, 1445 и 1448 гг. До 1351 г. не все тяжеловооруженные воины распределялись по отрядам, возглавляемым баннеретом, в частности, в боевых отрядах маршалов, значительную долю которых составляли независимые войска. Одна из основных целей ордонанса 1351 г. заключалась именно в том, чтобы свести эти рассеянные силы в более боеспособные воинские соединения и увеличить численность войска за счет повышения жалования. В будущем тяжеловооруженные воины должны были распределяться по рутам, баннерам или компаниям (эти взаимозаменяемые термины использовались для обозначения одних и тех же соединений) численностью от двадцати пяти до восьмидесяти бойцов, командующими над ними назначались сеньор (*seigneur*), капитан (*chevetainnes*) или баннерет. Прибывавшие к пункту сбора войска в составе менее двадцати пяти человек должны были получить от коннетабля, — маршалов, начальника арбалетчиков или другого командующего — начальника (*maistre*) или капитана, которым мог быть простой рыцарь, имеющий выпел со своим гербом. Как видно, реформа была отчасти успешной, поскольку в течение последующих пяти лет размер вербуемых отрядов, по-видимому, увеличился. Более того, хотя со временем жалование уменьшилось до предыдущего размера, капитан каждого отряда (*hostel*) или компании должен был получать за каждый двадцать пять тяжеловооруженных воинов, в дополнение к своему жалованию, денежное вознаграждение в размере 100 турецких ливров в месяц на свою свиту. Это было важное нововведение: в

135

1340 г. такие выплаты назначались только крупным землевладельцам, возглавлявшим боевые отряды, и капитанам королевских гарнизонов, «*establies*».

Ордонансы 1363 и 1373 гг., в которых предприняты первые шаги по созданию постоянной армии, и ордонансы 1445 и 1448 гг., после которых ее формирование было завершено, будут рассмотрены далее (см. ниже стр. 186-190). Ордонанс 1374 г. увеличивал численность отрядов до ста человек и оговаривал передачу их в ведение высших военных чинов (наместников или других военачальников), от которых — либо от короля — они должны были получить патент. И хотя цифры сто строго не придерживались, тем не менее в дальнейшем принимались на службу отряды, состоявшие из определенного числа тяжеловооруженных воинов: 20, 30, 50, 100, 200 и иногда более. Кроме того, капитаны не всегда были рыцарями-баннеретами или рыцарями-башельерами, они могли быть оруженосцами, и известны случаи, когда оруженосцы командовали отрядами, в которых служили рыцари. Но при том, что эти нововведения в военной организации по Франции привели к существенным изменениям в командовании войсками, они почти не отразились на социальном составе армии. Ведь несмотря на то, что система вербовки стала иной, бойцов по-прежнему набирали во все той же социальной среде. Как и в английских армиях этого периода, на

службу в новые военные и политические структуры неизменно поступали те же самые люди. Войско состояло либо из тяжеловооруженных воинов, либо из легкой пехоты. К первой категории относились всадники в полном вооружении, они могли быть рыцарями-баннеретами, рыцарями-башелье или оруженосцами. Ко второй категории принадлежали, в основном, лучники, арбалетчики и сержанты, хотя в ее состав могли входить и другие войска: легкая конница, копейщики. В английских войсках, однако, пешие лучники очень скоро (хотя и не полностью)

136

были заменены конными лучниками, которые играли особенно важную роль в походах (chevauchees) XIV века, когда они внесли существенный вклад в победы Эдуарда III и его наместников. С самого начала характерной чертой большинства отрядов было наличие в их рядах равного числа тяжеловооруженных воинов и конных лучников, объединенных под командованием заключавшего контракты капитана экспедиционных войск. Во Франции же лучники (которые в большинстве случаев были пешими) и арбалетчики (которые всегда сражались в пешем строю) составляли отдельные отряды и наряду со всей остальной пехотой в конечном счете подчинялись командиру арбалетчиков. Кроме того, на протяжении всего XIV века арбалетчики — среди которых самыми лучшими были геновские наемники — оставались передовой частью пехоты, тогда как в английских армиях их почти вовсе не нанимали на службу.

Во второй половине XIV и в первые годы XV века защитное снаряжение стремительно усовершенствуется. В начале войны тяжеловооруженный воин обычно носил кольчугу (защитную рубаху из железных или стальных мелких колец, склепанных или спаянных друг с другом) (см. рис. 49) и поддоспешник: куртку (jaque), гамбизон (gambeson) или поддоспешную котту (стеганую рубаху из нескольких слоев ткани или

Рис. 49. Кольчуга

137

Рис. 50. Шлем Черного принца, Кентерберийский собор

Рис. 52. Доспехи Черного принца, Кентерберийский собор

Рис. 51. Бацинет из Северной Италии, ок. 1380 г.

кожи, нередко подбитую хлопком или шелком). На голове у него был большой цилиндрический шлем обычно увенчанный гребнем, хотя постепенно на поле битвы он стал уступать место более удобному бацинету, или полированному шлему, с подвижным забралом (см. рис. 50, 51). Руки, плечи и ноги тяжеловооруженного воина были защищены металлическими пластинами, кисти — латными рукавицами (см. рис. 52,

138

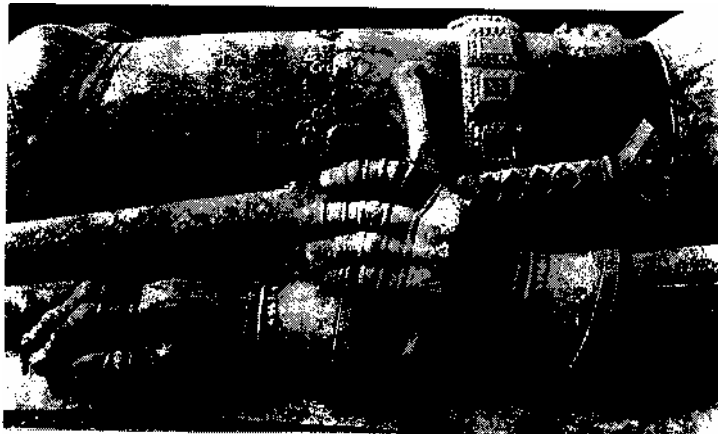

Рис. 53. Латные рукавицы и меч; фрагмент надгробия рыцаря и его супруги, 1391 г. Элфорд, Стаффордшир

53). Примерно до 1350 г. он также носил длинное верхнее одеяние, называвшееся *cuclas*, и перевязь для меча. Вскоре стали широко использовать металлические пластины различной толщины и площади, носившиеся поверх кольчуги. Они удерживались на месте плотно прилегающим верхним платьем или жю-поном (*jupon*), сшитым из однослойной или многослойной материи и подпоясанным «*baldric*», или горизонтальной перевязью, на уровне бедер. Развитие более тяжелой формы до-спеха подобного типа при-

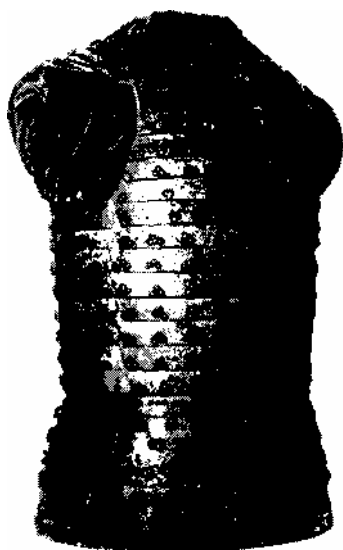

Рис. 54. Бригантина
139

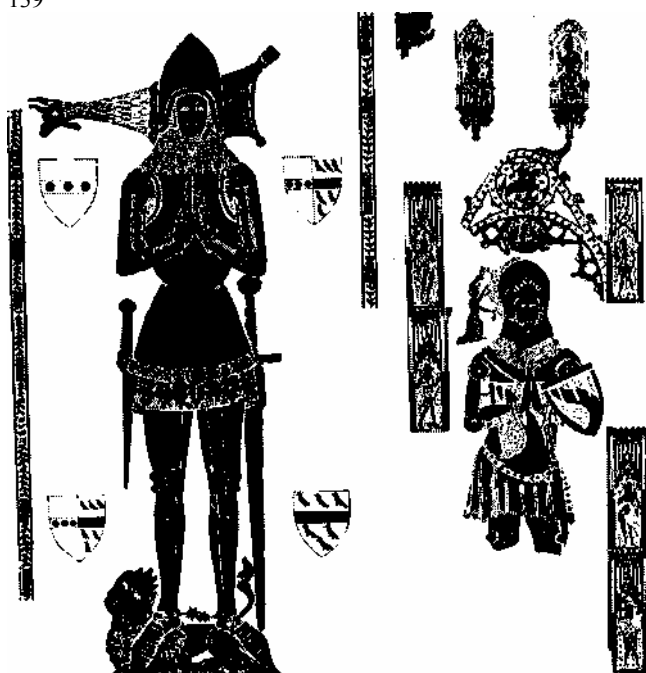

Рис. 55. Сэр Николай
Дагворт; с латунного
изображения (1401 г.)
в Блинклинге, Норфолк.
Обратите внимание на
горизонтальную перевязь,
опоясывающую его бедра
Рис. 56. Сэр Хьюг Гастингс;
с латунного изображения
(1347 г.) в Элсинге, Норфолк.
Обратите внимание на
поперечную перевязь

вело (между 1345 и 1375 гг.) к отказу от щита, необходимость в котором постепенно отпала. К началу XV века подобные пластины имели достаточно большие размеры, чтобы закрывать туловище воина со стороны груди и со стороны спины двумя листами, скрепленными ремнями, и с этого времени становится принято ничего не надевать поверх них. Этот плас-

тинчатый доспех отличался от бригантины, состоявшей из пластинок различной формы, иногда накладывавшихся одна на другую, подобно рыбной чешуе, и по необходимости крепившихся к ткани. К 1450 г. воины были надежно защищены во время битвы пластинчатыми латами и кольчугой. Развитие защитного доспеха достигло наивысшей точки. Самые передовые центры производства находились в Германии и Италии: в Нюрнберге, Аугсбурге, Инсбруке, Брешии и, прежде всего, в Милане (см. рис. 51). Именно оттуда во Францию и Англию ввозились большинство доспехов. К 1427 г. Милан стал настолько крупным центром производства, что мог за несколько дней обеспечить доспехами 4000 всадников и 2000 пехотинцев. Не позднее 1398 г. граф Дерби уже ввозил миланские доспехи, и Ричард Бошан, граф Уорик (ум. 1439 г.), побывавший в Италии, несомненно именно там приобрел свой доспех (см. рис. 58, 59).

Рис. 57. Бацинет с забралом

*Рис. 58.
Изображение
Ричарда Бошана,
графа Уорика (ум.
1439 г.), часовня
Св. Марии, Уорик*

Рис. 59. Деталь надгробия Ричарда Бошана, графа Уорика (ум. 1439 г.), часовня Св. Марии. Уорик

Крупных дестриеров (destriers) и других боевых коней, лучшие из которых могли стоить более 100 ливров, также облекали в доспехи, называвшиеся «bards». Обычно металлические пластины покрывали только голову коня, а круп и бока защищала кольчуга или вываренная шкура (см. рис. 60). Однако приблизительно с 1400 г. конский доспех начал постепенно выходить из употребления, отчасти потому, что рыцари все чаще спешили на время боя, и возможно, чтобы достичь большей легкости в ходе кавалерийской

142

Рис. 60. Доспехи всадника и лошади из «ордонансных рот» Карла VII. Доспехи всадника выкованы в Милане

атаки. С другой стороны, вес доспехов тяжеловооруженного воина все более увеличивался и к

1450 г. практически удвоился. Хотя кольчуга весила не более 33 фунтов, а оружие около 11 фунтов, вес полного пластинчатого доспеха был около 55 фунтов и вес бацинета с забралом — около 11 фунтов. Хоть это

143

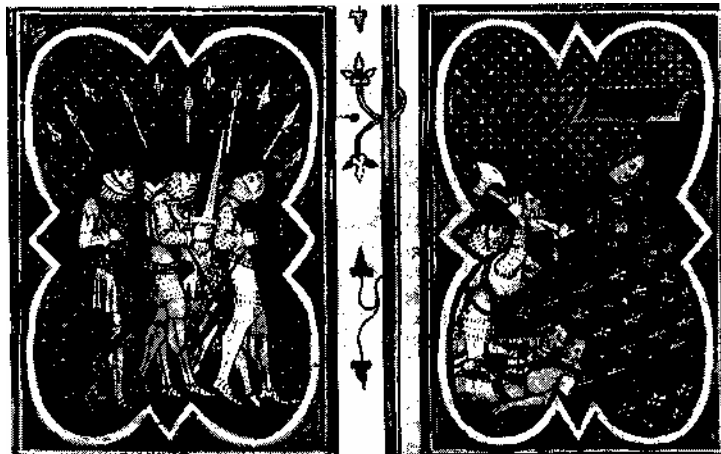

Рис. 61. Солдаты на службе у города Парижа (из большие хроник)

и не мешало рыцарю садиться на коня и спешиваться без посторонней помощи, в условиях пешего боя он был неповоротлив.

Снаряжение пешего воина (см. рис. 61) было гораздо более легким. Его бригантина должна была весить около 22 фунтов, а салат или шлем от 5 до 8 фунтов, что вместе с 17 фунтами веса одежды и оружия в целом составляло не более 45 фунтов. Однако во время англо-французских войн XIV и XV столетий пехота не отличалась особенной мобильностью, поскольку ее тактика заключалась по преимуществу в том, чтобы вести стрельбу из луков или арбалетов под защитой постоянного укрытия, преграждавшего путь конной атаке:

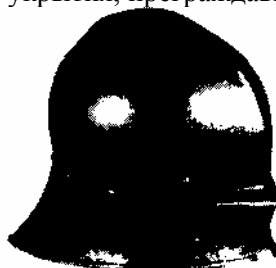

Рис. 62. Шлем (XV в.)

144

Рис. 63. Изображение тяжеловооруженного воина, ок. 1380, Линкольнский собор

эту функцию могла выполнять изгородь, стволы деревьев, повозки, вбитые в землю колья, а также большие, в человеческий рост, щиты, которые назывались павуа или тарчи. Кроме того, передвижение пехоты затруднялось многочисленным оружием, поскольку помимо лука или арбалета, пехотинцы носили меч или кинжал-дагу, а иногда топор или алебарду. Кроме того, их не обучали технике совместного маневра. Тяжеловооруженный воин всегда был всадни-

145
ком (см. рис. 63), но иногда спешивался на время боя. Самым важным его оружием было копье длиной десять или двенадцать футов, сделанное из дерева и снабженное металлическим наконечником типа пики или совны. Он также носил меч, кинжал (часто «кинжал милосердия, предназначенный для нанесения скользящего удара между пластинами доспеха или в прорезь забрала), и нередко пертач или топор. Пешие воины, в особенности фламандцы, иногда были вооружены пикой, длиной около шести футов, завершавшейся крупным тяжелым наконечником, которым они поражали противника. Однако излюбленным оружием средневекового пехотинца были лук и арбалет.

Уэльский длинный лук был также привычным оружием английских конных лучников, впервые проявивших себя в шотландских кампаниях 1334-1335 гг. Преимущество конного лучника заключалось в его способности быстро передвигаться и спешиваться для стрельбы. Безусловно, он не мог стрелять с седла, поскольку для того, чтобы натянуть лук, нужно было иметь твердую опору. За годы тренировок на деревенских и городских стрельбищах приобретал умение и навыки сбережения энергии и правильного использования веса и силы: он стрелял, стоя боком к противнику, и потому — в отличие от арбалетчика — прицеливание и натягивание лука было для него практически одним действием, в процессе

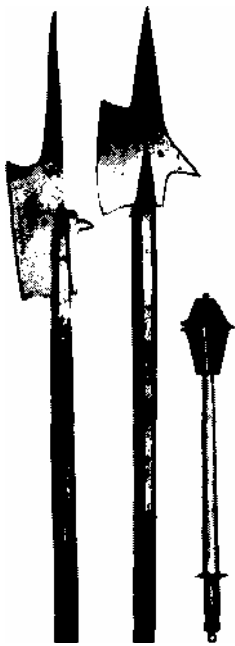

Рис. 64. Слева:
две алебарды; справа: пернач
146

которого глаз и рука одновременно выполняли свою работу. Было подсчитано, что хороший лучник мог выпустить от десяти до двенадцати стрел в минуту против двух, выпущенных арбалетчиком; и именно этот стремительный град стрел, свистевших вокруг наступающих противников или, как при Креси, приводивших в бешенство их коней, делал лук таким смертоносным оружием. К середине XIV века длинные шестифутовые луки из тиса, клена или дуба были способны пробить кольчугу; дальность полета стрелы равнялась приблизительно 275 ярдам, однако на расстоянии свыше 165 ярдов лук уже был гораздо менее эффективен. Существовали и другие ограничения эффективности лука. Он был, по существу, оборонительным оружием, используемым против атакующей конницы противника, и, кроме того, успешные действия лучников немало зависели от условий местности. Если противник отказывался от наступления или в бою лучников помещали на неудачно выбранную боевую позицию, они оказывались почти бессильны.

Хотя французы тоже пользовались луками, они отдавали предпочтение арбалетам — итальянским или прочим — которые казались им более эффективными и в действительности обладали дальностью стрельбы большей, чем дальность стрельбы из лука, на 75-100 ярдов. У арбалетов были более короткие и более тяжелые стрелы, обычно называвшиеся болтами (gar-rots или carreaux), dondenes или semidindenes и vire-tons — некоторые из них использовались для поджога. Однако арбалет был тяжелым оружием — он весил от 15 до 18 фунтов — и для того, чтобы его перезарядить, требовались время и значительное усилие. Арбалетчик должен был подцепить тетиву крючком, прикрепленным к его перевязи, а лук прижать к земле, вставив ногу в стремя на ложе арбалета. Затем стрелу можно было закрепить на зубце, который удерживал ее до момента выстрела. Применялись и другие

147

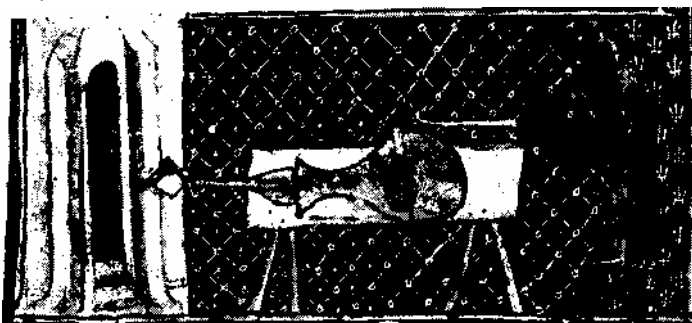

Рис. 65. Самое раннее из известных нам изображений пушки; Миллеметтская рукопись
способы зарядки арбалета: при помощи рычагов, винтов, блоков и «козьей ноги». В отличие от лука, из которого мог стрелять любой человек, обладающий достаточно крепким телосложением и

метким глазом и готовый проводить время в постоянных упражнениях, арбалет был оружием, которым мог пользоваться только профессионал. С городских стен вели огонь более тяжелые орудия: «espringales», метавшие тяжелые свинцовые ядра, и пушки.

Артиллерия в современном смысле слова известна в Западной Европе с начала XIV века, и хотя она сразу не вытеснила луки и арбалеты, старые военные орудия, не претерпевшие изменений со времен античности, с неизбежностью стали уходить в прошлое. С этого времени артиллерия начинает играть важную роль сначала при обороне, а затем при штурме военных укреплений и в морских сражениях, поскольку каждый корабль являлся практически плавающим замком.

Огнестрельные орудия были использованы в сражении при Слейсе и при обороне Кеснуа и Турне в 1340 г.; Эдуард III использовал их для защиты подступов к Кале во время осады 1346 г. Эти первые орудия, по-видимому, имели достаточно небольшие

148

размеры и стреляли арбалетными стрелами, как то, которое изображено на иллюстрации в Миллеметтском манускрипте (см. рис. 65), или небольшими свинцовыми ядрами. Эффект от их выстрелов был, прежде всего, психологическим, однако в течение десятилетия, последовавшего за заключением договора в Бретиньи, и в особенности, после возобновления войны в 1370-х и 1380-х гг. был совершен новый прорыв в производстве и применении пушек. До 1370 г. почти все пушки изготавливались из закаленной меди или латуни (сиргум) и весили от 20 до 40 фунтов. После этой даты некоторые из них изготавливались из тяжелого желтого сплава, очень похожего на латунь (latten), однако с наступлением нового века стали все чаще появляться железные пушки, которые с течением времени постепенно достигали все больших размеров. При осаде Сен-Совер-ле-Виконта в 1375 г. французы имели на вооружении орудия, способные стрелять 100-фунтовыми каменными ядрами «для того, чтобы с их помощью более усердно и непрерывно вести огонь и нанести урон указанному участку Сен-Совера», и, по меньшей мере, одна из этих пушек весила более тонны. Англичане, по-видимому, не располагали такими тяжелыми орудиями, хотя они и отлили несколько пушек весом в шесть и семь английских центнеров. При обороне Шербура в 1379 г. капитан Джон Арундел располагал десятью пушками, при этом «семь из десяти упомянутых орудий стреляли большими камнями с окружностью 24 дюйма, а остальные три стреляли большими камнями с окружностью 15 дюймов», однако средний вес английского тяжелого орудия в 1380-х и 1390-х гг. составлял 380 фунтов. Наличие в стратегически важных крепостях пушек, подобных этим, наряду с состоянием финансов и отказом французов вступать в бой, по-видимому, и побудило англичан изменить военную стратегию после

149

Рис. 66.

1380 г., когда завершился последний крупный поход (chevauchee) уходящего века.

Около 1400 г. число разновидностей пушек стало достаточно большим, чтобы они могли подразделяться на различные категории в зависимости от своей толщины и длины. Самые крупные из них стреляли каменными ядрами, самые малые — свинцовыми шариками. В порядке уменьшения размера они назывались бомбардами (которые нередко весили более 10000 фунтов), пищальями (veug-laires или fowlers («птицеловами»)), которые имели длину до восьми футов и весили от 300 до 10000

фунтов), КрЭПОДО или КраПОДИНЗМИ

(scrapaudaux или scrapaudins, которые были от четырех до восьми футов длиной), серпентинами и кулевринами. По-видимому, англичане к этому времени еще не имели бомбард, однако две из них, использовавшиеся при осаде Мон-Сен-Мишеля в 1423 г. сохранились до наших дней. Одна из этих бомбард весит 5,5 тонн, имеет 19-дюймовый калибр: она могла стрелять 300-фунтовыми каменными ядрами. Монс Мэг («Монская бабища», которая, по-видимому, была изготовлена в Монсе около 1460 г, на фут длиннее, но имеет такой же вес и мощность (см. рис. 67). Помимо этого в XIV веке производилось множество других разновидностей орудий: мортиры, многоствольные орудия или рибодекены, а также различные виды легкого огнестрельного оружия. Возможно самым удивительным приспособлением, придуманным англичанами в 1380-х гг., был ри-бодекен, созданный лондонским литейщиком Виль-

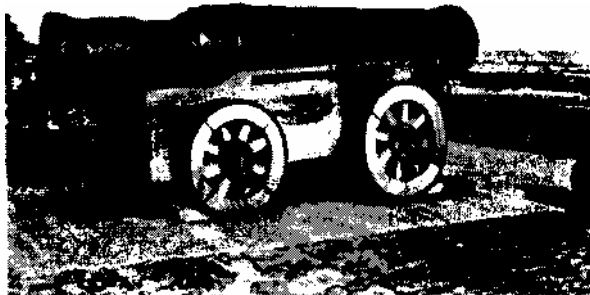

Рис. 67. Монс Мэг, бомбарда, сделанная около 1460 г. Эдинбургский замок

ямом Вудвордом: орудие весило семь английских центнеров и имело одиннадцать стволов, один из которых предназначался для стрельбы каменными ядрами, а десять других, расположенных вокруг основного, должны были стрелять арбалетными стрелами и свинцовыми шариками. Крупные орудия, такие как бомбарды и пищали, несомненно играли важную роль при осаде тех мест, куда их можно было доставить морским или речным путем, в тех случаях, когда осаждавшим не нужно было слишком торопиться. Их использование принесло хорошие результаты при осаде Арфлера в 1415 г., и в дальнейшем они применялись еще неоднократно: в частности, французом Жаном Бюро при Мо в 1439 г., при Понтуазе в 1441 г. и при Кане в 1450 г. Однако только во второй половине XV века артиллерия начинает играть важную роль и на поле битвы. Перевозка пушки к назначенному месту на четырехколесной повозке и ее последующая сборка были нелегкой работой, отнимавшей много времени. Ключевой прорыв в этом направлении произошел только в 1470-х гг., когда появились более совершенные лафеты с цапфами, позволявшими быстро поднимать ствол орудия.

151

Рис. 68. Войска, штурмующие стены города при помощи лестниц (из рукописи конца XIV в.)

В последние годы XV века французская королевская артиллерия была самой мощной в западной Европе, что подтвердилось при вторжении в Италию в 1494 г. Хотя пушки под командованием Бюро и решили исход сражения при Кастийоне в 1435 г., успех в большей степени был обусловлен боевым расположением французов — наличием укрепленных артиллерийских позиций — чем использованием более совершенных огнестрельных орудий. В этой ситуации командующий англо-гасконскими войсками, искушенный в битвах восьмидесятилетний Тальбот, действовал храбро, но слишком поспешно и руководствовался неверными данными разведки. Он, как обычно, приказал своим войскам спешиться и направил их на штурм французских позиций. Однако боевой

порядок французов в этом случае существенно отличался от известного Тальботу с тех лет, когда он начинал свою военную карьеру, и тактика англичан больше не имела преимуществ.

Доблестный граф был сбит с ног выстрелом из кулеврины и погиб либо под ударом топора, либо под градом стрел французских лучников. Сражение при Кастийоне ознаменовало новый поворот в развитии военного искусства, ставший еще более заметным с техническими достижениями 1470-х и 1480-х гг. В этом смысле последняя битва Столетней войны была первым сражением, в котором важная роль принадлежала артиллерии.

152

Достижения в производстве и использовании пушек в свою очередь привели к революции в строительстве фортификационных сооружений. В XIV веке самые современные крепости имели высокие стены, завершавшиеся одно- или иногда двухрядными галереями с навесными бойницами, откуда могли стрелять лучники или арбалетчики, защищенные бойницами в виде зубцов стены, крестовидными амбразурами или и теми, и другими одновременно. Башни, более высокие, чем стены, но связанные с ними, располагались на таком расстоянии, чтобы можно было с двух сторон обстреливать войско атакующих, вооруженное таранами и лестницами. Высота стен служила тому, чтобы сделать невозможным их штурм с помощью лестниц и позволяла сбрасывать метательные снаряды из навесных бойниц на головы осаждающих. В тех случаях, когда галерея имела второй ряд, он также служил прикрытием для первого и мог использоваться для того, чтобы удерживать атакующих на расстоянии. Все эти черты присутствовали в Пьерфонском замке, построенном Людовиком Орлеанским после 1390 г. наряду с целой группой крепостей, в числе которых Вез, Ла-Ферте-Милон, Монтепилау и Крепи, для защиты своего апанажа; многие из них в наши дни можно увидеть в Фужере, находящемся на границе Нормандии и Бретани, большая часть построек которого относится к тому же времени (см. рис. 69). Такого рода оборонительные сооружения прекрасно соответствовали традиционным формам штурма, поскольку основная функция осадных машин заключалась в том, чтобы метать через крепостные стены зажигательные материалы, и, подобно первым мортирам, они не обладали достаточной точностью, чтобы наносить повторяющиеся удары по одному и тому же месту. Однако огнестрельные орудия позволили на-

Рис. 69. Фужерский замок, Бретань

154

Рис. 70. Замок Бодаем (1386 г.), Суссекс

носить мощные удары с дальнего расстояния, и на протяжении XV века становились все более точными. В Пьерфоне не было предусмотрено место для размещения пушек, однако уже в конце XIV века прибрежные и пограничные крепости начинают приспособлять под использование артиллерии. Поначалу изменения были незначительными, поскольку огнестрельные орудия использовались для обороны от атакующих войск, а не как дальнбойное средство против

противника. Поэтому пушечные башни возводились по образцу старых круглых или пятиугольных башен, но имели большую толщину и снабжались бойницами для пищалей и небольших пушек. В конце 1370-х и 1380-х гг., когда Англии угрожало нападение, фортификационные сооружения, возведенные для защиты южного побережья Англии, были оборудованы пушеч-

155

ными бойницами размером от шести до двенадцати дюймов: таковы были крепости в Кулинге, Кентербери, Бодиеме (см. рис. 70), Солтвуде, Карисбруке, Винчестере и, возможно, также в Куинсбери, Дувре, Пор-честере, Саутгемптоне и Корфе. Как и прибрежные крепости в Кале, Шербуре и Бресте на территории Франции и Роксборо и Берик на границе с Шотландией, они были прекрасно обеспечены артиллерийскими орудиями и боеприпасами. В течение того же периода французы приняли аналогичные меры в своих гарнизонах на пикардийской и фламандской границах. Но более серьезные изменения еще ждали своего часа. Стены делались более толстыми, иногда более низкими и имели эскарп для скатывания пушечных ядер. Замок в Рамбуре, построенный на полвека позже, чем замок в Пьерфоне, имел восемь угловых башен, соединенных в дополнение к орудийным бойницам эскарпированными стенами; укрепления Мон-Сен-Ми-шеля (1426-1445 гг.) также были приспособлены к тому, чтобы достойно ответить на вызов «эпохи пороха». Однако постепенно пришло осознание того, что огнем из тяжелых орудий можно рассеивать скопления осаждающих и выводить из строя их артиллерию; однако поскольку такие пушки не годились для стрельбы непосредственно из башен, ибо очень дымили, и бойницы существенно сужали зону обстрела, крупные орудия стали устанавливать на верхних площадках башен. Некоторые крепости, в частности, Куинсбери на острове Шеппэй, возведенная Эдуардом III в годы после заключения договора в Бретиньи, не могли быть приспособлены к требованиям новой техники, поскольку, как писали королевские уполномоченные, приговорившие ее к сносу в 1650 г., «она была построена во времена луков и стрел... и нет никакой возможности устроить на ней площадку и разместить там пушку». Однако другие крепости были

156

усовершенствованы по мере необходимости. К концу XV века как во Франции, так и в Италии стены и башни стали более толстыми и более низкими; они эскарпировались и оборудовались широкими платформами. Соединение этих разнородных элементов привело к возникновению современного бастиона, который был предназначен скорее для атаки, нежели обороны, и представляет собой больше укрепленную платформу, чем башню; как и башня, он по-прежнему обеспечивал прикрытие прилегающих участков фортификационных сооружений, но также сильно выдвинулся вперед для того, чтобы иметь максимальную зону обстрела. Бастион появился сначала во Франции, затем и в Англии и получил наибольшее развитие в Италии начиная с середины «кватроченто»* и, в особенности, после французского вторжения.

Оружие, доспехи и артиллерия, а также все виды снаряжения, необходимого для ведения войны, изготавливались по королевскому приказу почти в индустриальном масштабе и хранились в арсеналах Тауэра, Лувра, Кана во время английской оккупации Нормандии в XV веке и «Галерном дворе» Руана, где было размещено снаряжение для французских морских экспедиций. Во Франции со времени правления Карла V все военное снаряжение находилось в распоряжении особых ведомств под управлением «главного начальника и смотрителя артиллерии» в Лувре и «смотрителя галерного двора, доспехов и артиллерии для морских дел» в Руане. Они регулярно получали от военного казначейства установленную сумму, даже во время мира или перемирия, однако в военное время чиновники казначейства и «главный сборщик податей» покрывали все расходы по содержанию артиллерии. В от-

Кватроченто — итальянское название XIV в., используемое для обозначения эпохи Возрождения. (Прим. ред.)

157

личие от этого, в Англии XIV века вооружением, находившимся в лондонском Тауэре, распоряжался «хранитель королевского гардероба»*. И хотя сфера деятельности хранителя гардероба в 1360-х гг. стала автономной в финансовом и административном отношении, а к 1369 г. было создано артиллерийское подведомство под управлением «чиновника орудийных дел», тем не менее только в 1414 г. был учрежден отдельный Артиллерийский приказ под руководством чиновника, которого впоследствии стали называть начальником королевской артиллерии. Первым, кто получил эту должность, был Николас Мербери, он отвечал за английскую артиллерию в ходе Азенкурской кампании, однако во время завоевания Нормандии главным базовым артиллерийским складом англичан стал Кан, и после 1422 г. он,

наряду с арсеналами в Руане и Лувре, находился в ведении «начальника королевской артиллерии во Франции и Нормандии», которым обычно был англичанин. Поскольку в 1420-х и 1430-х гг. основные военные действия велись в центральной Франции, в Тауэре не происходило ничего значительного и, соответственно, мало что известно о деятельности английского начальника артиллерии до назначения на эту должность в 1437 г. Гильберта Пара. С другой стороны, мы видим, что в основных крепостях профессиональные артиллеристы появлялись с гораздо более раннего времени: уже в 1370-х назначаются «начальники артиллерии» в береговые крепости; они были не служащими управленческого аппарата, а военными инженерами, специалистами по огнестрельному оружию. Однако на некоторые из таких должностей назначали прямо на местах, и в этом, как и во многом другом, английская

Казначейское ведомство в Англии. (Прим. ред.)

158

военная администрация отличалась от французской гораздо меньшей степенью централизации. И в Англии, и во Франции верховное командование военными силами осуществлял король и назначавшиеся им коннетабль (констебль), маршалы и наместники, однако полномочия и функции, закрепленные за этими должностями в двух странах, существенно различались. До XIV века обычно король сам руководил военными действиями, и во время первых кампаний XIV века эта традиция не была нарушена. Однако затяжной характер англо-французского конфликта, широкий разброс провинций, в которых велись боевые действия, английская оккупация различных областей Франции — все делало необходимым делегирование королем командных функций и вело к постоянному расширению полномочий и росту привилегий королевских военачальников. Если король лично руководил военными действиями, коннетабль и маршалы разделяли с ним командование армией. В тот период коннетабль Франции находился на вершине славы, его полномочия в военной сфере почти не уступали полномочиям короля. Значение этой должности существенно возросло благодаря англо-французским войнам и неоспоримым талантам занимавших ее полководцев: братьев по оружию Бертрана Дюгеклена (1370-1380 гг.), Оливье де Клиссона (1380-1392 гг.) и Людовика де Сансерра (1397-1403 гг.) и, по-видимому, Артура де Ришмона (1425-1458 гг.), вдохновителя реформ Карла VII (см. рис. 25, 26). Только при Людовике XI эта должность быстро приходит в упадок. Коннетабль де Сен-Поль (1465-1475 гг.) был казнен за измену королю; в дальнейшем, в особенности после государственной измены коннетабля де Бурбона (1490-1527 гг.), к этой должности стали относиться с подозрением и она оста-

159

валась вакантной в течение многих лет, пока не была окончательно упразднена Людовиком XIII в 1627 г.

По свидетельству Гийома ла Тура, президента Парижского парламента после сдачи города французам в 1436 г., должность коннетабля ко времени правления Карла VII была «самой главной и наипервейшей должностью во Франции по почестям и привилегиям, стоявшей выше должности канцлера и всех прочих». Она подразумевала обладание полномочиями наместника, которыми коннетабль мог пользоваться в отсутствие короля (заключать договоры и другие соглашения, даровать прощение и т. д.), на что обычно требовалось особое право. Уже во времена де Клиссона его должность давала ему право участвовать в тайном совете, где рассматривались вопросы военной политики, и никакое решение в этой области не имело силы без согласия коннетабля. Он имел право на место при дворе, где бы ни находился король. Он принимал участие в коронации, во время которой нес священный сосуд с мирром, и преступление против него расценивалось как оскорбление величества. В военное время коннетабль был главнокомандующим вооруженными силами: он решал, как должны быть развернуты войска, отдавал приказы всем боевым отрядам и гарнизонам, определял ранг и место каждого бойца. Во время боя коннетабль находился в авангарде войск, и в его отряде присутствовали маршалы. Его стяг несли после стяга короля и, если король не присутствовал при взятии города или крепости, первым в знак победы вывешивался стяг коннетабля. Когда король находился при войске, могли звучать только боевые кличи короля и коннетабля. Коннетабль же отвечал за отправку всех связных и шпионов. Если, отправляясь в поход, он решал взять людей из войска, а не из своей свиты, то мог сделать это в любое время, и для этой цели у него был лучший в

160

войске выбор лошадей после короля, и он имел право брать людей из любого отряда, кроме королевского. Когда войска коннетабля несли гарнизонную службу, они были не обязаны стоять в карауле, если не получали от него соответствующего приказа.

Должность коннетабля была связана и с существенными финансовыми привилегиями. В военное время король покрывал все его издержки, включая расходы на замену лошадей для него и его воинов. Во время осад и сражений коннетабль получал двойную плату. Он имел право на однодневную плату со всех состоявших на королевском жаловании или всех тех, кто получал за свою службу иное вознаграждение, а от гарнизонных войск — на однодневную плату с каждого гарнизона, в котором они несли службу. Он получал пятьдесят турецких ливров в день, когда проводил простой поход (*chevauchee*) и сто турецких ливров, когда отправлялся на битву или штурм. В таких случаях коннетабль имел право на всю добычу, захваченную им самим и людьми из его свиты, кроме золота и пленников, которые должны были быть отосланы королю. Когда крепость была взята приступом или сдана, коннетабль имел право на долю в грабеже, за исключением золота и пленников, которые отсылались королю, а также артиллерии, которая поступала в распоряжение командира арбалетчиков.

Маршалы располагали гораздо меньшей военной властью, хотя их положение нередко становилось более весомым, когда им вверяли полномочия наместников. Они командовали частью армии под началом коннетабля, а также выполняли дисциплинарные и административные функции. Главной задачей маршалов было проведение инспекций и войсковых смотров. Они отвечали за первичное обустройство лагерей, обеспечение боеготовности войсковых отрядов и защите мирного населения от насилия и грабежей со

161

стороны солдат. В сугубо военной сфере маршалы получали значительные полномочия при второстепенных операциях: они руководили армиями там, где им случалось находиться, и тогда, когда коннетабль отсутствовал. Напротив, в армиях, возглавляемых коннетаблем или королем, и при несении гарнизонной службы маршалы не могли предпринимать никаких военных действий без согласия коннетабля, без его санкции они не могли ни отправляться в поход, ни выстраивать в боевом порядке отряды, ни издавать приказы о изгнании из войска или прокламации. Маршалы получали 2000 турецких ливров в год за свою должность и, как и коннетабль, они обладали правом на некоторые виды дополнительного вознаграждения, хотя королевская политика состояла в том, чтобы уменьшить или ликвидировать эти привилегии.

Во Франции к высшим военным чинам относились еще два человека: командир арбалетчиков, который был главнокомандующим пехотой и артиллерией, и хранитель орифламмы. Орифламма, которая была хоругвью аббатства Св. Дионисия и первым знаменем войска, могла быть доверена только рыцарю, доказавшему свою храбрость, как Жоффруа де Шарни и Арнуль д'Од্রেгем, и ее хранитель, назначавшийся пожизненно, должен был дать клятву в том, что встретит смерть прежде, чем отдаст орифламму врагу.

Коннетабль и маршал Англии пользовались гораздо меньшими полномочиями и привилегиями, чем во Франции: так дело обстояло уже в начале XIV века, но подобная тенденция стала еще заметнее с течением времени. Быстрое расширение полномочий коннетабля во Франции во многом было обусловлено слабостью французской монархии. Карл V, хотя и был великим государственным деятелем, обладал тщедушным телосложением и не был воином. Когда трон перешел к Карлу VI, тот был всего лишь ребенком, и в до-

162

полнение ко всему остальному душевная болезнь короля сделала совершенно невозможным его участие в военных операциях. После 1422 г. Франция погрузилась в состояние хаоса, и Карл VII долгое время не был способен навести порядок в стране. В подобных обстоятельствах, при том что враг почти постоянно находился на территории королевства, неудивительно, что пост коннетабля приобретал все большее значение, и тот становился все более и более могущественной фигурой. И напротив, в лице Эдуарда III и Генриха V судьба подарила Англии двух величайших королей-воинов, а после 1422 г. — Бедфорда в качестве регента во Франции. То, что боевые действия велись на территории Франции, не только помешало созданию постоянной армии в самой Англии, но также сделало ненужным введение всеохватывающей системы войсковых смотров и ревизий; по этой же причине английские военные чины не получали широких юридических полномочий, подобных тем, которые придавали вес положению маршалов Франции. Более того, после завоевания Нормандии и заключения договора в Труа ланкастерская монархия унаследовала должности и традиции, существовавшие во Франции. В Нормандии и на оккупированной территории английская военная администрация подверглась сильному французскому влиянию, тогда как в других областях Франции, признавших Генриха V, она была почти полностью французской. После 1422 г. Генрих VI назначил маршалов Франции в англо-бургундском государстве. Ришмону как

коннетаблю (1425-1458 гг.) и Ла Файетту как одному из маршалов (1421-1464 гг.) Франции при Карле VII соответствовали не Бедфорд (констебль (1403-1435 гг.)) и Моубрей (маршал Англии), но Хамфри Стаффорд, первый герцог Бекин-гемский, как коннетабль (1430 г.) и Джон Тальбот, 163

Рис. 71. Осада (из Хроники Ваврена)

граф Шрусбери, как маршал (1435-1453 гг.) Франции при Генрихе VI.

В начале XIV века и до 1373 г. должность констебля была наследственной в роду Боэнов, и в течение значительной части рассматриваемого периода (1385-1398 и 1410-1476 гг.) должность графа-маршала наследовалась в роду Моубреев. На эти должности назначались только представители самых знатных родов, и многие из них служили наместниками во Франции. Однако несмотря на то, что среди них было несколько достойных воинов, ни один из них не имел 164

относительно скромного происхождения, как коннетабли Франции Робер де Фьенн (1356-1370 гг.) и Дюгеклен (1370-1380 гг.) или маршалы Франции, среди которых многие были выходцами из мелкой знати. Более того, во Франции королевская политика заключалась как раз том, чтобы не назначать маршалов пожизненно и таким образом предупредить переход этой должности в руки влиятельных родов и не допустить ее превращения в наследственную, тенденция к чему наметилась в XIII веке; в любом случае сами маршалы не рассматривали свой пост как конечную цель, считая его ступенью на пути к званию хранителя орифламмы (как свидетельствует пример маршалов Миля де Нуайе и Арнуля д'Одрегема) и коннетабля (как было с Людовиком де Сансерром).

На пограничных и оккупированных территориях командование военными силами препоручалось губернаторам, наместникам и генерал-капитанам; они фактически наделялись вице-королевскими полномочиями и под их юрисдикцией находились обширные провинции. Они обладали высшей военной властью, с правом вербовать солдат на службу, оплачиваемую королем, собирать королевские армии и командовать ими. Они могли размещать гарнизоны в городах, замках и крепостях, назначать и лишать должностей их капитанов и принимать все необходимые меры по обороне этих пунктов. Они обладали широкими судебными полномочиями, включая право назначать и снимать с должности чиновников по своему усмотрению. Они могли принимать отдельных людей и целые общины в королевское подданство, принимать от них оммаж, утверждать их вольности, привилегии и льготы, назначать новые, даровать подданным прощение и вознаграждать их землями и пенсиями. И наоборот, они могли конфисковывать земли тех, кто нарушал верность короне, и распоряжаться этими владениями 165

по своему усмотрению. Они могли выдавать охранные грамоты, взимать штрафы и выкупы, а также заключать союзы и соглашения с важными лицами или локальные перемирия с противником. В этом наместникам помогал их совет, в состав которого входили начальники их

«штабов», местные должностные лица и королевские чиновники, для этих целей поступавшие в их распоряжение. Наместники также располагали секретарями и нотариусами, которые вели их документацию, причем у французов такие документы составлялись и скреплялись печатью, подобно документам короля, и имели такую же силу.

Французские наместники обладали и другими, более широкими, полномочиями. Им подчинялись все чиновники. Они могли прощать все гражданские и уголовные преступления, включая оскорбление величества; они могли предоставлять отсрочку или прощать неуплату долга представителям благородного сословия; иногда они даже имели право возводить человека в знатное сословие. Они также обладали преимуществами в финансовой сфере: все их расходы оплачивались королем. Они могли пользоваться субсидиями, получаемыми от местного населения, и использовать все доходные статьи королевского бюджета на ведение войны и раздачу вознаграждений за заслуги. По приказу наместника чиновники военного казначейства, их представители и другие королевские казначеи и сборщики налогов, оплачивали расходы, сделанные по его распоряжению, при единственном условии, что он должен представить отчет в палату Счетов в Париже. В военной области право разрушать до основания крепости и замки, которым пользовались наместники, не было чем-то из ряда вон выходящим: оно являлось частью его военных полномочий и могло осуществляться должностными лицами более низкого ранга.

Помимо них различные ступени более или

166

Рис. 72. Руан в 1525 г. Рисунок Жака Лельера

менее стабильной командной иерархии занимали сенешали, бальи, капитаны городов и шателены, полномочия которых варьировались в зависимости от степени важности находившихся под их командой объектов. Однако ситуация в каждом регионе обладала своими особенностями, и было бы довольно опасно и дальше рассуждать в общих чертах о способах осуществления военного командования в ходе истории более чем столетнего конфликта.

Территории, занятые английскими войсками или войсками союзников, существенно изменились за время войны (см. карту IV). В Гиени английские войска оставались на протяжении всего периода конфликта. Значительная часть Бретонского герцогства была оккупирована в первые двадцать лет после вторжения Эдуарда III (1342-1362 гг.), и несколько гарнизонов оставались там после возвращения герцога Иоанна IV. Постоянные гарнизонные войска были размещены в Кале после его захвата в 1347 г. и на какое-то время в Нормандии (1356-1361 гг.). После битвы при Пуатье войска союзников занимали отдельные города и замки в провинциях Луары, в Пикардии, Шампани, Бургундии и во всех остальных областях

167

Франции, по крайней мере, на короткий срок, и часто не только ради интересов английского короля, но ради собственной выгоды. При Эдуарде III оккупация Кале, Бретонских портов и ряда стратегически важных крепостей в заливе Бурнеф и устье Шаранты обеспечила сообщение с Гасконью и позволила держать пути снабжения открытыми для союзных сил, действовавших в глубине страны. Оккупация Сен-Совер-ле-Ви-онта (1356-1375 гг.) и Бешереля (1362-1374 гг.) обеспечила выгодный плацдарм в Нормандии и Бретани после заключения договора в Бретиньи. Однако в конце XIV века большая часть оккупационных сил была сконцентрирована в цепи крепостей на атлантическом побережье Франции: в Кале, Шербуре (1378-1394 гг.), Кастль-Корне и Монт-Оргейле на Нормандских островах, в Бресте (1378-1397 гг.), Бордо и Байонне. Эти крепости совместно с усовершенствованными оборонительными укреплениями на побережье Англии должны были обеспечивать королю контроль над Ла-Маншем и гарантировать, что в будущем война по-прежнему будет вестись на территории Франции. Эта политика была отчетливо обрисована в Парламенте Ричардом Скрупом в 1378 г.: несомненно, до некоторой степени ее причиной

стало то, что проведение широкомасштабных экспедиций и оккупация обширных территорий требовало больших расходов. Причиной могло послужить также создание и применение пушек в 1370-х и 1380-х гг. Однако после 1420 г. англичане направили подавляющее большинство своих сил и средств на оккупацию французской территории и постепенное расширение границ в соответствии с условиями договора, заключенного в Труа. Кале и другие прибрежные крепости постепенно утратили то важное значение, которое оставалось за ними в течение длительного периода перемирия, заключенного в 1380-х гг., и крупные военные походы,

168

предпринимавшиеся в XIV веке, были окончательно отвергнуты как метод ведения войны. Масштаб английской оккупации в каждом из этих регионов существенно менялся с течением времени в зависимости от военных успехов, финансовых возможностей и правительственных решений. Аквитания достигла наибольших размеров в 1360-х гг., когда герцогство было возведено до княжества для Черного Принца; несколько раз она уменьшалась до узкой прибрежной полосы, почти не вдававшейся в глубь страны и тянувшейся от дельты Жиронды до Пиренеев, и всегда сильно зависела от двух бастионов английской власти на юге: Бордо и Байонны. Между 1380 и 1413 гг. главная пограничная зона (по существу, углубленная граница) пролегла между Шарантой и Дордонью. В Бретани после 1343 г. и в дальнейшем не протяжении почти всей оккупации территории, контролируемые союзниками, находились, в основном, на бретоноязычном юге и западе. Сюда относились почти полностью Леон и Корнуай с их портами Кон-кетом и Брестом, а также южное побережье до устья Вилена с портами Кимперле, Энебоном и Ванном (см. карту IV). Большая часть верхней Бретани, являвшейся франкоязычной, поддерживала Карла Блуаско-го, однако английские гарнизоны обосновались в Бе-шереле, Плоермеле, Фужере и Шатобланке, которые постепенно превращались в укрепленные районы на границе с французами, усилившими свои позиции за счет Ренна и Нанта. В Кале (см. рис. 73) к компетенции военной администрации относилась территория гораздо более обширная, чем город и замок. Помимо гарнизона, расположенного в городе, был еще один, размещавшийся в замке под началом другого командира, и еще несколько в окружавших Кале крепостях, одна за другой занятых англичанами: к 1371 г. их было около тринадцати (см. карту VI). Можно пред-

169

Рис. 73. Вид Кале в XVI в.

положить, что изначально некоторые из них являлись независимыми чинами, однако уже на довольно раннем этапе капитан Кале становится должностным лицом, ответственным за осуществление королевского правления на всей территории марки Кале, и в XV веке он без исключений именуется «наместником Кале и марки Кале». Точно так же и в Бресте 1380-х и 1390-х гг. юрисдикция капитана, по-видимому, первоначально распространялась на город и замок, однако постепенно ей был подчинен весь западный Финистер, включая прибрежные острова, где капитаны также действовали в роли наместников. В Сен-Совере и Шербуре власть англичан распространялась на большую часть северо-запада Контантенского полуострова,

170

и в начале 1370 г. это была достаточно обширная область, чтобы назначить в Сен-Совер наместни-

ка. В XV веке, когда оккупация северной Франции достигла наибольшего масштаба, граница между англо-бургундскими территориями и землями, находившимися во власти сторонников дофина, проходила приблизительно по бретонской границе выше Кра-она, между Мэном и Анжу-Ту-ренью, через Вандомское графство до Орлеана и далее вниз по Луаре до Раонны (см. карту VII). Однако в течение почти всего этого периода на англо-бургундской территории находились дофинистские анклавы и наоборот. После разрыва англо-бургундского союза в Аррасе, граница была перенесена в Иль-де-Франс и восточную Нормандию и еще раз прошла вокруг Кале в Артуа. Только южная граница в Мэне осталась в полной неприкосновенности. В Аквитании, Бретани, Нормандии и в других областях Франции, находившихся во власти англичан, командование войсками поручалось верховным наместникам. Наместники также назначались для всей Франции, как правило, в целях ведения военных действий, не ограниченных рамками одной провинции, а наместники в Аквитании обычно имели право действовать в Лангедоке. В Кале, Шербуре,

Рис. 74.
Сэр Эдуард
Даллингридж,
наместник графа
Арундела, капитан
Бреста (1388-1389).
С латунного
изображения в
Флетчинге,
Суссекс
171

Бресте и других прибрежных крепостях войска подчинялись капитану с менее широкими полномочиями и более ограниченной юрисдикцией. Однако военная администрация каждого

региона или прибрежного форта имела свои особенности, В Аквитании уже давно были учреждены должности и сформированы институты, действовавшие под эгидой Вестминстерского правительства, и существенная часть населения была на стороне англичан. Наместники назначались только в периоды военной опасности и в тех случаях, когда в герцогстве высаживались экспедиционные войска из Англии. В остальное время военными делами ведал сенешаль Аквитании. В Нормандии, наоборот, положение англичан во многом зависело от интересов и поддержки Наваррского короля. В Бретани военные чины почти без исключения были англичанами, однако административной системе было суждено дополнить местные гражданские институты. Наместники, назначавшиеся в некоторых случаях в Пикардию, должны были исполнять свои обязанности, опираясь на английскую администрацию, подчиненную капитану Кале. В течение XV века продолжали назначаться наместники Аквитании, Нормандии и всей Франции, однако положение и полномочия наместников северного округа стали иными в связи с изменением политической ситуации после заключения договора в Труа и кончины в 1422 г.

Генриха V

*Рис. 75. Надгробное
изваяние Джона Холланда,
графа Хантингдона,
верховного наместника в
Аквитании (1439-1441).
Часовня Св. Петра де
Винкула, Тауэр*

172

Рис. 76. Надгробное изваяние Черного принца (ум. 1376 г.) позолоченная медь. Кентерберийский собор и Карла VI. Во время регентства Бедфорда (1422-1435 гг.) наместники (из которых наиболее известными были Солсбери, Уорик и Саффолк) отвечали за менее обширные округа, пользовались меньшими полномочиями и назначались Бедфордом как регентом Франции. Преемники Бедфорда на должности правителя Франции — герцог Йорк (1436-1437 и 1440-1447 гг.), граф Уорик (1437-1439 гг.) и герцог Сомерсет (1447-1450 гг.) — хотя они и носили титул верховного наместника, были в первую очередь управляющими-губернаторами.

Большинство английских наместников были лицами королевской крови или людьми благородного происхождения. Этот пост занимали четверо сыновей Эдуарда III: трое из них (Черный принц (см. илл. 30), Эдмунд Лэнгли и Томас Вудсток) один раз и Джон Гонт не менее восьми раз. В царствование Эдуарда выдающимися наместниками были двое представите-

173

лей высшей знати: Генрих Ланкастер, назначавшийся на этот пост шесть раз, и Вильям де Боэн, граф Нортгемптон, который дважды занимал пост наместника Бретани. Наместниками Аквитании были двое сыновей Гонта (Джон Бофор в 1398 г. и Томас Бофор в 1413 г.), трое из его внуков исполняли обязанности наместников в Аквитании, во Франции и в Нормандии. Сын Эдмунда Лэнгли Эдуард занимал пост наместника Аквитании в 1401 г., а его внук Ричард, герцог Йоркский, дважды назначался на должность верховного наместника и губернатора Франции и Нормандии. Брат Генриха V Кларенс был наместником в Аквитании, а затем в Нормандии, а из числа представителей знати наиболее выдающимися были Томас Монтегю, граф Солсбери; Ричард Бошан, граф Уорик; Вильям де ла Поль, граф Саффолк; Эдмунд Мортимер, граф Марч, и Джон Тальбот, граф Шрусбери.

Однако благородное происхождение не всегда было обязательным условием, и иногда личные таланты возмещали недостаток знатности. В частности, так можно сказать о наместниках Бретани в XIV веке, многие из которых принадлежали к незнатным родам,

Рис. 77. Церемония вступления Ричарда Бошана, графа Уорика, в должность наместника и генерал-губернатора Франции и Нормандии. «Жизнь и деяния Ричарда Бошана, графа Уорика» Джона Роуза, ок. 1485 г.

174

в том числе капитаны сэр Томас Дагворт и сэр Уолтер Бентли, а также менее известные Джон Хардрешулл и Джон Авенел. После заключения договора в Бретиньи в роли наместника Эдуарда III в Аквитании действовал сэр Джон Чандос, хотя его функции носили в большей степени дипломатический характер и состояли в реализации договора — при этом исполнял свои обязанности настолько беспристрастно, что приобрел себе друзей в обоих лагерях. Однако самым выдающимся было одновременное пребывание на посту наместника Франции сэра Роберта Ноллиса, Алана Баксхилла, Томаса Грандисона и Томаса Боуше в 1370 г., и этот эксперимент никогда более не повторялся. После провала экспедиции Ноллиса в том году этот пост ни разу не был пожалован человеку, не принадлежавшему к высшей знати. В XV веке все без исключения наместники были аристократами.

О том, что аристократическому происхождению придавалось особое значение, свидетельствует и судьба других должностей в конце XIV и в XV в. До 1380-х гг. капитанами прибрежных крепостей были обычно выходцы из рыцарского сословия, проявившие себя в военном деле. После этой даты, прежде всего в Кале, капитанами были представители высшей знати, которые осуществляли руководство на вверенных им территориях при посредстве назначавшихся ими наместников. В Аквитании, с другой стороны, должность сенешаля по-прежнему занимали представители средней знати, и в те годы, когда герцогство имело статус княжества, у них появилась возможность стать местными сенешалями. Однако война привела к фундаментальным изменениям в составе должностных лиц герцогства. На протяжении XIII века пост сенешаля занимали верноподданные гасконцы, после 1337 г. — за одним исключением, англичане. Даже мэры Бордо отныне назначались в Вестминстере, и почти все они были англичанами. Как и сенешали, они были прежде

всего военными. Назначения на высокие должности во Франции в этот период приводят к тому, что начинает складываться некое подобие «заграничной службы». Многие стали почти профессиональными капитанами и наместниками и наряду с тем, что самые высокие посты занимали представители высшей знати, среди военных были такие люди, как чеширский рыцарь Хью Колвли, который прошел службу во Франции и в Испании и между 1375 и 1393 гг. последовательно был капитаном Кале, Бреста, Шербура и руководил обороной Нормандских островов, или два мэра Бордо из эсекского рода Свин-бернов, один из которых также был капитаном Гина и Амма в марке Кале.

Округа, находившиеся в ведении французских наместников и генерал-капитанов, а также их полномочия заметно менялись в течение войны в зависимости от обстоятельств, с которыми была связана необходимость их службы: глубины английского или бургундского вторжения на территорию страны, деятельности вольных отрядов и

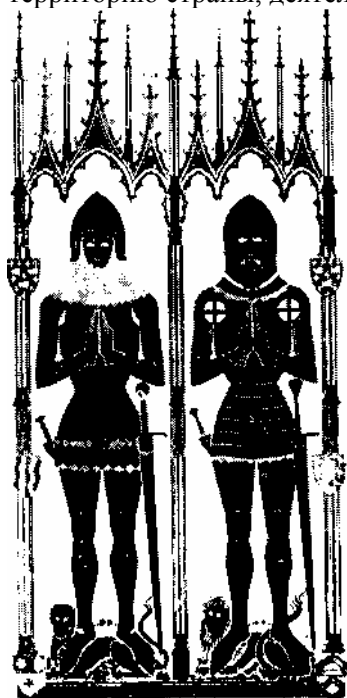

Рис. 78.

Сэр Роберт Свинберн и сэр Томас Свинберн, мэры Бордо (1325 и 1405-1412 гг.)

176

сопротивления крупных феодалов. Среди земель, находившихся под командованием английских военачальников, наиважнейшими были Лангедок и Гасконь, где постоянные англо-гасконские силы были размещены на границах Гиени; вследствие удаленности этих владений от Парижа французскому королю приходилось даровать своим наместникам более широкие полномочия, чем в областях, находившихся ближе к Иль-де-Франсу. Поскольку после 1346 г. английская граница в Аквитании была отнесена выше к северу, французское правительство стало назначать наместников для управления округом, в итоге охватившим всю территорию между Луарой и Дордонью. С прибытием в Гасконь Черного принца в 1355 г. эти два округа временно были объединены и переданы под командование одному из сыновей короля — Иоанну, графу Пуатье и впоследствии герцогу Беррийскому. Наместников также назначали в Нормандию, на границу с Бретанью, в Пикардию и близлежащие графства в ответ на установление англичанами своей власти над Кале и Нидерландами и даже, что стало необходимым вследствие угрозы со стороны вольных компаний, в центральные области королевства. Поскольку война перекидывалась из провинции в провинцию, высшие представители королевской власти присутствовали почти во всех регионах.

Большинство французских наместников были, как и английские, либо членами королевской семьи, либо представителями высшей знати. Подобные посты занимали все сыновья Иоанна II. Из них больше всех преуспел второй сын короля, Людовик Анжуйский, который находился на посту наместника Лангедока и Гиени в течение шестнадцати лет (1364-1380 гг.) и, кроме того, еще четырежды занимал такой пост в различных частях королевства. Без сомнения, он во многом был обязан своими достижениями талантам

своих военачальников — коннетабля Дюгеклена, маршала де Сансерра и будущего коннетабля Оливье де Клиссона, однако Людовик Анжуйский как наместник обладал выдающимися способностями, и отвоевание Аквитании, несомненно, является именно его заслугой. Третий сын короля, Иоанн, герцог Беррийский, принявший после своего брата пост наместника в Лангедоке и Гиени (1380-1389 гг.), гораздо меньше соответствовал занимаемой им должности. Он получил свой пост после борьбы с графом Фуа и был снят с него за чрезмерное злоупотребление своими полномочиями. Он был впервые назначен наместником в пятнадцать лет, и в его подчинении находилась обширнейшая территория — вся Франция к югу от Луары (1356 и 1358 гг.); затем стал наместником в Лангедоке (1357-1361 гг.), на некоторое время вернул себе пост наместника в Гиени в 1392 г. и занимал его вновь одновременно с постом наместника в Лангедоке в течение последующих тринадцати лет (1401-1411 и 1413-1416 гг.). К перечисленным округам следует добавить должность наместника в Маконне, Ли-онне (1359 г.), а также в провинциях: Нормандии, Анжу, Мэне, Турени, Оверни, Берри и Бурбонне (1369 г.). Широкие полномочия Иоанна по управлению Лангедоком и Гиенью в 1380 г. распространялись и на провинции Овернь, Берри и Пуату, которые были его апанажем. Все это давало герцогу Беррийскому колоссальную власть, которую он использовал в своих корыстных целях. Точно так же графы Арманьяка и Фуа пользовались должностью наместника в Лангедоке для укрепления своих позиций на юге. Возможно, именно по этой причине, французские короли предпочитали возводить в ранг наместников коннетаблей и маршалов. Большинство коннетаблей XVI века исполняли обязанности наместников в одном или нескольких случаях, и, как мы видели, во времена Карла VII обладатель этой должности автоматически

наделялся полномочиями наместника. Однако особого упоминания в этом плане заслуживают маршалы Ги де Нель (1348-1352 гг.), Арнуль д'Од্রেдем (1351-1368 гг.), Жан де Клермон (1352-1356 гг.), старший и младший Бусико (1356-1368 и 1391-1421 гг.), Мутен де Бленвиль (1368-1391 гг.) и Людовик де Сансерр (1368-1397 гг.), которые были почти профессиональными наместниками, за время своей активной военной карьеры поочередно занимавшими этот пост в различных округах. За исключением Людовика де Сансерра, все они были выходцами из мелкой знати и, подобно другому деятельному наместнику, Амори де Краону, который между 1351 и 1369 гг. восемь раз получал пост наместника, владели ничтожно малыми фьефами. Однако в XV веке маршалы уже не являлись такими выдающимися наместниками, и точно так же, как и среди английских высоких чинов, большинство из них были представителями аристократии. Времена де Неля, де Клермона и д'Одредема миновали, однако в течение XIV века эти люди занимали положение, не сопоставимое с положением английских наместников. Авенел, Бентли и Дагворт по сравнению с ними располагали в Бретани лишь ограниченной властью.

Выдвижение на высшие командные посты представителей мелкой знати в XIV веке было самым слабым местом военно-административной системы во Франции. Люди, занимавшие такие должности, пользовались очень большой властью, которой порой злоупотребляли; кроме того, их назначение вызывало негодование у вождей высшей аристократии, что усугубляло разногласия и без того раздираемом противоречиями обществе. Фруассар был поражен милостью, оказанной Дюгеклену, который почти не знал грамоты. Сообщая, что король объявил о своем намерении пожаловать должность коннетабля бретонскому рыцарю, Фруассар рассказывает о том, как на-

стойчиво Дюгеклен отказывался от выпавшей ему чести:

«Истинно, дорогой сир и благородный король, я должен осмелиться воспротивиться вашему великодушному намерению: как бы то ни было, сир, истинная правда, что я беден и что недостаточно знатен для того, чтобы принять столь важный и столь благородный пост коннетабля Франции. Ибо подобает, чтобы этот военачальник достойно исполнял свои обязанности, и с этой целью ему надлежит командовать в первую очередь великими мужами, а не маленькими людьми. Взгляните же, сир, теперь на моих господ ваших братьев, ваших племянников и ваших кузенов, которые командуют многими воинами в вашем войске и сопровождают вас в походах. Сир, как мог бы я осмелиться отдавать им приказы? Безусловно, сир, зависть столь велика, что мне следует бояться ее. И потому, сир, я прошу вашей милости, простите меня и доверьте этот пост кому-либо другому, кто примет его с большей радостью, нежели я, и сможет лучше исполнять возложенные на него обязанности».

Когда Дюгеклен поступил на королевскую службу накануне вступления на престол Карла V, он

был всего лишь капитаном вольных наемников, увлекавшимся набегами и грабежами, но превосходивший своих товарищей (за исключением, пожалуй, Арно де Керволя) железной властью и строгой дисциплиной, установленной им среди своих людей. Однако этому человеку склонного происхождения и грубой внешности — его надгробие в Сен-Дени являет нам удивительное изображение его большой головы, квадратных плеч, широкого, приплюснутого носа, рта, в котором человеческой кажется только улыбка (см. рис. 25) — предстояло всего через шесть лет занять самую значимую коронную должность во Франции. И неудивительно, что после его смерти Людовик Анжуйский желал сохранить эту должность вакантной,

180

считая, что с ней связаны слишком большие полномочия, а герцог Бургундский и герцог Беррийский противились намерению Карла V назначить на этот пост другого бретонца, хотя и в большей степени приемлемого для общества, Оливье де Клиссона.

Нередко между высшими военными чинами возникали разногласия. Спор, разгоревшийся между маршалами де Клермоном и д'Одрегемом на военном совете, предшествовавшем битве при Пуатье, сыграл печальную роль в поражении французов в этом сражении. Так же как менее известная ссора между Дюгекленом и военным казначеем Франции Жаном де Мерсьером — человеком темного происхождения, который также достиг очень влиятельного положения — привела к тому, что осада Шербура в 1378 г. была сорвана, и в результате стратегически важная крепость оставалась в руках противника еще шестьдесят лет. И во всем высшим военным чинам недоставало чувства гражданской ответственности. Робер де Фьенн, предшественник Дюгеклена на посту коннетабля (1356-1370 гг.), старался избегать представления отчетов о жаловании, полученном его свитой (*hotel*), в течение всего срока пребывания в этой должности. Мы уже упоминали о том, что герцог Беррийский, граф Арманьяк и граф Фуа могли использовать свои полномочия наместников в Лангедоке для увеличения собственного могущества.

Для того чтобы содержать в порядке войска, сформированные и размещенные в сильно удаленных друг от друга областях и находившиеся под командованием одного или другого должностного лица, необходимо было создать отлаженную военно-финансовую систему. Войско, состоявшее на службе у короля — хотя по современным меркам его численность является весьма незначительной — для того времени было огромным, и его содержание обходилось невероятно дорого. Хотя английские экспедиционные войска вер-

181

бовались на время краткосрочных кампаний и были сравнительно немногочисленны, редко превышая 6000 человек, длительность периодов войны, в течение которых велись боевые действия, и невозможность заключить мир означали, что они формировались довольно часто, и прежде всего, что пограничные гарнизоны, численность которых нередко составляла 5000 человек, не могли быть распущены даже во время перемирия (см. карты IV, V, VI). Численность французских войск, как полевых, так и гарнизонных, нередко была гораздо большей, и ответственность за их финансовое обеспечение была возложена на двух военных казначеев (в 1318 г. эти должности уже существовали и круг связанных с ними функций был определен). Военные казначеи были одновременно сборщиками налогов и ответственными за выплаты. Они получали средства от казначеев и сборщиков всех видов налогов (соляной подати (*gabelles*), эд (*aides*), талли (*tallies*) и особых военных субсидий), подотчетных палате Счетов, перед которой они, в свою очередь, несли ответственность. Король или его капитаны и наместники информировали военных казначеев о вербуемых войсках, казначеи выплачивали им жалованье по получении письменного свидетельства от маршала Франции, подтверждающего, что в его присутствии был произведен смотр войск, и получали от войск расписки на выплаченные ими суммы. Эти свидетельства и расписки служили для проверки их отчетов.

Для того чтобы охватить все театры военных действий, где происходила вербовка войск, военные казначеи назначались в особые регионы и прикреплялись к войскам на время походов; как и маршалы Франции, они назначали своих представителей для сопровождения полевых войск, находящихся под командованием наместников и генерал-капитанов, и объезда крепостей, расположенных в их округе. В некоторых случаях

182

назначались также особые кассиры, распоряжавшиеся отдельными фондами. Казначей и его чиновники выплачивали жалованье только после того, как маршал или его представители производили инспекцию войска. Смотр и ревизия войска производились как в финансовых, так и в военных целях: они служили для проверки численности каждого отряда и обеспечения

надлежащей экипировки и лошадей. Периодичность смотров была крайне непостоянной, однако попытались проводить их обязательно раз в две недели (ордонанс 1351 г.) и когда это оказалось невозможным, — ежемесячно (ордонанс 1374 г.). При проведении инспекции составлялись списки личного состава, в которых указывались имена и воинские звания засвидетельствованных ревизией лиц, дата их поступления на службу и число дней, в течение которых они служили. Сюда же включались описание и оценка лошадей всех тяжеловооруженных воинов, необходимые для выплаты компенсации при их гибели. В подобном случае для получения надлежащей компенсации владелец лошади должен был представить ее шкуру, и для того, чтобы не допустить мошенничества, масть и приметы каждой лошади обязательно фиксировались в списках. До 1374 г. каждый капитан получал жалование на весь свой отряд, однако после этой даты, несомненно для того, что не допустить присвоения капитанами всех сумм, каждый отряд подразделялся в финансовом отношении на меньшие единицы, называемые отделениями (*chambers*, обычно состоявшие из десяти тяжеловооруженных воинов), предводитель каждого из которых получал жалование на своих бойцов. Сам капитан получал только жалование для своей личной свиты. И эта сложная, в высокой степени централизованная и всепроникающая военно-финансовая система была, тем не менее, бессильна против постоянных злоупотреблений. Среди множества упреков в сторону

183

французских войск после поражения 1356 г. неизвестный автор «Плача о битве при Пуатье» упоминал и об алчности капитанов:

«Производя смотр своим войскам в присутствии маршалов,
Они одалживают друг у друга парней, оружие и лошадей,
Считают своих оруженосцев и пажей за тяжеловооруженных воинов,
И таким путем на одного человека получают от короля жалование для четверых».

Ордонансы 1351 и 1374 гг. являются весомым подтверждением этих строк. Из них мы узнаем, что не только капитаны и их войска обманывали короля, но также должностные лица, производившие инспекцию, и кассиры, выплачивавшие жалование. Последние выплачивали жалование натурой с армейских складов, брали у капитанов взятки и задерживали плату. Маршалы и их представители не обращали внимания на мошенничество при проведении смотров. Ордонанс 1351 г., посредством которого вводилась более строгая инспекция, имел целью лишить капитанов возможности получать жалование на несуществующих бойцов и не допустить, чтобы службу несли солдаты с неподходящим, взятым взаймы или украденным оружием и лошадьми. Смотры должны были производиться по первому требованию в любом месте. Лошадей надлежало метить на боках клеймом, одинаковым для всего отряда, их приметы следовало точно указывать в списках; и на службу принимать только с теми лошадьми, что стоили не менее установленной суммы (30 турских ливров для лошадей тяжеловооруженных воинов и 20 турских ливров для лошадей слуг). Для обеспечения контроля над капитанами предводителям всех боевых отрядов, а также подчиненным капитанов предписывалось сообщать коннетаблю, маршалам или их представителям обо всех солдатах, покинувших служ-

184

бу, и обо всех, кто между смотрами не имел надлежащего оружия или лошади. Капитаны были обязаны делать то же самое, и они должны были принести вышестоящим чинам клятву в том, что не будут получать жалование, на которое не имеют права. В 1374 г. были приняты более детальные меры для того, чтобы люди, не пригодные к службе, не вербовались в войско и не получали жалования; чтобы те, кто был принят на службу, не покидали свои отряды между смотрами и чтобы капитаны обманным путем не лишали солдат жалования. О должностных преступлениях кассиров и инспекторов требовалось сообщать их начальству, и в таких случаях они должны были отстраняться от должности. Однако совершенно очевидно, что многие злоупотребления искоренить не удалось.

И все же тот факт, что благодаря этому военно-финансовому механизму все области королевства были охвачены широким контролем, должен предостеречь нас от заключения, что система как таковая была неудачной. Англичане не создали ничего подобного ей до оккупации Нормандии в XV веке. Отчасти это было обусловлено тем, что администрация Плантагенетов во Франции была нецентрализованной, отчасти тем, что в XIV веке большинство военных предприятий англичан носили характер краткосрочных экспедиций, и тем, что в этот период английское правительство было не способно финансировать крупные подразделения оккупационных войск. До 1380 г. орудием военных успехов англичан были экспедиционные войска, набираемые по контракту и

почти всегда на короткий срок. Они обходились гораздо дешевле, чем военная оккупация, не требовали внедрения сложной системы смотров и ревизий и могли быть относительно легко проконтролированы. Это было идеальное оружие войны для проведения опустошительных набегов.

185

И только после оккупации Нормандии в XV веке англичане ввели всеохватывающую систему смотров и ревизий, ставшую необходимой в условиях оккупации. Основной задачей этих мероприятий было формирование централизованной финансовой администрации, от которой зависело получение жалования всеми гарнизонными силами. В XIV веке ее явно не хватало не только в Нормандии и Бретани, но также и на границах Гиени, где войска вынуждены были жить за счет жителей с оккупированной ими территории (см. ниже гл. 4). Однако в Нормандии XV века создание исправной финансовой администрации с центром в Кане (до 1422 г.), а впоследствии — в Руане (1422-1449/50 гг.) сочеталось с относительным укреплением финансового положения англичан в герцогстве (см. выше стр. ПО), что позволило совместить контрактную систему с механизмом регулярных смотров и ревизий. Ежегодно заключались контракты между капитанами гарнизонов и королем или регентом, и приблизительно в то же время гарантийные свидетельства отсылались главному казначею Нормандии, санкционируя выплату жалования в соответствии с условиями, детально указанными в контрактах. После проверки контрактов и других относящихся к делу записей казначей отдавал главному сборщику податей герцогства распоряжение выплатить гарнизонам жалование в соответствии с гарантийными свидетельствами. Ежеквартально учреждались военные комиссии для проведения смотров. В целях дополнительного контроля за добросовестностью смотров капитаны получали жалование для своих гарнизонных войск только после того, как списки личного состава были сверены с контрольными списками (cop-treolles), составленными контролером, который постоянно находился в каждом гарнизоне и подчинялся не капитану, а финансовым чиновникам. Ему также должны были поступать сведения обо всех полученных

186

выкупах и обо всех захваченных у противника трофеях, для того чтобы можно было следить за тем, какая часть добычи достается капитану и королю. Это не позволяло войскам стать финансово независимыми — как произошло в Бретани в XIV веке — и таким образом способствовало сохранению власти вышестоящих чинов.

В 1439 г. актом английского парламента было объявлено, что каждый учтенный во время смотра и получивший плату солдат, отлучившийся из гарнизона, в котором ему следовало нести службу, без предварительного разрешения капитана, должен был считаться уголовным преступником. То, что раньше рассматривалось как нарушение договора, отныне было признано уклонением от гражданского долга и преступлением против короля. Подобная перемена взглядов была шагом на пути к более современному представлению об армии.

Во Франции эта цель была достигнута за счет формирования регулярных войск, впервые созданных в мирные годы после заключения договора в Бретини в связи с попыткой избавить страну от вольных компаний, жертвой которых она была. Для этого весной 1362 г. Иоанн II предложил Эдуарду III совместно сформировать и финансировать войско в составе 1000 лучников и 500 тяжеловооруженных воинов. В декабре 1363 г., после того как данный план, что неудивительно, потерпел неудачу, Иоанн поставил этот вопрос перед собранием Штатов Лангедойля, и вынесенное решение получило воплощение в королевском ордонансе, благодаря которому Франция обрела свою первую постоянную полевую армию. Ордонанс включал положения о содержании постоянного войска из 6000 солдат, которые должны были избираться депутатами (elus) от каждой епархии по совету представителей знати и тяжеловооруженных воинов. Это войско должно было оплачиваться за счет поступлений

187

от винной субсидии и специального налога на очаги (подымной подати), которые взимались с каждого прихода. Войскам, отобранным для несения службы, следовало получить патент и быть готовыми к службе под командованием короля или его генерал-капитанов. Тщательные смотры должны были производиться регулярно, и в случае если численность войска была меньше минимума, установленного для каждой провинции, по причине либо смерти, либо физической непригодности солдат, нехватку людей надлежало восполнить немедленно. На практике собранных денег хватало на содержание только 1500 человек, однако после возобновления войны в 1369 г. были введены некоторые новые налоги, возросла подымная подать, а набор войска был

поручен капитанам, с этой целью специально назначавшимся в каждый диоцез. Как результат, между 1370 и 1380 гг. численность полевой армии в среднем составляла около 3000 человек, хотя все еще собирались увеличить ее до 6000 бойцов. Наряду с этим конным войском было создано постоянное войско арбалетчиков — в соответствии с ордонансом 1373 г. оно насчитывало 800 человек — под командование генерал-капитана, независимого от командира арбалетчиков, традиционно возглавлявшего пехоту.

Учреждение этих постоянных войск несомненно было важным нововведением и внесло существенный вклад в успехи Карла V после 1369 г. И тем не менее во многих отношениях это войско было постоянным только теоретически. Под давлением военных и финансовых обстоятельств численность каждого отряда постоянно менялась, жалование часто задерживалось или оставалось невыплаченным и при том, что личный состав некоторых отрядов был относительно стабильным, другие изменялись с угрожающей быстротой. После экспедиции Бекингема в 1380 г. и в связи с постоянным возобновлением в последующие годы пе-

188

ремирий о постоянной армии забыли. Оставшиеся постоянными части были размещены в гарнизонах пограничных крепостей, тогда как все остальные стали действовать самостоятельно, пополнив ряды вольных компаний, которые в последние два десятилетия XIV века вновь стали главной проблемой королевства (см. ниже гл. 4).

Только в годы правления Карла VII во Франции была окончательно введена постоянная армия. Если ордонанс 1439 г. почти ничего не добавлял к ордонансу 1374 г., то ордонанс 1445 г., который должен рассматриваться в контексте перемирия, заключенного в Труа за год до того, ознаменовал действительно поворотный момент. Как и в 1363 г., основной целью этого законодательного акта было избавление Франции от вольных отрядов или «живодеров» путем найма на службу в постоянное войско наиболее достойных доверия и способных из них и выдворения всех остальных за пределы страны — в данном случае, на войну со швейцарцами. Для того, чтобы помешать нежелательным войскам поддерживать свое существование за счет местного населения, совместно с англичанами был составлен план превращения произвольных выкупов в пограничных районах в упорядоченную систему налогообложения, находящуюся под контролем короля. В ордонансе говорилось о создании постоянного войска из пятнадцати конных отрядов, состоявших из 100 копий по шесть человек в каждом: тяжеловооруженный воин, кутилье (coutillier) (называвшегося так по пехотному кинжалу-даге (coustille), которым он был вооружен), паж, двое лучников и оруженосец (valet de guette) или, в некоторых отрядах, третий лучник. В 1446 г. этот проект распространился и на Лангедок, были созданы еще пять отрядов, в общей сложности составившие войско численностью 12000 человек, из которых 2000 были тяжеловооруженными воинами и 4000 конными лучниками. При

189

Людовике XI войско увеличилось до 2636 копий общей численностью около 15816 человек. Эти «люди королевского ордонанса» (см. илл. 49), как их называли, вербовались коннетаблем из существовавших отрядов, тогда как другие войска формально расформировывались и отправлялись обратно в свои родные земли. В плане пехоты королевское правительство пошло по привычному пути, поощряя создание местного ополчения из лучников: согласно ордонансу 1448 г., каждый приход должен был выставять по лучнику, а в дальнейшем лучник должен был выставяться с каждых пятидесяти очагов. Лучник получал плату во время войны, а в мирное время освобождался от налогов. Таким путем было набрано войско, численность которого выросла, по крайней мере по документам, с 8000 при Карле VII до 16 000 при Людовике XI. Однако как боевая сила так называемые вольные лучники очень быстро стали малопригодны. Их можно было использовать только в ходе оборонительных действий, которые после 1453 г. были нечасты. Королевское правительство начинало все больше полагаться на швейцарскую пехоту, которую можно было использовать во время наступления против конных отрядов. Поэтому после 1480 г. вольные лучники постепенно перестают быть военной силой, хотя они и остаются популярными как категория, пользующаяся финансовыми привилегиями. Эти нововведения, конечно же, производились не в ущерб более традиционным формам военной организации: во-первых, гарнизонам, и во-вторых, крупным армиям, ненадолго собиравшимся на время кампании, в которых знать королевства сражалась под привычными баннерами и пеннонами. Однако постоянная армия, созданная в 1440-х гг., сохранялась долгое время после того, как внутренняя угроза со стороны вольных отрядов и внешняя угроза со стороны англичан на самом деле исчезли, поскольку в 1453 г.

мирный договор с Англией не был заключен, и современники не могли знать, что Столетняя война завершена. Тем не менее не всем им пришлось по душе произошедшие перемены. В знаменитом пассаже своей «Истории Карла VII» нормандский епископ Тома Базен высказывается о них в критическом духе. В строках, написанных накануне 1475 г., он говорит: «С незапамятных времен французское королевство содержало традиционную армию впечатляющей величины: она состояла из знатных людей королевства. Всякий раз, когда король требовал от них службы, он собирал из знати войско более, чем в 50 000 всадников, не считая несметного числа пехотинцев, которых он мог набрать при необходимости. Благосостояние государства, как кажется, не таково, чтобы в дополнение к этой обычной армии, в которую народ вносит свой вклад налогами и традиционной службой, вербовалась другая наемная армия, которая состояла бы на жалованьи и получала бы обычную плату даже в мирное время, когда отсутствует угроза войны». Именно бремя налогов, необходимых для содержания постоянной армии, казалось Базену признаком рабства: «И, таким образом, французское королевство, — пишет он, — некогда бывшее землей знати и свободы, под предлогом необходимости содержать эту армию на королевском жалованьи было ввергнуто в пучину рабства, дани и насильственных взысканий до такой степени, что все население, по общему признанию, стало по воле короля подлежать налогообложению со стороны его казначеев, называемых генералами финансов (*generaux des finances*), и их чиновников, которые действительно успешно взимают эти налоги самым бесчеловечным образом, и никто не осмеливается возражать против этого. Ведь в глазах этих приспешников тирании попытка усомниться в данном деле представляется более опасной, чем отрицание

правды, и тот, кто каким-либо образом отваживается выразить протест, обвиняется в оскорблении величества и незамедлительно подвергается наказанию».

То, что Карлу VII удалось преуспеть там, где Карл V потерпел неудачу, было связано, прежде всего, со стабильным финансовым положением французской монархии в середине XV века. Экстраординарные налоги, введенные в последние годы правления Иоанна II, но отмененные или присваивавшиеся при Карле VI, были восстановлены, либо сделаны эффективными в 1430-х и 1440-х гг. С изгнанием англичан французская военная администрация утвердилась почти на всей территории Франции. При Карле VI это было невозможно при том положении монархии и амбициях принцев той эпохи. Если бы в 1380 г. трон унаследовал монарх, обладавший талантами Карла V, события могли бы развиваться совершенно иным образом. В английской военной организации того времени не было ничего сопоставимого с учреждением этой постоянной полевой армии. В силу того, что боевые действия в Англии не велись, а сухопутные границы находились только во Франции, королю не нужно было создавать постоянную армию на своей территории. Его потребность в людях, несущих постоянную службу, по большей части ограничивалась гарнизонами, которые были необходимы для обороны территорий, оккупируемых английским королем во Франции в результате завоевания, по условиям договора или по наследственному праву. Однако все европейские государства, за исключением Империи и Венеции, в скором времени последовали примеру Франции.

Технологические достижения, которые сделали военное снаряжение более дорогостоящим, содействовали переменам. В начале XIV века снаряжение пехотинца во Франции стоило 40 турецких су, что соответствовало плате, получаемой за 30-40 дней службы (от 1 су до 1 су 3 денье в день). К 1460 г.

стоимость снаряжения вольного лучника достигала 15 турецких ливров, и, поскольку его жалование составляло 100 турецких су в месяц, он расходовал на экипировку трехмесячное жалованье. Таким образом, когда в 1466 г. Людовик XI решил увеличить число вольных лучников с 8000 до 16000, ему пришлось пойти на чрезвычайные военные затраты в размере 120000 ливров — суммы, которая вдвое превышала обычный годовой доход короны. Примерно за 150 лет после 1300 г. цена воинских доспехов выросла с 6 до 30 ливров, хотя жалованье было поднято только с пяти до десяти денье в день: таким образом, если в 1300 г. стоимость доспехов тяжеловооруженного воина соответствовала жалованью за 24 дня, то около 1450 г. она соответствовала жалованью за два месяца. Использование пушек, ремонт, необходимый после каждой кампании, строительство лафетов, производство пороха и снарядов также стоили очень дорого, а ведь число изготовленных пушек во второй половине XV в. стремительно росло. Между 1440 и 1490 гг. затраты на

французскую королевскую артиллерию выросли в пять раз, с 10000 до 50000 ливров в год. Увеличение расходов имело глубокие социальные последствия. На протяжении первой половины XIV века войска, рекрутируемые для войн, которые велись королем, предоставлялись вассалами или подвассалами короны и состояли из рыцарей и оруженосцев. Различие между рыцарем и оруженосцем было, прежде всего, социальным, но имело и военный оттенок: рыцарь имел более полные и более современные доспехи и владел большим числом лошадей, к тому же более дорогостоящими, чем у оруженосца. Однако приблизительно с 1450 г. те же самые владельцы фьефов, призванные в ополчение (бан или арьер-бан), играли только второстепенную роль: девять из десяти служили как кутилье, глефщики и лучники, сражаясь оружием, которое считалось неблагородным. Отныне

193

Рис. 79. Сражение (XV в.)

они всего лишь обеспечивали поддержку профессионалам, которые превосходили их в искусстве ведения боя, были лучше экипированы и состояли на королевском жалованьи. Технический прогресс благоприятствовал состоятельным лицам и князьям, которые, имея в распоряжении крупные денежные суммы, занимали положение, позволявшее им укрепить свою власть. В тех случаях, когда финансовые ресурсы оказывались недостаточными — как в позднесредне-вековой империи — единство достигнуто не было. Изменения в тактике ведения боя также способствовали социальным переменам. До конца средневековья тяжеловооруженные воины, которые все без исключения принадлежали к знати, сражались верхом на коне с благородным оружием в руках — копьем или мечом. Они монополизировали в свою пользу воинский престиж: возможность сражаться в рядах тяжелой

194

конницы сама по себе служила средством продвижения по социальной лестнице, и ношение оружия на службе у принца или короля постепенно начинало рассматриваться как знак принадлежности к благородному сословию. Пехотинцы даже в тех случаях, когда они имели лучшую экипировку, лучшее оружие и получали плату, считались вспомогательной силой. Гораздо лучше было быть безвестным тяжеловооруженным воином в конном отряде, чем капитаном пехотного отряда. Однако между 1470 и 1480 гг. успех швейцарской пехоты, которая осуществляла массированные маневры, не нарушая боевого строя, послужил решительным толчком к переменам. Благородное сословие утратило свою монополию. Создание постоянных армий во всей Европе, таким образом, имело множество последствий. Оно привело к возникновению в дополнение к знати новой социальной и профессиональной прослойки. Оно отразилось на сроках войны, которая тот час же стала более продуманной, более сложной и более жестокой. Оно изменило характер международных отношений: теперь для короля Франции не было ничего проще, чем вторгнуться на территорию чужеземной провинции и оккупировать ее войсками, которые всегда находились у него под рукой. В случае иноземного вторжения он мог реагировать более быстро и более эффективно. Если войска французского короля терпели поражение в битве, это не означало окончательного разгрома, поскольку он мог в короткие сроки потребовать от городов и знати восполнить численность войска. Но, прежде всего,

постоянная армия обеспечивала ему стабильную власть в пределах самого королевства королевства. Она позволяла королю быстро подавлять восстания и служила одновременно и символом, и гарантией его могущества. Рожденная среди хаоса и потрясений Столетней войны, постоянная армия стала самым эффективным орудием абсолютной монархии.

ГЛАВА IV

ДУХ РЫЦАРСТВА, ВОЙНА И ОБЩЕСТВО

В ту эпоху война была завуалирована рыцарственной фразеологией и до некоторой степени подвержена влиянию общепризнанного рыцарского кодекса. По существу, это была доктрина рыцарского служения обществу и равенства между рыцарями. Она делала акцент на добродетелях воинской доблести, личной чести и куртуазности — предупредительного поведения по отношению к другим представителям благородного сословия — и именно она отличала их от низших слоев общества. Хотя истоки рыцарского кодекса относятся к гораздо более раннему времени, и к XIV веку жестокие реалии окружающей действительности вступили в противоречие со старыми идеалами, в те времена рыцарские представления по-прежнему все еще определяли тон литературы и в какой-то мере оказывали влияние на практическую жизнь своей эпохи. Для тех, кто задавал тон в рыцарском обществе позднего средневековья, подражание великим мужам прошлого — героям Античности, рыцарям Круглого стола и паладинам Карла Великого — было путем к славе, и именно так изображали их хронисты того времени, среди которых основными выразителями

196

идеологии рыцарства были Жан Фруассар (ум. до 1404 г.), Ангерран де Монстреле (ум. 1453 г.), Жан де Ваврен (ум. до 1474 г.), Жорж Шатлен (ум. 1475 г.) и Оливье де ла Марш (ум. 1502 г.). Эти авторы сосредоточили свое внимание на войнах и турнирах того времени, получая сведения от людей, деяния которых они описывали, а также от пурсиванов (учеников, кандидатов в герольды), герольдов и герольдмейстеров (гербовых королей), которые иногда сами были историками, подобно герольду Чандосу, герольду Берри и герольдмейстеру ордена Золотого Руна Ле-февру де Сен-Реми.

В прологе своих хроник (различные списки которых охватывают период приблизительно с 1326 г. по 1400 г.) Фруассар говорит нам о том, что он взялся за их написание «ради того, чтобы достойные и благородные ратные подвиги и победы, совершенные и одержанные в войнах Франции и Англии, были старательно записаны и сохранены для вечной памяти», а также о том, что он получил свои сведения от «доблестных мужей, рыцарей и оруженосцев (*esquires*), которые принимали участие в этих событиях, и от ряда герольдмейстеров и их маршалов, которые по праву являются и должны быть в подобных делах справедливыми судьями и рассказчиками». Монстреле (считавший себя продолжателем Фруассара и охвативший в своем повествовании период 1400-1444 гг.) был того же мнения: «Я получил свои сведения, — говорит он нам, — о каждом миге, описанном в этих хрониках, с первой книги до последней, от герольдмейстеров, герольдов и пурсиванов, служивших при многих сеньорах и во многих странах, которые по своему праву и ввиду занимаемой ими должности должны быть справедливыми и внимательными наблюдателями и добросовестными рассказчиками».

В эпоху позднего средневековья число герольдов быстро увеличивалось, и они в действительности располагали уникальными возможностями для сбора све-

197

дений. Герольды имели право не принимать участия в военных действиях на том основании, что они принадлежали к единому интернациональному ордену, которому должны хранить верность, и были связаны вассальными узами со своими начальниками (*masters*). Поэтому гербы герольдов сами по себе служили для них охранными грамотами в любом месте, с ними нельзя было обращаться как с противниками, и значит, они не могли быть захвачены в плен. Как сообщает Николай Аптон (который служил в северной Франции в 1420-х гг. и чей трактат «О военном искусстве» был написан незадолго до 1446 г.), герольдмейстеры избирались из числа пурсиванов, не менее семи лет «носивших это звание, которые в свою очередь избирались из всадников с тремя годами» опыта конной службы. Они должны были «почитать рыцарский дух и ревностно стремиться присутствовать на полях всех сражений, ... для того, чтобы отображать добросовестно и правдиво деяния противников, не отдавая предпочтения ни той, ни другой стороне в тех ратных делах и сражениях, которые происходят меж благородных мужей». Средневековое наставление герольдам содержит упоминание об обязанностях, отводившихся им на поле битвы: герольды должны были распознавать знамена противника для того, чтобы сообщать об этом своим

начальниками или рыцарям, либо другим представителям знати, которым могли потребоваться подобные сведения; они должны были записывать имена посвященных в рыцари, а также находиться как можно ближе к арене сражения, чтобы иметь возможность «видеть самые героические моменты битвы и самых доблестных бойцов на стороне каждого из противников и запоминать их эмблемы». Если войско терпело поражение, герольды брали на заметку тех, кто бежал с поля боя, подсчитывали потери и устанавливали личность наиболее важных из убитых воинов. Нетрудно понять, почему в повествовании Фруассара столь часто встречаются сцены, в описании которых

мы читаем о «новых, сияющих доспехах, знаменах, развевающихся на ветру, отрядах, скачущих в стройном порядке», или о знаменитых рыцарях, например, о сэре Джоне Чандосе «с штандартом впереди него, с отрядом вокруг него, с гербовым щитом, великим и большим, на котором вычеканен его герб»; и столь же очевидно, из каких источников хронист получал свои сведения. Аспекты войны, фиксировавшиеся герольдами, как раз в наибольшей степени соответствовали духу рыцарственной школы историков, которые писали, в первую очередь, для знати, желавшей, чтобы ее деяния были представлены достойным образом. Предпринимались также попытки ввести своего рода культ современников, проявлявших совершенные добродетели и дух рыцарственности: они нашли воплощение в ряде хвалебных жизнеописаний, среди которых наиболее достойными внимания являются биография Черного принца, написанная герольдом Джоном Чандосом, биография коннетабля Дюгеклена, созданная Кувельером, и биографии второго маршала Бусико и Жака де Лалена. «Сей честный принц, о котором я веду свой рассказ, — писал Чандос о победителе при Пуатье, — со дня своего появления на свет был полон мыслями о верности, бескорыстной отваге и кротости и был одарен доблестью». Он желал

Рис. 80.

Смерть

Бертрана Дюгеклена

199

посвятить все свои дни «заботе о справедливости и честности» и был «необычайно храбр, смел, отважен, куртуазен и так мудр». Как говорит Кувельер в произведении, которое было названо последней из «Песен о деяниях» (*chansons de geste*), Дюгеклен был самым доблестным рыцарем со времен Роланда, а его деяния достойны сопоставления с подвигами Александра, Артура, Пиппина, Годфрида Бульонского и Саладина. Эсташ Дешан идет еще дальше и добавляет его имя к списку «Девятерых героев», символу языческого и христианского рыцарства. О бургундском «славном рыцаре» (*bon chevalier*) Жаке де Лалене, рыцарские странствия которого описаны в другой «Песне о деяниях», говорится, что он был прекрасен, как Парис, благочестив, как Эней, мудр, как Улисс и пылок, как Гектор, к тому же куртуазен, великодушен и даже смиренен перед своими противниками. О младшем Бусико в хвалебной биографии, появившейся при его жизни, рассказывается, что помимо свершения незабвенных ратных подвигов, он отличался таким благочестием, что каждый день поднимался ни свет ни заря и молился в течение трех часов, дважды слушал мессу, а по пятницам всегда носил черное. По воскресным и праздничным дням он пешком совершал паломничества, беседовал на святые темы, велел читать себе вслух жития святых или повествования о «героических деяниях — римских или иных». Он вел умеренную жизнь, говорил мало — и то лишь о Боге и о святых или о рыцарственности и добродетели. Он

даже отучил своих слуг от сквернословия! Нелегкая жизнь этих воинов и государственных деятелей скрыта под обликом идеального героизма. Безусловно, реальные люди мало походили на эти портреты. Они не больше чуждались алчности и насилия, чем все остальное рыцарственное общество, однако литературные эталоны и высокие аллюзии непорочного и благородного образа жизни отвечали запросам современников.

200

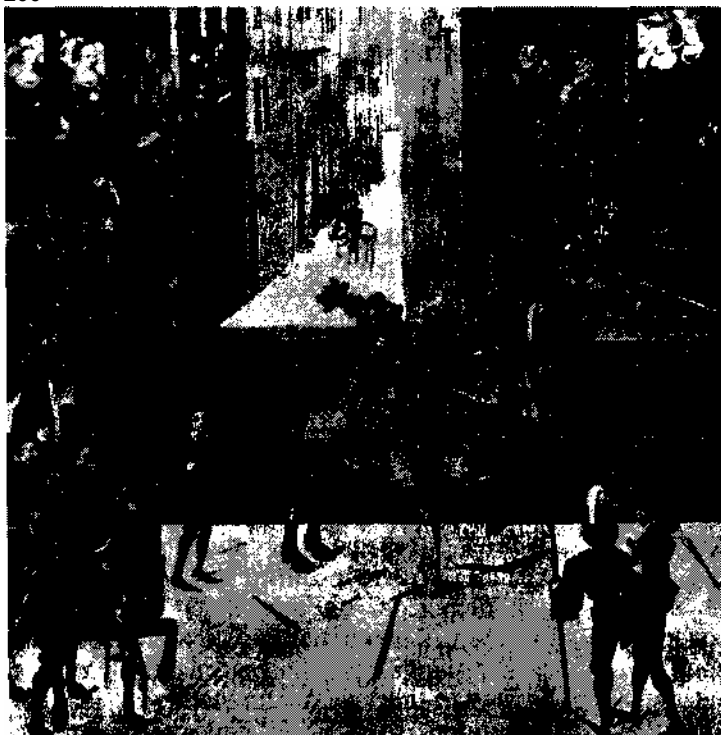

Рис. 81. Турнирный поединок, (из хроники Ваврена)

Идеалы храбрости, чести и верности были связаны не только с литературой. Эти ценности получали воплощение в турнирах, рыцарских орденах, девизах и торжественных рыцарских обетах, хотя все это постепенно стало служить династическим амбициям королей и принцев. Турнир больше не был смертоубийственной схваткой двух отрядов вооруженных рыцарей, встречавшихся в открытом поле, чтобы испытать коней и оружие, как это бывало в раннем средневековье. Проводившиеся на арене (площадке, обнесенной оградой), позднесредневековые турниры

201

были регламентированы множеством формальных правил и представляли гораздо меньшую угрозу для общественного порядка. На смену принятой в более раннюю эпоху имитации реальных сражений пришли серии поединков (см. рис. 81), которые стали служить поводом для невероятно пышных церемоний. Поединок давал возможность продемонстрировать личную отвагу, показать себя в рискованных столкновениях и завоевать рыцарскую славу. Для участия в подобном параде необходимо было обладать немалыми средствами — во многом из-за того, что рыцари носили искусно сработанные доспехи. И потому вполне естественно, что их главными патронами были влиятельные особы — Эдуард III, Иоанн II, Филипп Добрый и Карл Смелый — а самые великолепные примеры такого рода рыцарских турниров были связаны с теми случаями, когда эти персоны встречались для дипломатических переговоров, заключения брачного союза или чтобы отпраздновать победу.

Подобным образом и различные рыцарские ордена, создававшиеся в течение столетия после 1348 г., хотя и были непосредственно вдохновляемы идеалами верности, отваги и чести, вместе с тем должны были служить интересам своих основателей. В позднем средневековье существовало великое множество таких орденов. Наиболее известны среди них орден подвязки Эдуарда III (1348 г.), орден Звезды короля Иоанна (1351 г.) и орден Золотого Руна Филиппа Доброго (1430 г.), однако во Франции крупные феодалы тоже имели свои ордена и девизы: бретонский орден Горноста (1382 г.), орлеанский орден Дикобраза (1396 г.), орден Золотого Щита и Оков Узника (1414–1415 гг.) герцогов Бурбонских, орден Дракона графа Фуа (ок. 1414 г.), орден Полумесяца Рене Анжуйского (1448 г.); кроме того, свои ордена были и у представителей меньшей знати, подобно ордену Белой Дамы на Зеленом Поле второго маршала Бусико и

Рис. 82. Учреждение ордена Звезды: торжественный пир рыцарей Звезды (из Больших Хроник)

бонне, которые щеголяли девизом «меня должна получить красивейшая» (*la plus belle me doit avoir*). Королевские ордена и ордена принцев отличались от остальных более строгой формальной организацией, однако каждый орден имел свои собственный устав об основании, в котором записывались цели и намерения его создателей. Различными были также численность членов и сроки существования орденов. Если орден Подвязки процветал начиная с выдающихся побед Эдуарда III и его военачальников и существует по сей день, то орден Звезды (см. рис. 82) вскоре был предан забвению после поражения и захвата в плен его основателя. Среди целей, декларируемых при основании орденов, были служение религиозным идеалам, защита дам высшего сословия и война до гибели. Ордена имели тройной характер: они являлись почетной кастой знати, ее союзом для оказания взаимной помощи и братством, посвятившим себя делу претворения в жизнь рыцарских идеалов. Людовик де Бурбон призывал рыцарей Звезды следовать за ним повсюду, «где только возможно найти славу и достичь ее рыцарскими подвигами», а его сын требовал того же от членов Оков Узника. Орден Золотого Руна был учрежден Филиппом Добрым «во имя великой любви, питаемой нами к благородному рыцарскому ордену, честь и процветание которого зависят именно от нас ... и ради поддержания добродетели и добрых нравов». Его правила были пронизаны подлинно религиозным духом, многие из них были связаны с мессой и погребальным обрядом, и, как это было и в традициях ордена Подвязки, рыцари сидели на хорах, подобно каноникам. Однако в уставах некоторых орденов получили отражение и более серьезные политические задачи. Основание ордена Подвязки вполне могло быть связано с притязаниями Эдуарда III на Французский престол. Хотя членство в нем было ограничено, оно не было привязано к Англии, и среди первых членов этого ордена числились многие из важных французских союзников Эдуарда. Более того, патрон ордена Подвязки Святой Георгий являлся всеобщим патроном рыцарства, а голубые с золотом цвета одеяний членов ордена были цветами герба Франции. Точно так же

орден Звезды был средством более тесными узами связать французскую знать с монархией Валуа, и от рыцарей требовалось выйти из всех других орденов. Факт членства в ордене часто предполагал установление священных и особенных связей, что уже само по себе отражалось на

политических делах. Филипп Добрый отказался от чести вступить в орден Подвязки, несмотря на настойчивость герцога Бедфорда, поскольку боялся слишком сильно связать себя с Англией. Карл Смелый, принявший эту честь, был обвинен Людовиком XI в нарушении Пероннского мирного договора, запрещавшего вступать в союз с Англией без согласия короля.

Если орден Золотого Руна затмил собой все прочие, то причина была в том, что герцоги Бургундские предоставили в его распоряжение все ресурсы своего колоссального состояния. С их точки зрения, орден должен был служить не просто символом их могущества, он также мог быть использован для того, чтобы связать друг с другом разъединенные владения Бургундского дома. Для герцогов Бургундских, как и для других крупных французских феодалов, ордена и девизы, наряду с союзами, должностями и пенсиями, могли служить средством, позволяющим более прочно привязать их членов к своей особе и политике и (см. выше стр. 50): недавно было показано, как выглядит основание Золотого Руна в более широком контексте политики Филиппа Доброго по отношению к знати его владений. Бретонский Горностай с его многочисленным и разнородным составом участников служил тем же целям, и принципиальное значение имеет то, что основание этого ордена совпало с возвращением в свое охваченное междоусобной борьбой герцогство Иоанна IV, находившегося в изгнании в Англии, и с началом той политики нейтралитета в англо-французских отношениях, которую он считал существенно важной, намереваясь достичь объединения и преданности своего народа. Однако самым изумительным примером

205

создания рыцарского ордена в качестве орудия политики было основание ордена Дикобраза, служившего усилению позиций орлеанской партии и угрожавшего своими иглами бургиньонам. Сущность представления о рыцарском ордене раскрывается в торжественных обетах рыцарей. Каждый орден предполагал подобные клятвы, однако рыцарские обеты существовали и вне орденов, они приносились либо по индивидуальному решению, либо по какому-либо поводу. Согласно легенде, Дюгеклен очень часто давал подобные обеты: не принимать пищи до тех пор, пока не состоится сражение с англичанами, не снимать платья, пока он не возьмет Монконтур. В «Клятве цапли», поэме XIV века, в которой описываются празднества, устроенные при дворе Эдуарда III, когда Робер д'Артуа, по преданию, склонил короля объявить войну Филиппу VI, рассказывается о том, что граф Солсбери не открывал один глаз до тех пор, пока не совершил подвиг во Франции. Фруассар сообщал о том, что ему в действительности доводилось видеть английских рыцарей, прикрывавших один глаз тряпицей, которую они торжественно поклялись не снимать, пока не совершат героический поступок. Однако нелегко поверить, что подобные вещи могли восприниматься серьезно. Как и многие другие элементы рыцарского кодекса, они теряют свое значение при сопоставлении с серьезными военными заботами, о которых свидетельствуют «военные депеши» того времени — сообщения хронистов, чей взгляд не был замутнен рыцарскими воззрениями, и сама по себе масштабность и сложность военной организации данного периода. Даже Фруассар пишет о непрестанных изменах и проявлениях жестокости, о грабежах, мародерстве и требованиях выкупа, по-видимому, не замечая того, насколько его общие представления противоречат излагаемому им содержанию. Итак, до какой же степени поведение враждующих сторон во время англо-французских войн могло быть

206

подвержено влиянию рыцарских идеалов? Безусловно, подобные представления побуждали людей к службе и могли быть использованы князьями для достижения своих честолюбивых целей. Рыцари с нетерпением искали турниров и активно принимали в них участие, несмотря на то, что турниры становились все более декоративным состязанием и требовали все больших расходов. Обеты и девизы, а также рискованные приключения были уделом не только знатной молодежи, но и их сеньоров, и, по-видимому, во многих случаях рядовые представители знати относились к войне как к своего рода поединку. Во время длительных перемирий остававшиеся без дела бойцы отправлялись в крестовые походы в Пруссию и Литву, чтобы присоединиться к рыцарям Тевтонского ордена в их борьбе с дикими славянами, или воевать с маврами в Испании и Северной Африке. Подобно Благородному рыцарю Чосера, дом Ланкастеров располагает тому примечательным подтверждением, хотя оно и имеет дипломатическое происхождение. В 1396 г. герцоги Бургундские организовали и финансировали крестовый поход в Болгарию против турок: пусть даже его цель в такой же мере состояла в том, чтобы прославить их в Западной Европе, как и в том, чтобы защитить христианство. И Эдуард III, и Генрих V пытались разрешить свой спор с

домом Валуа, вызывая своих противников на поединок «для того, чтобы избежать пролития христианской крови и гибели людей», однако следует заметить, что подобные вызовы, как и при других поединках, нередких между князьями, никогда ни к чему не приводили.

Подобного рода предложения иногда делались участникам сражений между небольшими отрядами, воюющими на стороне противников, и такие случаи действительно имели место, в их числе знаменитая «Битва тридцати» при Пльоермеле в Бретани между французами во главе с Бомануаром и отрядом из тридцати человек, англичан, бретонцев и немцев, под командо-

ванием некоего Бамборо. У Фруассара английский капитан восклицает перед началом битвы: «Так давайте же здесь испытаем себя и свершим столь многое, что люди будут говорить об этом в будущие времена в усадьбах и дворцах, в общественных местах и всюду по всему миру»; однако далее хронист говорит и о том, что «одни увидели в этом отвагу, а другие сочли это позором и чрезмерной самонадеянностью». Подобные вызовы соответствовали духу традиции, в рамках которой война рассматривалась как серия единообразных столкновений, проводимых таким образом, чтобы дать возможность проявить свою отвагу отдельным участникам-рыцарям. Лобовая схватка считалась самым беспристрастным судом, и во время осады Кале Вильгельм д'Эно предлагал заключить трехдневное перемирие, чтобы соорудить мост, который позволил бы английским и французским войсками встретиться в битве. Не стоит и говорить, что его совету никто не последовал. Таким образом, в тех случаях, когда рыцарственное мировоззрение влияло на ход военных действий, оно препятствовало эффективному ведению войны; оно делало акцент на манере совершения тех или иных действий, а не на их итоге, на славе, а не на «результатах». Мы видели, что англичане во многом были обязаны своими победами в великих сражениях при Креси, Пуатье и Азенкуре использованию с грамотно выбранной оборонительной позиции неблагородного оружия, длинного лука, против рыцарского способа атаки, конного натиска. Использование спешенных тяжеловооруженных воинов, все более разнообразное применение пушек и рост их значения, увеличение стоимости военного снаряжения и окончательное превращение пехоты в основную тактическую силу нанесли урон военной монополии рыцарского сословия и сделали бессмысленными рыцарственные условности (см. выше гл. 3). Кроме того, характер грабительского похода (*chevauche*), по самой своей

природе, был противен духу рыцарства (см. ниже стр. 152).

Уже сам факт, что многие отправлялись на войну ради получения денежного вознаграждения, противоречил рыцарским идеалам. Получение выкупов и приобретение добычи в действительности составляли подлинное содержание войны. Воин эпохи позднего средневековья редко сражался исключительно во имя короля и чести, либо ради достижения славы, не говоря уже о бессмертии. Он сражался ради самого себя, так как прекрасно знал, что война, и в особенности удачная война, может быть очень выгодным делом. «Знаете ли вы, что я живу войной и мир меня погубит», — такие слова приписывались сэру Джону Хоквуду, английскому кондотьеру, прославившемуся в Италии. О том, какие возможности открывались перед солдатами благодаря грабежу, свидетельствует не только его жизненный путь, но и судьбы Ноллиса, Чандоса, Колвли и Фастольфа. Все военные были охвачены стремлением к наживе и были установлены строгие правила, касавшиеся справедливого разделения добычи. В английских армиях военные контракты обычно включали пункты об условиях дележа военной добычи, и потому экспедиции XIV века, зачастую финансировавшиеся королем совместно с заключающими с ним договор капитанами, в чем-то были подобны акционерным предприятиям. К концу правления Эдуарда III солдаты обычно отдавали треть получаемой ими прибыли своим непосредственным начальникам, и те, в свою очередь, отдавали треть от этого — девятую долю от первоначальной добычи — королю вместе с третьей своих собственных доходов; хотя некоторые капитаны забирали себе даже половину. И английские, и французские военные отряды имели своих «бутиньеров», назначавшихся для надзора за распределением добычи (*butin*), захваченной во время удачного похода, и как мы уже видели (см. выше стр. 185), в XV веке при каждом английском гар-

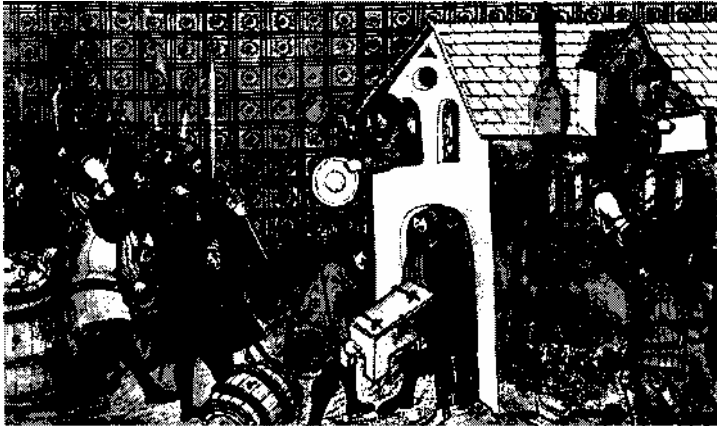

Рис. 83. Разграбление дома (конец XIV в.)

низоне в северной Франции постоянно находился контролер, который фиксировал доходы капитана и его подчиненных для того, чтобы король обязательно получил свою третью часть. Таким образом, все военные любого ранга, от короля до последнего солдата, имели возможность получить свою долю материальных военных доходов, а некоторые рыцари и оруженосцы объединялись в братства по оружию для оказания взаимной помощи и содействия, общего участия в прибыли и совместной выплаты выкупа в том случае, если кто-либо из них попадет во вражеский плен.

Военная прибыль, в основном, была двух видов: это выкупы, получаемые за пленников, и добыча, захватываемая в церквах, домах и снимаемая с тел убитых и живых в ходе сражения (см. рис. 83). Выкуп представлял собой самую выгодную форму грабежа, поскольку у каждого человека была своя цена. Суммы, запрашиваемые за самых важных пленников были колоссальны: выкуп за французского короля Иоанна и шотландского короля Давида II составил соответственно 500000 и 100000 марок (66666 ливров 13 су 4 денье) и в обоих случаях существенная часть тре-

210

Рис. 84. Пленение Карла Блуаского при Ла-Рош-Деррьен (1347 г.) (из хроник Фруассара)

буемой суммы была выплачена. Конечно, подобные цифры были исключением, однако за важных знатных особ нередко запрашивали выкуп, выражавшийся четырехзначной цифрой. По очевидным политическим мотивам самых знатных пленников обычно забирали себе король, при этом захватившим их в плен лицам выплачивалась компенсация. Сэр Томас Дагворт получил 25 000 золотых экю за пленение Карла Блуаского при Ла-Рош-Деррьен (см. рис. 84). Четырнадцать знатных особ, захваченных в сражении при Пуатье, были от имени короля выкуплены у лиц, взявших их в плен, Черным принцем за 66000 фунтов стерлингов и после этого отправлены через Бордо в Плимут вместе с королем Иоанном для того, чтобы добиться от французов самых выгодных условий. Точно так же

и после Азенкура, хотя многие из оставшихся в живых пленников были уступлены в Кале за более или менее значительную сумму,¹ самых знатных из них увезли в Англию. Иногда пленники, не относившиеся к числу важных особ, тоже могли в итоге достаться королю — до этого они проходили через руки многих владельцев, поскольку выкупы были очень распространенным и ходким предметом торговли.

Однако для большинства войск основным источником финансовых доходов была награбленная добыча. Как свидетельствует Фруассар, армия Ланкастера вернулась из набега на Пуату в 1346 г. «до такой степени нагруженной добром, что они не считали тканей, кроме золотой и серебряной парчи, и тех, что были отделаны мехом», а Ульсингэм сообщает нам, что в стране не было ни одной женщины, которая не носила бы нарядов из добычи, захваченной в Кане, Кале или в другом городе тех мест. Хотя некоторые военачальники пытались уберечь церкви, грабеж был общепризнанным правом солдат. Начиная с Черного принца, присвоившего себе драгоценности короля Иоанна, до рядовых солдат, нашедших в Нормандии такое изобилие добычи, что они безговали добротными подбитыми мехом платьями, — все с пылом посвящало себя делу разграбления Франции, что для большинства военных служило основным стимулом к службе. Однако удача вероломна, и слишком часто английские историки делали вид, что поток выкупов и трофеев тек только в одну сторону. Даже самые известные из английских капитанов, в том числе Нол-лис, Колвли, Перси и Фельтон, провели часть своих жизней в руках противника, израсходовав какую-то долю добытого нечестным путем состояния на то, чтобы выкупить свою свободу; и в деле разграбления территории противника французам нечему было учиться у англичан, хотя они и занимались этим во Франции. Не гарантированная добыча соблазняла людей принимать участие в войне, но надежда на счастливый

212

случай, всего лишь один из сотни, на шанс сорвать главный куш.

Бок о бок с великолепием двора, рыцарскими деяниями и благородными ратными подвигами мы не можем не увидеть жажду наживы, опустошения, произведенные длительной войной и принесенные ею горести и страдания. «В его время, — писал Тома Базен о правлении Карла VII, — в результате бесконечных войн, внутренних и внешних, равно как и по причине нерадивости и бездействия тех, кому было поручено вести его дела и командовать войсками по его приказу, и вследствие отсутствия дисциплины и порядка в военных делах, а также из-за алчности и распущенности воинов, названное королевство было настолько разорено, что от Луары до Сены крестьяне были либо перебиты, либо вынуждены взяться за оружие. Большинство полей долгое время — многие годы — не просто оставались необработанными, но не было достаточного числа людей, чтобы вспахать их, за исключением немногих разрозненных клочков земли в тех случаях, когда вообще невозможно было возделывать поля вне крепостных стен больших и малых городов и замков из-за частых набегов разбойников. Мы своими глазами видели обширные равнины Шампани, Боса, Бри, Гатине, Шартра, Дрё, Мэна и Перша, Вексена (как французского, так и нормандского), Бовези, Пеи-де-Ко, от Сены до Амьена и Абвиля, окрестности Санлиса, Суассона и Валуа до самого Лана и далее в сторону Эно, которые совершенно опустошены, не обработаны, заброшены, покинуты людьми и заросли кустарником и ежевикой; а в более лесистых районах поднимались густые леса. И в великом множестве мест возникало опасение, что следы подобного запустения будут сохраняться долгое время и будут видны до тех пор, пока божественное провидение не проявит большую заботу о делах этого мира».

213

Возможно, Базен переоценивает положение дел, как бы ни были верны его наблюдения, и в ряде современных исторических трудов были предприняты попытки показать, что влияние разрушений, причиняемых войной, на экономическую ситуацию позднего средневековья было не так велико, как полагалось ранее. Это был один из источников бедствий, ужасный оттого, что совпал с прочими невзгодами: болезнями, плохими урожаями, голодом, чумой, финансовой нестабильностью и другими тяготами и невзгодами, от которых страдало общество в эпоху позднего средневековья. Вместе с тем разрушения, приносимые военными действиями, не затрагивали в равной мере всю страну, но были сконцентрированы в определенных областях: на пути крупных кампаний и набегов, в пограничных регионах и в окрестностях замков и крепостей, занятых наемниками и вольными компаниями (см. карту IV и след.). К тому же война не велась постоянно, она была ограничена во времени точно так же, как и в пространстве. Длительные периоды перемирий, финансовые трудности и суровые зимы препятствовали частому проведению кампаний, хотя и не мешали продолжению столкновений на границе и незаконных набегов. Более того, театры военных действий на протяжении столетия существенно менялись, лишь немногие регионы были полностью охвачены войной. Было подсчитано, что за все время войны Борделе едва ли терпело

214

ущерб более двадцати трех лет, и даже в эти годы разрушения продолжались недолго: либо их прерывало наступление зимы, либо прекращались военные действия, либо войска отводились в соседние провинции. Эта земля не знала бесчинств наемников до того, как там появились Андре де Рибе в 1432 г. и шестью годами позже — Родриго де Вилландрандо. В противоположной части королевства, в районе Центрального массива, в окрестностях Велея, регион, простиравшийся к западу от Луары и вокруг Ле-Пюи, страдал под властью наемных отрядов, оккупировавших крепости в Оверни и Жеводане, тогда как центральные и восточные провинции по всему течению реки почти не были затронуты войной. В окрестностях Парижа самые тяжелые бедствия XIV века ограничивались несколькими страшными годами: 1348-1349 гг., связанными с «Черной смертью» и 1358-1360 гг., на которые пришлось Жакерия, гражданская война и вторжение англичан. С другой стороны, в XV веке этот регион пережил самые ужасные тридцать лет в своей истории: социальные потрясения, конфликт между арманьяками и бургиньонами, война с англичанами, иноземная оккупация, бесконечные эпидемии. Бедствия тех лет постоянно описывал в своем дневнике неизвестный парижский горожанин, который пережил все эти невзгоды: его повествование порой тяжеловесно, но тем не менее очень лично, человечно и необычайно волнующе. Однако судьба Парижа в первые десятилетия XV века была столь же малотипичной для остальной Франции, как и для всех прочих мест. Было бы ошибкой воображать что все сто лет прошли посреди разрушений и страданий. Некоторые области претерпели значительные бедствия, продолжавшиеся в течение длительного времени, но на войне, как и во всех других видах человеческой деятельности, наряду с плохими встречались и хорошие люди, что порой приводило к заметным различиям. Базен сам сообщает нам, что «Бессен и Кон-

215

тантен, а также Нижняя Нормандия, которые находились под властью англичан, были расположены достаточно далеко от линии оборонительных укреплений противника, меньше и не так часто подвергались разбойничьим набегам, оставаясь несколько лучше возделанными и населенными», чем вся остальная Франция, «хотя зачастую находились под гнетом великой бедности». Базен дает нам понять, что отчасти это являлось заслугой герцога Бедфорда, который, по словам хрониста, был «храбр, человечен и справедлив; он был очень благосклонен к послушным ему французским господам и заботился о том, чтобы вознаградить их по заслугам. До конца его дней нормандцы и французы в этой части королевства питали к нему чувство великой привязанности». Трагедия была в том, что очень немногие люди обладали такими достоинствами, как Бедфорд.

Но сколько бы ни говорили о том, что война сыграла не самую важную роль в состоянии французского общества эпохи позднего средневековья, в литературе того времени, в хрониках, трактатах, письмах и песнях, равно как и в законодательных, финансовых и других центральных и региональных правительственных документах война представляется главным источником всех несчастий и страданий той эпохи, даже более часто, чем повторяющиеся вспышки чумы и голода. Взятые вместе, эти тексты рисуют картину материальных разрушений настолько колоссальных,

что они не поддаются никаким попыткам исчисления; многочисленные свидетельства говорят о сожженных деревнях и разоренных жилищах, об убийствах и грабежах, о беженцах, скитающихся по дорогам охваченных войной районов. Война приносила не только разрушения, но ужас, горечь и жестокость. Возможно, самые страшные ее последствия проявились в умонастроении той эпохи, в острых жизненных контрастах, в страхах и взбудораженности людей, страдавших от чувства тревоги, порожденного насилием и жестокостью.

216

Сильнее всего страдало от тягот войн сельское население, особенно крестьяне, терпевшие ущерб как от крупных кампаний того времени, так и от позиционных, но не прекращающихся гарнизонных столкновений, которые вынуждали их покидать свои земли. Если окруженные стенами города находились в относительной безопасности, то открытая сельская местность — так называемые *plat pays* (ровные земли) — были беззащитны против грабительских набегов войск. Церкви, дома и найденное в них движимое имущество, урожай, животные, вина, фруктовые деревья, скот, оружия труда, сами крестьяне — все это было легкой добычей. Единственный способ защитить себя, к которому прибегали всегда, когда вовремя узнавали о грозившей опасности, заключался в том, чтобы укрыться в соседней крепости или укрепленном городе, захватив то имущество, которое можно было унести с собой. По распоряжению Карла V это должно было делаться из политических соображений, однако, в силу объективных обстоятельств, невозможно было принять всех, и кто-то оставался за пределами городских стен. Некоторые находили убежище в пещерах, и многие подземные ходы, порой достаточно хитроумные, ведущие в укрепленные церкви, замки и частные дома, или более простые в сельской местности, восходят к этому периоду. Другие, подобно приору Брельского монастыря в епархии Санса, бежали в леса, где строили себе хижины. «Однако об этом стало известно англичанам, и они яростно отыскивали эти убежища, прочесывая леса и убивая там множество людей. Одних они убили, других захватили в плен, хотя некоторым удалось бежать», — писал он своему другу, и завершал это письмо такими словами: «Писано ... в год 1359, за моим амбаром, поскольку это единственное безопасное место. Доводилось ли вам когда-нибудь претерпевать невзгоды, подобные моим, вам, живущим в городах и замках? Прощай. Гуго».

217

В крупных грабительских походах XIV века были задействованы относительно небольшие силы, способные к более быстрому передвижению. Они глубоко проникали на территорию противника, захватывая мелкие поселения, которые можно было взять штурмом, однако оставляя в стороне центры подлинного сопротивления, и возвращались на базу до того, как успевало подтянуться достаточно сильное войско для их перехвата. Эти набеги должны были лишать противника его ресурсов за счет опустошения сельской местности, поджога незащищенных деревень, небольших городов и окрестностей укрепленных городов. Осады не начинали, потому что они требовали длительного времени, большого числа людей и немалых денег; столкновений с противником, когда это было возможно, следовало избегать ввиду возможных последствий. Войскам с неизбежностью приходилось жить за счет земель, по которым они проходили; очень часто они не получали своей платы и грабеж превращался в их основное занятие. Забрав все, что

представлялось им ценным и что они могли унести с собой, остальное предавали огню. Личная и государственная выгода в этих предприятиях шли рука об руку. Тем, кто оставался за пределами крепостных стен в крупных и мелких деревнях, надеяться было не на что.

Рис. 86. Сиена сражения (нач. XV в.)

218

«В понедельник, накануне дня Святого Матфея, — писал Эдуард III (см. рис. 5) своему сыну и совету в Лондон о Тьерашской кампании 1339 г., — мы покинули Валансьен, и в тот же день войска начали сжигать поселения и окрестности в Камбрези, и они сжигали их на протяжении всей недели, так что страна полностью опустошена, в ней не осталось ни зерна, ни скота, ни иного добра... В следующий четверг мы достигли Маркуана, который расположен между Камбре и Францией, и в тот же день наши люди начали поджигать уголья во Франции; и мы слышали, что названный господин Филипп (Валуа) приближается к нам и находится у Перонна, направляясь в Нуайон... Так проходил день за днем: наши люди выжигали и опустошали сельскую округу на двенадцать или четырнадцать лиг окрест». Английский хронист Джеффри Бейкер рассказывает нам о том, что за время кампании, продолжавшейся пять недель, были опустошены Камбрези, Вермандуа и Тьераш; остались нетронутыми только укрепленные города, церкви и замки; жители бежали от врага. Другие хронисты повествуют о том же. «Камбрези был страшно разорен», — пишет льежец Жан ле Бель. «Все деревни пылали», — добавляет Жан Клирик из Антверпена. Найтон, Ланеркостская и Хемингбурская хроники подтверждают их слова о опустошениях, сопровождавших военные операции.

Прекрасным подтверждением этим свидетельствам служит архив благотворительной миссии, возглавленной Бертраном Кари, в разоренных областях Камбре, Вермандуа и Тьераша; эту миссию организовал папа Бенедикт XII после завершения кампании. Кари распределял денежную помощь между наиболее пострадавшими в зависимости от их социального положения и нынешнего состояния и проводил различие между теми, кто пострадал от вражеского нашествия, и теми, чье бедственное положение имело иную причину. По-

219

этому его отчет представляет особый интерес для оценки итогов годичной кампании. В четырех епархиях — Ланской, Реймской, Нуайонской и Камбрейской — были разорены в ходе вторжения 174 прихода. Пострадали многие монастыри, гостеприимные дома и церкви; но гораздо более сильный урон понесли незащищенные сельские поселения, которые были сожжены, разграблены и превращены в пустыню (*sot-buste, depredate, vastate*). Не просто целые деревни были преданы огню, но все движимое имущество, которое не удалось унести с собой, было отобрано и сожжено (*et bona populi apportata et combusta*). Среди тех, кто получил милостыню были и представители знати, и клирики, однако подавляющее большинство составляли ремесленники и крестьяне. В документах засвидетельствовано положение этих людей: старики, вдовы и немощные, люди, имевшие детей или содержавшие сирот; иногда также указан размер нанесенного им ущерба. Некоторые беженцы, которые, пытаясь спастись, бежали на земли в окрестностях Сен-Кантена, были совершенно разорены, иные до последней крайности. В общей сложности Кари оказал помощь 7879 жертвам. Для погибших он ничего не мог сделать.

Однако Тьерашская кампания едва ли была ужаснее других. «Наш путь пролегал, — сообщал Черный принц (см. рис. 76) в депеше, описывая свою первую кампанию в Аквитании осенью 1355 г., — через земли Тулузы, где были сожжены и разрушены многие добрые города и укрепления, ибо земля эта была богата и изобильна». В Каркассонне (см. рис. 87) замок был слишком хорошо укрепленным, чтобы захватить его, однако целый день был потрачен на то, чтобы «сжечь город так, что он был полностью уничтожен». Сэр Джон Венгфельд, приближенный принца, писал в том же тоне: «И да будет вам доподлинно известно, что с самого начала войны против короля Франции нигде

220

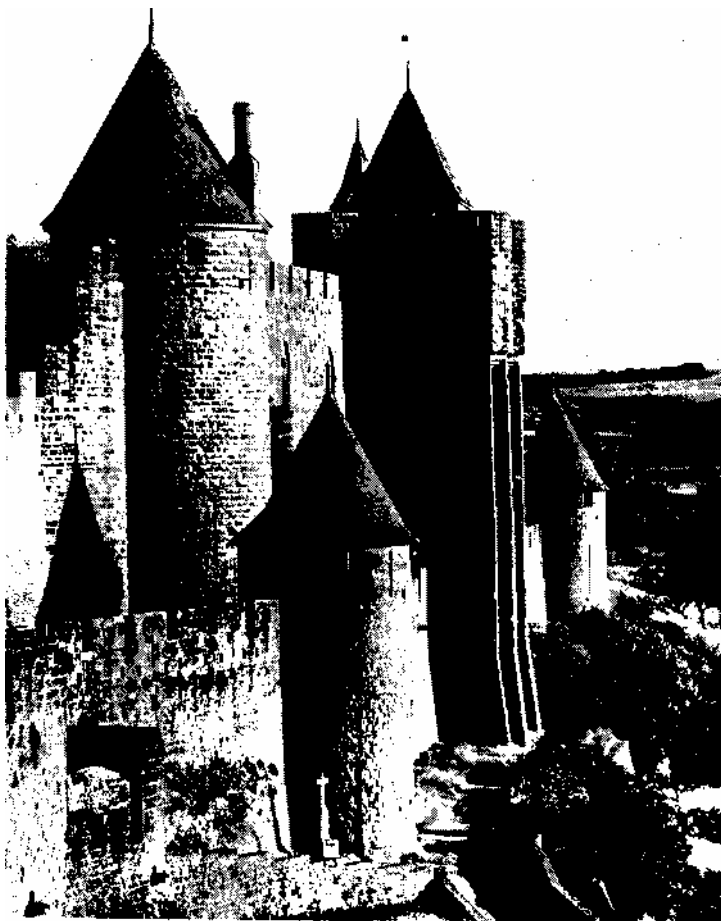

Рис. 87. Средневековые крепостные сооружения в Каркассонне

не было учинено такого разорения и таких разрушений, как во время этого рейда», и у него не возникает никаких сомнений относительно пользы причиненного ущерба для англичан.

«Поскольку, — продолжает

он, — эти земли каждый год давали королю Франции для того, чтобы он мог продолжать войну, больше (доходов), чем половина королевства..., что я могу показать вам при посредстве добротных отчетов, обнаруженных нами в различных городах в домах сборщиков податей», и затем приступает к перечислению подробностей.

Вполне возможно, что военные операции англичан постепенно становились все более опустошительными. Описывая крупную кампанию, проведенную Эдуардом III в 1346 г., Бейкер говорит о поджогах девять раз, однако использует одно и то же слово (*comburo*); повествуя о первой кампании Черного принца на юге в 1355 г. он семнадцать раз упоминает об этой практике, но прибегает для ее описания к дюжине различных выражений (сжечь, предать огню, сжечь до тла и т. д.). И хотя в последней кампании короля Эдуарда зимой 1359-1360 гг. обращают на себя внимание мирный характер продвижения к Реймсу, где предполагалось провести церемонию коронации, и сопровождавший его огромный обоз; тем не менее после крушения этих невероятных замыслов, восстановив свои силы в Бургундии, войска двинулись на Париж, «сжигая, убивая и уничтожая все на своем пути». Жан де Ванетт, крестьянский мальчик из деревни в окрестностях Компьеня, преуспевший в этом мире настолько, что достиг положения настоятеля монастыря кармелитов в Париже и главы французского отделения ордена, оставил леденящее душу описание осады Парижа Эдуардом III на Пасху 1360 г., свидетелем которого он стал: «В год после Рождества Христова 1360, Эдуард, король Англии, его старший сын, принц Уэльский, и герцог Ланкастер покинули Бургундию и вступили на территорию Франции. Они прошли через Ниверне, где ими была сожжены и опустошены все окрестности. Затем, к Пасхальной неделе, они достигли Шартра и

222

Монлери в шести лигах от Парижа... Все в ужасе бежали и укрылись в Париже или в других местах. Жители трех предместий Парижа — Сен-Жермен-де-Пре, Нотр-Дам-де-Шамп и Сен-Марсо — покинули свои дома и укрылись в городе. В страстную субботу знаменитая скотобойня Сен-Марсо была перенесена на Плас-Мобер вблизи монастыря кармелитов, и ско-

тобойня Сен-Жермена также была перенесена в пределы городских стен... В пятницу и Великую Страстную субботу англичане подожгли поселение при Монлери и Лонжюмо и многие другие городки в их окрестностях. Из Парижа были видны дым и языки пламени, вздымавшиеся из городов к небесам во многих местах. Оттуда бежала большая часть сельских жителей. Горестно было видеть обездоленных мужчин, женщин и детей. В пасхальное воскресенье я своими глазами видел священников десяти сельских приходов, которые причащали свою паству и справляли Пасху в различных часовнях или просто там, где им удалось найти себе место, в монастыре братьев-кармелитов в Париже. На следующий день благородные господа и именитые горожане Парижа приказали поджечь предместья Сен-Жермен, Нотр-Дам-де-Шамп и Сен-Марсо. Было дано позволение всем выносить все, что можно, из домов: дерево, железо, черепицу и прочие материалы; идти открыто и грабить. Нашлось много таких, кто был готов сделать это и поспешил исполнить эдикт. И тогда можно было видеть тех, кто радовался своей добыче и тех, кто стонал, оплакивая свои потери». После возобновления войны в 1369 г. французы перехватили инициативу. В начале 1370-х гг. ими была отвоевана большая часть Аквитании, морские набеги терроризировали южное побережье Англии, и возникла вполне реальная угроза французского вторжения на остров (см. выше стр. 89). Соответственно, военная политика англичан в этот период приняла наступательно-оборонительный характер. Три крупных

223

похода этого десятилетия — сэра Роберта Ноллиса в 1370 г., Джона Гонта в 1373 г. и графа Бекингема в 1380 г. — были спланированы с целью втянуть французов в военные действия на континенте и не допустить их вторжения в Англию и вместе с тем нанести как можно больший урон ресурсам противника. Все эти кампании были предприняты летом, до сбора урожая, и их маршруты пролегли через Пикардию, Вермандуа и Шампань, достигая окрестностей Труа, и почти соответствовали пути, пройденному войсками Эдуарда III в 1359-1360 гг. (см. карту VIII). Из-за финансовых трудностей английского правительства, казначейство не выплачивало войскам жалованье, но они должны были получать плату из поступлений от выкупов и трофеев, добытых в ходе военных операций. С этой целью назначались особые сборщики и кассиры, подчинявшиеся казначейству. Проводившиеся таким образом кампании почти не отличались от узаконенного разбоя и больше всего напоминали деятельность вольных отрядов. Среди завербованных на службу людей были самые закоренелые преступники и последние подонки Англии, и кампанию 1370 г. возглавлял человек, который был всего лишь выбившимся в люди вольным наемником. Вне всякого сомнения, это были самые ужасные рейды XIV столетия, и именно с такой целью они планировались.

Но они не были исключением. Не только армии Эдуарда III опустошали земли. Ущерб, причиняемый, вольными компаниями, возможно, был гораздо более серьезным, и неменьшие бедствия, по-видимому, приносили сами французы. Однако в XV веке характер военных действий изменился, и после Азенкурской кампании (в ходе которой была с точностью воспроизведена стратегия экспедиции Креси-Кале) грабительский поход (*chevauchee*) перестал быть основным способом ведения войны. После 1427 г. в связи с завоеванием Нормандии начинается и затем узаконивается

224

договором, заключенным в Труа, систематическая оккупация французских земель именем двуединой монархии. Соответственно, стратегия войны становится стратегией осад, мирного расширения границ и оккупации дофинистских территорий на юге. Эдуард III пытался осуществить нечто подобное в XIV веке в Бретани, однако он не смог оккупировать все герцогство из-за недостатка финансовых ресурсов и неспособности адаптировать организацию экспедиционных сил к нуждам оккупации. При Генрихе V и Бедфорде в этом направлении было сделано очень многое, и к 1435 г., по видимому, был достигнут медленный, но успешный результат. Однако в 1435 г. стратегия Генриха V была подвергнута критике. Сэр Джон Фас-тольф, один из самых опытных военных капитанов, полагал, что политика завоевания и консолидации земель путем содержания на них гарнизонов приводит к слишком большим расходам. Он выступал сторонником возвращения к политике выжженной земли, проводившейся в ходе походов (*chevauchees*) предшествовавшего столетия, политике террора и разорения:

«...Во-первых, мне кажется... что король не должен ни предпринимать осад, ни завоевывать земли за пределами Нормандии...; поскольку в прошлом осады служили заметной помехой его завоеваниям, он терял своих людей и бесполезными расходами истощал свои финансовые источники как в Англии, так и во Франции и в Нормандии. Ибо ни один король не может завоевать большое королевство путем длительных осад... Далее, ...представляется вполне разумным ради того, чтобы завоевания короля были быстрыми и успешными, а враги его были повержены, поставить двух достойных военачальников, осмотрительных и единомышленников, поручив каждому из них семьсот пятьдесят копий отборных воинов, ... с тем, чтобы они начинали разорение [т. е. chevauche] с начала июня и продол-

225

жали до начала ноября, ...выжигая и опустошая все земли на своем пути, уничтожая и дома, и зерно, и вина, и все деревья, приносящие плоды для человеческого пропитания, и всякая живность [т. е. скот], которую нельзя угнать, должны уничтожаться... И наконец, я полагаю... что такая война должна вестись с достаточной силой на протяжении не менее трех лет, чтобы таким образом довести врагов до крайнего голода...»

Однако совет Фастольфа не был принят, и оккупация городов, замков и крепостей по мере расширения пограничных зон, занятых каждой из сторон, продолжала оставаться главной характерной чертой войны. Это имело глубокие последствия для мирного населения, поскольку, как бы ужасны, вне всякого сомнения, ни были итоги грабительских походов, больше всего во Франции, по-видимому, пострадали пограничные регионы (см. карты IV, V, VI), где размещались гарнизоны враждующих сторон, зачастую выходившие из-под надзора центральной администрации и с большим трудом подчинявшиеся власти наместников. В годы крупных кампаний XIV века четких границ не существовало, однако в периоды длительных перемирий и в условиях военных действий XV века они тщательно определялись. Большая часть походов XIV века и многие осадные операции в XV веке были кратковременными. Очень часто, если не всегда, они завершались либо из-за прихода зимы, либо из-за того, что содержание на королевском жалованьи крупного войска в течение какого-либо времени требовало непомерных расходов. Однако позиционные гарнизонные боевые действия в пограничных районах не прекращались, и войска вынуждены были содержать себя за счет взимания поборов с сельской округи в окрестностях своих штаб-квартир. Землями, расположенными за линией фронта, могли управлять более мирным путем, однако в тех регионах, где сталкивались

226

противоборствующие силы и обладатели различных полномочий и судебных властей, центральная власть была слаба и царили насилие и разрушения. Фруассар писал о границе между Пуату и Сетонжем, что «города и замки были перетасованы между собой: один принадлежал англичанам, другой — французам, которые постоянно совершали набеги и грабили друг друга без меры». Именно в этих областях с большей вероятностью можно было обрести и утратить удачу, нежели в великих битвах, которые были редки и во время которых шансы составляли один к ста.

Положение в пограничных регионах было еще более тяжелым из-за системы выкупов (rangons) и сборов (appatis), когда гарнизоны жили за счет дани, взимаемой с земли противника. Этот способ финансирования войск уже действовал в Бретани в 1340-х гг., а в 1350-х гг. начал быстро распространяться на всей территории Франции; после битвы при Пуатье независимые англо-наваррские войска стали повсеместно занимать города и замки. Различное число приходов закреплялись за крепостью, и на них возлагалась обязанность выплачивать фиксированную сумму гарнизонному сборщику податей, у которого хранился список дани, причитавшейся с каждого прихода. Обычно подобные сборы уплачивались ежеквартально, частью деньгами, частью натурой, после чего каждому хозяйству выдавалась расписка (bihete, billet, bulette). Часто небольшие гарнизоны собирали доход всего лишь с нескольких приходов, однако самые важные из них нередко добивались власти над всем регионом. В Бретани в 1350-х гг. гарнизоны Бешереля и Плу-ермеля господствовали над 220 приходами; Сен-Совер-ле-Виконт в 1371 г. получал дань с 263, а Брест в 1384 г. — со 160 приходов. Власть владельцев замка Коль, находившегося к югу от бухты Бурнеф, в 1362 г. распространялась на 32 прихода, тянувшихся через «земли Реца», вдоль южного берега эстуария Луары

227

ниже Нанта и почти до самой границы Анжу. В Мон-Сен-Мишель в 1420-х и 1430-х гг. французский гарнизон собирал дань с 34 округов в материковой части Нормандии, а гарнизон Шатодена — с округов вдоль нормандской границы на шестьдесят миль к северу.

Как метод содержания войск эта система могла быть очень жестокой и, в частности, открывала возможность для злоупотреблений со стороны изолированных гарнизонов, действовавших по собственному почину. За 1381 г. городские власти Бержерака в Перигоре выплатили сумму, более чем в два раза превышавшую сборы с городов в том году, в качестве разного рода дани (*patis*, *suffertes*, *rangons*), взимаемой с них капитанами пяти различных гарнизонов. Для того, чтобы собрать наличные деньги на эти поборы, каждый горожанин был обязан выкупать у властей охранную грамоту за полфранка и «билет» за шесть шиллингов; и те и другие, по-видимому, выдавались капитанами соответствующих гарнизонов. Однако в предыдущие годы сэр Вильям Скруп, капитан Фронзака и впоследствии сенешаль Аквитании, выдавал горожанам такие грамоты по 17 су 6 денье за каждую.

Гнет был очень тяжел даже в тех случаях, когда присутствовал контроль со стороны центральных властей. Многое зависело от того, насколько произвольны были подати и каким образом они собирались (например, находились ли они в руках гражданских властей), а также от того, как быстро должна была производиться выплата и делались ли исключения в трудных ситуациях. В Мэне в 1430-х и 1440-х гг. сумма обложения, по-видимому, почти не отличалась от тальи, взимаемой королем со своих подданных. В централизованном порядке собирали дань в трех крепостях — Ле-Мане, Сен-Сюзанне и Майенне — назначавшимися на приходских собраниях местными чиновниками ответственными за сбор (*collecteurs*),

228

которые выплачивали положенные суммы сборщикам податей графства и их служащим в каждом городе. Совсем другой была ситуация в Бретани в 1350-х гг., где только часть дани взималась централизованно, а приходы, выплачивавшие дань Ванну, Плоермелю и Бешерелю были поделены на округа, в каждом из которых был свой ответственный за сбор, назначавшийся сборщиком податей герцогства и подчинявшийся военным властям (капитану и сборщику податей) каждого гарнизона. Однако главным предметом, заботившим плативших людей, была требуемая сумма. В Мэне на протяжении 1430-х гг., хотя все приходы были обложены одинаковым налогом в 17 турских ливров, он представлял собой относительно небольшую сумму (меньше двух ливров), и в этом регионе сборы, по-видимому, не вызывали особенного сопротивления. Имевшие место злоупотребления были связаны с нежеланием капитанов считаться с установленными правилами; некоторые из них, подобно Вильяму Олдхоллу во Фреснеи в 1431 г., захватывали провизию тех, кто уже заплатил свои сборы (*arratis*), и должны были понести наказание за совершенные преступления. Ситуация в Мэне в 1430-х гг. является еще одним подтверждением гуманности Бедфорда. Совершенно иначе дело обстояло в Нормандии и Бретани в XIV веке. Средняя величина налога, взимаемого с каждого прихода в качестве дани Сен-Совер-ле-Ви-контом, в 1371 г. составляла 13 ливров 13 су 4 денье (82 франка), дань, выплачивавшаяся Бресту, в 1384 г. была 37 ливров 10 су. Большая часть этих денег оседала в карманах гарнизонных капитанов и сборщиков налогов, и злоупотребления некоторых из них, например, Вильяма лорда Латимера, в Бешереле в 1360-х гг., пользовались печальной славой. Однако по данным отчетов, наихудшим было положение в Бретани в 1350-х гг., в приходах, плативших дань Ванну, Бешерелю и Плоермелю. В этом случае величина

229

налога в среднем составляла около 58 ливров с прихода, что послужило поводом к широкому восстанию, которое было жестоко подавлено; несмотря на это за финансовый год, начавшийся 29 сентября 1359 г., было собрано 10785 ливров (в среднем, по 41 ливру с прихода).

Сохранившиеся письма королевского наместника в Бретани, в которых описывается положение в герцогстве на протяжении этого года, производят угнетающее впечатление. Со многих приходов невозможно было собрать дань, потому что те были «слишком бедны и немощны». Некоторые были «бедными и заброшенными» из-за непомерных запросов и поборов (*extorcions*), взимаемых сборщиками податей и другими чиновниками, которым был поручен сбор дани, и многие приходы «бунтовали». Из округов, выплачивавших дань Плоермелю, 29 перестали платить ежеквартальные сборы и наместник герцогства с капитаном Плоермеля «часто опустошали их огнем или иным образом в наказание за это», однако приходы по-прежнему отказывались платить. В 83 приходах, плативших дань Бешерелю, люди, покидавшие свои дома для того, чтобы скрыться от сборщиков, возвращаясь, находили их разрушенными.

Положение Бретани XIV в. не было исключительным. Во времена перемирий 1380-х и 1390-х гг. пограничных областях, особенно в Гиени, происходили жуткие события. Выкупы (*ranc.ons*) и сборы (*patiz*) с сельского населения взимались настолько часто, что люди в ответ брались за

оружие или бежали из областей, обложенных данью, забирая все имущество, которое можно было унести с собой. Деревни, приходы и даже целые области обезлюдели. За отказ платить в установленные сроки капитаны карали смертью и конфискацией или сожжением имущества должников. В таких условиях перемирия постоянно нарушались, и главная проблема, стоявшая перед участниками мир-

230

ных переговоров, заключалась в том, чтобы помешать этому. Однако не только английские войска творили подобные злодеяния. Жан Жювенель дез Юрсен, епископ Бове, оставил описание зловещей картины деятельности войск дофина в его епархии в 1430-х гг. В эписколе, адресованной собранию Штатов в Блуа в 1433 г., он говорил об учиненных ими насилии и разрушениях:

«Я не хочу сказать, что названные преступления совершают только враги, потому что они также были совершены и некоторыми из тех, кто называет себя верноподданными короля, кто под предлогом сборов (arratis) или по иному поводу хватали мужчин, женщин и малых детей, не разбирая возраста и пола; насиловали жен и дочерей, уводили мужей и отцов, убивали мужей и отцов на глазах их жен и дочерей, уводили кормящих матерей, обрекая младенцев на голодную смерть; хватали священников, монахов и мирян и надевали на них колодки для воров и другие орудия пыток, называемые "обезьянами" (singes), и в таком состоянии били несчастных, отчего многие были изувечены, и некоторые лишились рассудка; эти люди так обложили деревни поборами (arratis), что бедное поселение разом должно было платить дань в восемь или девять мест, и если кто-то не платил, они приходили и предавали огню деревни и церкви, и когда хватали бедных людей, которые не могли платить, бывало, что их, скрутив цепями, бросали в реку, и так в этих местах не осталось ни одной тягловой лошади, ни иной живности».

Отчасти проблема заключалась в том, что войска, взыскивавшие дань с сельского населения, относились к ней как к обычной военной добыче, и точно так же рассматривали ее наемники и вольные компании, за которыми было практически невозможно установить контроль. Изменения, коснувшиеся в XIV веке системы вербовки войск и организации королевских

231

армий, привели к появлению отрядов профессиональных военных, не связанных феодальными обязательствами или вассальными узами, которые добывали себе средства к существованию, нанимаясь на службу к королю или другому влиятельному сеньору. В время перемирий и прекращения военных действий, когда корона не могла им платить и они оказывались «без работы», такие отряды жили за счет сельской округи, действуя по своему собственному почину и ради своей собственной выгоды — хотя при этом они непременно объявляли себя слугами какого-либо патрона (например, графов Фуа и Арманьяка, герцога Бретонского или короля Наваррского). Численность таких отрядов, подразделявшихся на «руты»* под предводительством опытных капитанов, редко превышала несколько сот человек, однако некоторые из них были хорошо организованы, отличались строгой командной иерархией. У них были свои коннетабли, секретари и казначеи, а также бутиньеры, отвечавшие за распределение добычи, и некоторые из них — как «белые отряды» Арно де Керволя — имели собственную униформу. Большие компании (grandes compagnies) 1360-х гг. подразделялись на руты по национальному признаку (английские предводители, например, именовали себя «капитанами и предводителями людей из «рут» англичан в больших компаниях»). Хотя о подобных компаниях иногда говорилось как о «больших товариществах» (grant compaignie или magna societas), они не представляли собой одного крупного отряда с единой организацией и общепризнанным лидером. Каждая рута оставалась независимой единицей, подчинявшейся своему собственному капитану, и ни один из них не пользовался высшей властью.

Эти наемники были пестрым сборищем. Среди них можно было встретить какое-то число англичан и

Rutta — отряд наемников. (Прим. ред.)

232

немцев, множество бретонцев, испанцев, больше всего гасконцев. Из числа наиболее известных капитанов Сеген де Бадфоль (ум. 1365 г.) и Арно де Керволь, прозванный «Протоирей» (ум. 1366 г.), были выходцами с берегов Дордони в Перигоре. Жоффруа Черная Голова и Бертран де Гарлон были бретонцами. Мериго Маршэ (ум. 1391 г.) был уроженцем Лимузена, Ро-дриго де Вилландрандо (ум. 1457/1458 гг.) — кастильцем, а Франсуа де Сюрьенн (ум. 1462 г.) — арагонцем. Их часто описывают как «темных авантюристов» и «людей низкого происхождения», однако среди них многие были отпрысками знатных родов — мелкой знати (petite-noblesse) —

которые потеряли былое положение в обществе или пострадали от экономического упадка тех времен и которые по причине перемирия или не имея возможности наняться на королевскую службу, выходили на большую дорогу. Ни Сегин де Бадфоль, ни Мериго Маршэ, Родриго де Вилландрандо, Джон Крессвелл, Дэвид Холгрейв, ни Роберт Ноллис не были выходцами из низших слоев общества. Их происхождение было столь же благородным, как и происхождение тех, кто занимали командные посты в королевских армиях.

Образ действия этих отрядов заключался в том, что они занимали в результате внезапного нападения два или три надежно укрепленных замка и использовали их в качестве базы для грабительских набегов на окрестности: они взымали дань с отдельных лиц и с целых приходов, реквизировали провизию, перекрывали дороги, контролировали мосты (см. рис. 88) и продавали охранные грамоты по грабительским ценам. Выжав все, что было возможно в одной области, они позволяли местным жителям откупиться от себя и перемещались в другую. Если они задерживались надолго, их поборы принимали вид отвратительных вымогательств под предлогом оказания покровительства. «Дорогие господа и добрые друзья, —

233

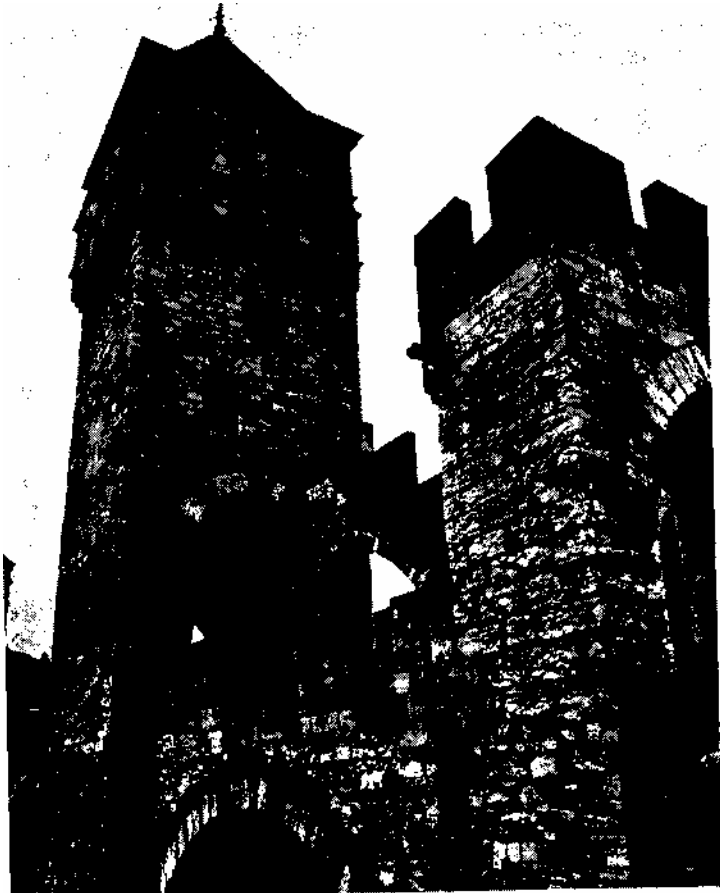

Рис. 88. Пон-Валантре, XIV в. Кагор, Керси

писал Жан де Сеньяль, капитан Банна членам правления и консулам Бержерака 12 марта 1380 г., — я довожу до вашего сведения, что, как только вы прочтете это письмо, вы отправитесь в Банн и заплатите сбор (appatisser), потому что вы ближе к Бридуару,

234

Иссижеаку и Банну, чем к любой другой английской крепости. Иначе берегитесь нас, потому что если вы не придете, мы причиним вам всяческое зло, на какое мы только способны. Отвечайте. И да убережет вас Господь». Архивы пограничных городов хранят множество подобных писем от различных людей. Самые удачливые капитаны наемников могли держать в подчинении других капитанов на значительной территории, сделав их своими наместниками и получая долю от их прибыли. О самых пресловутых из них повествует в своей неподражаемой манере Фруассар: о Мериго Маршэ, известном тем, что сборы с земель, которые он держал в повиновении, составили 20000 флоринов, о Жоффруа Черной Голове, который подчинил своей власти нижний Лимузен и Керси, пребывая в замке Вентадур — о нем говорили, что он обложил данью земли более чем на тридцать лиг окрест — и о Молеонском горбуне, заявлявшем, что ему в 1360-х гг. были покорны двадцать семь городов и замков в марках Ниверне, и хваставшемся тем, что «в них не было ни

одного рыцаря или оруженосца и ни одного богатого человека, который осмелился бы выйти из своего дома, если он не заплатил нам сбор».

Наемники были особенно опасны, когда объединялись для проведения крупных операций, подобно большим компаниям (*grandes compagnies*), образованным после заключения мира в Бретиньи, которые пересекли долины вниз по течению Соны и Роны, взяли Пон-Сент-Эспри и захватили епископа, чтобы получить выкуп, или «опоздавшие» (*Tard-Venus*) (их образное прозвище указывает на то, что они действовали на территории, уже пострадавшей от других), которые в последующие годы были грозой окрестностей Лиона. В десятилетие, последовавшее за заключением договора в Аррасе (1435-1444 гг.), когда был положен конец военным столкновениям между французскими

235

и бургундскими войсками в северной части Луары, и были расформированы гарнизоны в Шампани, все графство Бургундское, Эльзас и Лотарингия стали жертвой ужасных «живодеров», называвшихся так оттого, что они вновь и вновь терроризировали набегами уже подвергшиеся грабежу районы и лишали несчастных последней рубахи, а порой и шкуры. Наемники воевали почти во всех областях Франции (а также в Испании и Италии), однако по преимуществу состре-дотачивались в тех регионах, которые меньше пострадали от крупных кампаний и сулили более богатую добычу: на Центральном плато и в Лангедоке (см. карту VIII). Когда говорят о том, что им в массе сопутствовала огромная удача, то это почти всегда преувеличение. История сэра Джона Харлестона и его сотоварищей, пивших за успех своих набегов в Шампани в 1375 г. из сотни потиров из ограбленных церквей, — редкий случай, так же как 100000 франков, которыми Мериго Маршэ, как говорили, владел к моменту своей смерти, или 60 000, предложенные в качестве выкупа за него. Многие капитаны наемников кончили плохо. Сегин де Бадфоль был отравлен по наущению Карла Наваррского, Протоиерея убили его же люди, Пти-Мешен и Перрен де Савуа были в Тулузе утоплены в Гаронне по приказу Людовика Анжуйского, а Мериго Маршэ обезглавлен в Париже. Те, кому удалось чего-либо достичь, подобно Первосвященнику, Колвли, Ноллису, Дюгеклену, Вилланд-рандо и Грессару, больше всего прочего были обязаны своими успехами поступлением на службу к королю или герцогу, либо выгодному браку. Ибо корона не могла лишиться наиболее способных из них возможности выдвинуться, либо потому, что они командовали людьми, либо потому, что в их власти находились стратегически важные пункты.

С точки зрения тех, кто платил сборы, они представляли собой плату за военную неприкосновенность,

236

отсюда их названия: воздержание (*abstinences*), муки войны (*souffrances de guerre*). Задача населения состояла в том, чтобы обеспечить себе как можно более полные гарантии безопасности — что зачастую оказывалось нелегким делом. Почти всегда было невозможно удовлетворить запросы не связанных друг с другом отрядов, действующих по своему собственному почину, и ситуация, которая должна была быть повсеместной, обрисована Жаном Жювенелем дез Юр-сеном в эпистоле 1444 г., адресованной собранию Штатов Орлеана. После рассказа о непрекращающихся грабежах и бедствиях людей он пишет: «...Посему бедные люди всех сословий, надеясь улучшить свой жребий, решили платить сборы ближайшему гарнизону, однако тотчас же другие гарнизоны, тоже желавшие получать дань, стали терроризировать деревни набегами, и поскольку бедные люди не могли платить, они так часто покидали свои дома, что земля полностью обезлюдела, и из ста человек остался только один, и то было печальным зрелищем».

Сборы не были единственным видом дани, взимавшейся с приграничных земель. Капитаны могли также вымогать плату за охранные грамоты, пропуска и разного рода разрешения. В Мэне в 1430-х гг. подобные документы выдавались заверенными печатью Бедфорда, и доходы от их продажи поступали к герцогскому сборщику податей с графства. Его отчеты свидетельствуют о том, что многие приходы, находившиеся в английском подданстве, считали необходимым раз в квартал приобретать «билеты подданства» (*bul-letes de ligeance*) (по одному на каждое хозяйство, однако обычно выкупавшиеся совместно всем приходом) для того, чтобы оградить себя от набегов. Аббатства и другие монастыри с этой целью обязаны были приобретать охранные грамоты (*sauvegardes*) и удостоверения (*certifications*). Жители обязаны были платить как за пребывание в графстве, так и за то,

237

чтобы его покинуть. Они должны были приобретать разрешения на уход (*conges*) и охранные

грамоты для посещения территории противника (*hors cette obeis-sance*) и даже при посещении земель, обложенных сборами (*pays appatisse*), если они желали навестить родственников, совершить паломничество к святым местам или принять участие в церковных празднествах, и даже если это было связано с их работой или торговлей. Суммы, необходимые для приобретения подобных документов были различными и зависели от продолжительности пребывания и положения, занимаемого путешествующим лицом. Многие разрешения на уход были действительны только в течение месяца, и их средняя стоимость составляла 12 су 6 денье, однако зачастую она была гораздо большей. Подобно дани, сборам и прочим повинностям, возложенным на мирное население, главная беда охранных свидетельств и пропусков была в том, что они, прежде всего, могли выдаваться ради извлечения собственной прибыли самостоятельно действующим лицом. За время пребывания в должности капитана Креля в 1359-1360 гг. английский рыцарь Джон Фозерингей, как говорили, заработал 100000 франков на продаже охранных грамот лицам, путешествовавшим между Парижем и Нуайоном, Парижем и Компьенем, Парижем, Суассоном и Ланом, а также в соседние области. Однако охранные грамоты такого рода имели силу только для войск выдававшего их капитана. В тех областях, где действовали вольные отряды и в пограничных районах, как видно, приходилось приобретать целый пакет охранных свидетельств у различных капитанов. В 1358 г. человеку, направлявшемуся из Валони в Кутанс, нужно было иметь три охранных грамоты: от англичан в Сен-Совере, от наваррцев в Валони и от французов в Сен-Ло. Все это дополнительным грузом ложилось на плечи мирного населения.

238

Подобные действия считались противозаконными иначе как по «праву войны», и даже тогда формально они могли исходить только от официальных властей. Недавно было показано, насколько важен был для общества эпохи позднего средневековья правовой кодекс, известный как «право оружия». Он восходил к древней феодальной традиции и праву народов, которое в раннюю эпоху было развито из естественного закона церковными и гражданскими юристами. В рамках этого кодекса точно устанавливались обязательства воина в ходе государственных и частных войн, что служило основанием для предъявления судебных претензий относительно действий, совершенных во время войны или в ходе сражения. Оно распространялось на поведение солдат по отношению друг к другу и к противнику, армейскую дисциплину, правила, касавшиеся прав на добычу, и геральдические споры. И хотя этим законам недоставало международного органа, который следил бы за их исполнением, они применялись военными судами как часть того, что впоследствии стало считаться правом народов. Реальной основой, на которую опиралось «право оружия», однако, был не столько страх действовать противозаконно, сколько страх действовать недостойно, и оно во многом было связано с рыцарскими идеалами и обязательствами. Но хотя этот кодекс сыграл очень важную роль в формировании стандартов гуманного поведения по отношению к военным (с благородными пленниками, например, обычно обращались хорошо и отпускали их под честное слово, а практика взятия пленников с целью выкупа позволяла избегать ненужного кровопролития на поле битвы), «право оружия» почти ничего не давали мирному населению.

Предписанный образец поведения, ожидаемого от военных как в полевых армиях, так и в гарнизонных войсках, в том числе и по отношению к местному населению, устанавливался ордонасами и другими

239

правилами, издававшимися королем и его военачальниками. Наблюдение за их выполнением английскими войсками в главных полевых армиях, находившихся под командованием короля, было поручено констеблю и маршалу Англии; так, главнокомандующие назначали особых констеблей и маршалов для сопровождения вспомогательных войск. В английских полевых армиях судебное разбирательство происходило на месте и не подлежало компетенции суда констебля и маршала (Высшего суда рыцарства), который рассматривал в первую очередь вопросы, связанные с урегулированием международных споров, относящихся к сфере «право оружия». Во французских войсках, напротив, коннетабль и маршалы, каждый из которых вершил суд «мраморного стола» в Париже (*Table de Marbre*, получивший такое название в связи с тем, что суд заседал вокруг мраморного стола в одной из комнат королевского дворца на острове Сите), осуществляли судебную власть через своих наместника и прево, и этот главный прево назначал дополнительных прево, которые состояли при военачальниках в провинциях и постоянно находились в главных городах пограничных районов. Именно этим прево подавались жалобы по

поводу бесчинства солдат и по другим делам, связанным с нанесением ущерба мирному населению, и на основании их решения жалоба могла быть передана в суд главного прево при «мраморном столе» и даже в парижский парламент. Меры по регуляции поведения английских оккупационных войск различались в зависимости от региона и времени завоевания. Капитаны гарнизонных войск отвечали за все, что касалось внутренней дисциплины в их гарнизонах, но на территории противника и на оккупируемых территориях конфликты с мирным населением обычно улаживались в соответствии с обычаями страны. В XV веке в Нормандии и до некоторой степени в Мэне рассмотрение подобных дел находилось в

240

241

ведении гражданских властей — местных бальи, которые, хотя все без исключения были англичанами, обычно осуществляли судебную власть через посредство своих наместников-французов (см. выше стр. ПО). Организация местного снабжения и местных работ на нужды армии была поручена виконтам, которые являлись сугубо гражданскими чиновниками и почти все были французами. В Нормандии после 1428 г., если жалоба была предварительно зарегистрирована бальи, виконтом или другим судебным чиновником, последний был обязан расследовать преступление, о котором шла речь, и до завершения разбирательства капитан замешанных в этом деле войск не мог получать свое жалованье. Гарнизонные контролеры тщательно следили за доходами войск и, по крайней мере в правление Бедфорда, обязаны были проверять, поступает ли добыча только с вражеской территории.

Неполнота этих мер очевидна: они не затрагивали территорию противника, и было трудно добиться их соблюдения в приграничных районах, где оказывалось гораздо сложнее провести различие между своими и чужими, чем вдали от театра боевых действий. Поэтому именно там, где такого рода меры были более всего необходимы, они оказывались наименее эффективными. Более того, на французской стороне судебная власть маршальских прево (они, по существу, были военными чиновниками, под командованием которых находились отряды лучников, обеспечивавшие исполнение их судебных решений) над гражданским населением подчас приносила больше трудностей, чем разрешала. Свобода от их юрисдикции во всем, за исключением сугубо военных дел, в дальнейшем рассматривалась городами приграничных областей как привилегия, и уже в 1355 и 1357 гг. им было в общих чертах запрещено вмешиваться в обычные судебные дела. Однако в охваченной войной стране нелегко было провести границу между обычным судопроизводством и чрезвычайными судебными полномочиями маршалов в вопросах, касающихся мирного населения.

Этот порядок касался только нарушений, совершенных своими собственными и оккупационными войсками. Для рассмотрения нарушений со стороны вражеских войск во время перемирия назначались хранители, разбиравшие случаи несоблюдения условий мира, которым могла быть подана жалоба. На деле различные виды чрезвычайных судебных полномочий были столь многообразны и соотношение между ними так запутанно, что нередко связанные с войной судебные дела становились поводом для конфликтов между коннетаблем и маршалами, маршалами и их прево, и также между маршальскими прево и хранителями перемирий. Подсудимые могли обжаловать решения провинциальных прево у главного прево и, в некоторых случаях, решения маршальских судов могли быть обжалованы в суде коннетабля, и наконец, в парижском парламенте. Именно из парламентских документов и почерпнута большая часть наших сведений.

Подобные меры существенно способствовали установлению контроля над деятельностью королевских войск, однако они, без сомнения, были совершенно бесполезны по отношению к наемникам, разбойникам и другим отрядам, чья деятельность «не была санкционирована». Чтобы совладать с ними, государство время от времени направляло войска в терроризируемые независимыми от короны солдатами провинции, однако гораздо чаще отдельным городам было предоставлено самостоятельно защищать себя, то есть откупаться от капитанов наемников. Формально городам было запрещено заключать с врагами сделки или платить им сборы, и важное направление королевской политики заключалось в том, чтобы установить над подобными выплатами центральный контроль. Во время перемирий 1380-х и 1390-х гг.

Штаты по-

242

страдавших областей созывались ради того, чтобы собрать денежные суммы чтобы купить безопасность для этих земель или заплатить за уход мародерствующих войск. Деньги собирали особые казначеи с ведома наместников и генерал-капитанов, которые были уполномочены заключать общие соглашения относительно дани (*patiz*) со всей провинции, или с ведома хранителей перемирий. За счет этого денежный поток стал в какой-то мере менее произвольным, и взимавшиеся денежные суммы были сродни любой другой талле — однако и у такой системы были свои недостатки. Распоряжение крупными денежными суммами открывало возможности для самых худших форм казнокрадства, и граф Арманьяк даже использовал эти средства для вербовки на службу наемных капитанов во время своей войны с графом Фуа. Вместе с тем попытки удовлетворить запросы врагов зачастую только разжигали их аппетит: чем больше они получали, тем больше требовали, и это местные Штаты могли предвидеть лучше, чем кто бы то ни было. Неудивительно, что так часто местное население отказывалось платить и поднимало восстания, и архивы городов, представители которых входили в провинциальные ассамблеи, хранят несомненные свидетельства сопротивления, вызванного этой новой формой налогообложения.

Нет необходимости и дальше подчеркивать безвыходное положение мирного населения; жалобам современников повсюду несть числа. Трудности военного времени — иностранное вторжение, военная оккупация, необходимость организации общегосударственной и местной обороны, а также деятельность наемников и разбойников — усугубили расслоение и без того иерархического общества и нанесли обществу незаживающую рану. Устоявшиеся привилегии, давние свободы и частные интересы ущемлялись повсюду. Королевское вторжение в замки и города сеньоров,

необходимое ввиду его стратегического значения, встречало мощное сопротивление. Замки, которые было сложно оборонять или которые не стоили того, чтобы расходовать на них силы и средства, очень часто подлежали сносу в соответствии с систематической политикой, проводившейся после разгрома в битве при Пуатье. Такова же была судьба находившихся за пределами городских стен нередко довольно крупных предместий, которые могли послужить противнику укрытием или обеспечить ему подход к городу. Стратегически важные здания в пределах города подлежали реквизиции для размещения гарнизона или других нужд обороны.

Ситуация осложнялась и за счет проблем, возникавших в связи с освобождением от несения повинностей: благородных господ — от военных субсидий в силу военной повинности, которую они якобы исполняли, церковников (хотя они часто принимали участие в мирских делах) и банкиров (составлявших самую обширную категорию). Когда в провинциальных ассамблеях проводилось голосование по налогам, возникали разногласия относительно доли, которая должна быть выплачена каждым сословием и каждой областью. Разногласия возникали также по поводу службы как таковой: между общинниками в связи с распределением расходов по формированию ополчения (*arrière-ban*), между горожанами из-за того, кто должен решать, нужно ли исполнять повинность лично, или она может быть заменена денежной выплатой, и между монастырями по поводу того, какие земли обязаны вместо них поставлять солдат или деньги. Поскольку война долгое время велась частным образом, войска соблюдали свой собственный интерес, состоявший в захвате пленников и получении выкупа, и могли рассматривать захваченные ими в ходе войны замки как частные завоевания, находящиеся под защитой «права оружия», с чем были связаны многочисленные ослож-

244

нения. Грань, разделявшая личные и государственные интересы, была настолько тонкой, что они зачастую вступали в противоречие, отчего последние ущемлялись на протяжении периодов серьезных кризисов. Только мало-помалу интересы короля и государства стали рассматриваться как нераздельные, и то лишь ценой разрушения старых форм социальной организации и уз верности. Однако на первом месте стояло недовольство налогами. Затяжной характер войны и страх перед будущими войнами вынуждали к непрерывным требованиям «чрезвычайных» военных субсидий, которые за долгое время превратились в постоянные подати (*impôts*), взимавшиеся без обращения к населению за согласием (см. выше стр. 190). Решающим периодом для введения талли и других чрезвычайных налогов, по-видимому, стало десятилетие, последовавшее за битвой при Пуатье и пленением короля Иоанна. И хотя со смертью Карла V они были временно отменены, после 1388 г. они были введены вновь. При Карле VI сопротивление налогообложению достигло широких масштабов, особенно в 1380-х и 1390-х гг., прежде всего, на юге и на востоке, где обосновались капитаны наемников. Для населения этих областей

королевства — Сентонжа, Ангумуа, Перигора, Керси, Руэрга, Оверни, Велея, Жеводана, Виваре, Валантинуа и других — умножение налогов зачастую было подобно смерти. В дополнение к королевским тальям, субсидиям (aides) и прочим податям нужно было собирать деньги для того, чтобы платить местным капитанам и гарнизонным войскам, восстанавливать и оборонять замки и городские крепости. В течение длительного времени приходилось платить мзду наемникам или искать средства, чтобы окончательно откупиться от них. Все вместе это составляло немалые суммы и становилось тяжким гнетом, в особенности, на фоне экономического упадка в затронутых войной регионах.

245

В ситуации общественного недовольства одна социальная категория чаще других становилась объектом критики: воины, нередко ассоциировавшиеся в сознании крестьян с их собственными господами и с благородным сословием в целом. В документах городов, пострадавших от деятельности военных, редко проводилось различие между войсками, сражавшимися за какое-либо дело, и войсками, сражавшимися ради собственной выгоды. В сознании современников все они составляли категорию «вооруженных людей» (gens d'armes), и разница между ними казалась несущественной. В памфлете XIV века «Плач о битве при Пуатье» автор изобразил военных так, как он их видел:

...Пирующие и предающиеся пьяному разгулу,
тщеславные, в непристойных нарядах,

С украшенными золотом перевязями, с перьями на шляпах, С длинными козлиными бородами — вот отвратительная манера,

Они ошеломляют вас, подобно молнии и буре... И он сообщает ценные подробности относительно социального слоя, выходцами из которого иногда бывали

солдаты:

...Они заявляют, что имеют благородную родословную, Господи! Откуда у них такие заблуждения. В каких добрых делах они принимали участие? Лишь от своей великой гордыни они пребывают в подобном убеждении,

Ибо каждый из них учится отрекаться от Господа, И каждый из них клятвопреступно превозносит самого себя...

Насколько удастся проникнуть в мысли крестьян, можно сказать, что главное обвинение, выдвигаемое ими против благородных господ, заключалось в том, что те не выполняли своих обязательств перед обществом, предательски нарушая неписаное соглашение, по которому крестьянство должно было пользе-

246

ваться их защитой. В глазах крестьянства, война, которую вели благородные господа, была чем-то вроде потехи, при которой мишенью служили простые люди, ибо бойцов отпускали на волю на выкуп чаще, чем убивали, а расплачиваться за это, так или иначе, приходилось крестьянам.

...Когда стало очевидно, что наше войско может легко

одержать победу Над войском англичан, было сказано: «Если мы двинемся вперед и перебьем их, Война завершится, хуже этого для нас не может быть ничего, Потому что мы потеряем источник своего существования;

будет гораздо лучше, если мы бежим». И не было ни одного выстрела, ни одного удара копья... ..Они заключили соглашение с этими англичанами: «Не станем убивать друг друга, пусть война продолжается, Притворимся пленниками; так можно достичь большего»... Иногда крестьяне мечтали о войне, которую будут вести они сами — именем короля — и которая будет

безоговорочной: ...Если он прислушается к добрым советам, он не преминет

Повести Жака Простака в своем великом войске; Уж он-то не побежит с поля битвы, чтобы спасти свою шкуру...

В подобных мечтах крылась опасность. Жан Жю-венель напоминает нам в своей «Истории Карла VI», что ордонанс Карла V от 1368 г., обязывавший крестьян упражняться в стрельбе из лука, впоследствии был отменен из-за того, что они достигли слишком большого мастерства в обращении с ним, и «если бы они собрались все вместе, то являли бы силу, гораздо более могущественную, чем знать и принцы». Жакерия жестоко подтвердила это. Жан де Ванетт, крестьянский мальчик, достигший так многого, неоднократно выражал свое возмущение неспособностью правящего класса принять меры против грабежа и разбоя. «Не было никого, — писал он — чтобы защитить людей,

247

никого, кто мог бы принять на себя эти угрозы и опасности. Скорее напротив, невзгоды, обрушивавшиеся на них, казалось, радовали господ и принцев, обязанность которых была в том, чтобы вмешаться и сильной рукой отворотить эти бедствия... Более того, друзья, обязанность которых была в том, чтобы защитить наших крестьян и путешественников, увы! сами предавались

грабежам и разбою безо всякого разбора, как если бы они были врагами». И как хороший проповедник Жан иллюстрирует свой взгляд на вещи басней о собаке и волке. Возможно, Жан выражал мнение, широко распространенное после битвы при Пуатье, и отражал народные настроения своей эпохи. И его мысли, и его слова напоминают о таких памфлетах того времени, как «Трагическое повествование о плачевном состоянии французского королевства» и «Плач о битве при Пуатье», позицию которых он, по-видимому, разделял. Однако в «Трагическом повествовании» брат Франсуа Бомон утверждает, что люди, обвиняющие во всех бедствиях благородное сословие, сами виноваты не меньше. Потому что если знатные господа пренебрегли дисциплиной

Рис. 89. Войска, выходящие из города для посадки на корабли; из рукописи «Поэмы о Кристине Пизанской» начала XV в.

и военным искусством, предаваясь удовольствиям и роскоши, то простые люди заняты распрями, «их Бог — это их желудок», и они позволяют своим женщинам управлять собой. Даже священнослужители не смогли противостоять соблазну пороков и сластолюбия. В трудное время в этих памфлетах нашли выражение чувства и настроения, по крайней мере, одной части французского общества. В 1422 г., когда Франция вновь страдала от иностранного вторжения и гражданской войны, настроения той эпохи были резюмированы Аленом Шартье (нормандцем из Байе, учившимся в Париже) в его «Обвинительных спорах четверых», в которой «Франция», «народ», «рыцарство» и «духовенство» выражают свои различные взгляды на причины происходящих событий. Народ жалуется, что солдаты живут за счет простых людей вместо того, чтобы защищать их, и что из-за плохих военачальников и из-за отсутствия дисциплины солдаты под видом войны могут заниматься грабежами и разбоем, и от всего этого страдает народ. Рыцарь отвечает на это, что народ слишком привязан к хорошей жизни и жалуется, когда его просят платить налоги на ведение войны. «Мы не можем пробавляться ветром, — говорит рыцарь, — и наших доходов недостаточно для оплаты военных издержек. Если князь не получит от своего народа необходимых средств для того, чтобы платить нам, то, служа сообществу, мы будем жить за счет того, что сможем добыть сами, Бог снимет грех с нашей совести». Шартье как секретарь дофина Карла, впоследствии игравший важную роль в дипломатической сфере, принадлежал — наряду со своим другом Жаном Жювенелем дез Юрсеном — к группе пропагандистов и памфлетистов, пытавшихся восстановить французскую монархию и придать некое подобие единства тому, что сам он называл «общностью французского народа» (la communite da peuple

frangois). При этом они пытались наполнить новым содержанием старые формы, тем самым прокладывая путь Жанне д'Арк.

По мере того как англо-французское противостояние становилось все более и более

ожесточенным, принципы рыцарства и «право оружия» все чаще нарушались или попросту игнорировались. В почти автобиографическом повествовании Жана де Бюэя (ум. 1477 гг.), озаглавленном «Юноша» и написанном полвека спустя после «Книги деяний маршала Бусико», дух рыцарственности уступает место чувству патриотизма. Де Бюэй осуждал поединки, потому что «их участники, прежде всего, намереваются отнять достояние других, то есть их честь, ради того, чтобы добыть себе пустую славу, которая ничего не стоит; и таким путем воин никому не служит, он тратит свои деньги; ...предаваясь подобным занятиям, он отказывается участвовать в войне, служить своему королю и общему делу; и никто не должен подвергать себя опасности, кроме как ради похвальных дел». Ни одно литературное произведение XV века не дает столь трезвой картины войн той эпохи как «Юноша», и в нем рыцарь перевоплощается в солдата Нового времени, всеобщий религиозный идеал становится национальным и сугубо воинским: «Это источник радости, война... Как любите вы на войне своих товарищей. Когда вы видите, что сражаетесь за правое дело, ваша кровь кипит, слезы подступают к глазам. Великое, сладчайшее чувство верности и горечь переполняют ваше сердце, когда вы видите, как отважно бросается навстречу опасности ваш друг и исполняет повеление нашего Создателя. И тогда вы готовы идти с ним на жизнь и на смерть, и во имя любви не покидать его. И от этого вас охватывает чувство такого восторга, что не изведавший его не может судить о том, что такое счастье. Не думаете ли вы, что человек, переживший подобное,

250

Рис. 90. Сражение (из рукописи конца XIV в.)

боится смерти? Отнюдь нет; ибо он чувствует такой прилив сил, такое воодушевление, что он не знает, где он находится. Воистину, он не боится ничего».

Жан де Бюэй сражался под знаменем Жанны д'Арк, в конце 1430-х гг. он занимал должность верховного наместника в пограничных областях Анжу и Мэна, он принимал участие в восстании, известном под названием Прагерии, и войне «Лиги общественного блага». И с тех пор слова его были повторены многими солдатами.

ГЛАВА V

ПРИДВОРНЫЙ ПАТРОНАЖ И ИСКУССТВА

Культурные достижения Англии и Франции эпохи позднего средневековья с неизбежностью теряются в тени итальянского Ренессанса, который на протяжении XVI и XVII столетий стал европейским Ренессансом и потому имеет тенденцию скрывать от нашего взора богатые и продолжительные контакты между Англией, Францией и Италией, а также интеллектуальное и художественное влияние северных стран к югу от Альп.

Развитие в Италии гуманистического учения и связанное с ним воскрешение классических традиций привели к новому представлению о месте художника в обществе: его работы стали служить предметом ученой дискуссии и считаться достойными того, чтобы быть сохраненными в памяти. В результате облик художника приобрел новое, более личностное измерение, тогда как на севере, где его по-прежнему были склонны считать всего лишь лучшим из ремесленников, жизнь художника и его произведения по большей части скрываются во мраке. Более того, уже к началу XIV века Франция по существу утратила культурное

252

лидерство в Европе, которым она пользовалась прежде. В других странах возникают собственные варианты французского готического стиля и развивается литература на национальных языках. В Италии поэзия и проза Данте Алигьери (1265-1321 гг.), Франческо Петрарки (1304-1374 гг.) и его современника и друга Джованни Боккаччо (1313-1375 гг.) придали тосканскому наречию статус

главного литературного языка в стране, где до того не существовало литературы на народном языке и которая, как и южная Франция, была тесными узами связана с провансальской традицией. Интерес к Античности, проявленный этими писателями, можно заметить и в скульптуре Никколо и Джованни Пизано (ок. 1260-1314 гг.), и в живописи Джотто (1266-1337 гг.), в которых присутствует дотоле неизвестное внимание к реальной жизни. В Англии народный язык также развивается до уровня языка литературного благодаря произведениям Джона Гауэра (ок. 1330-1408 гг.), Вильяма Ленгланда (ок. 1332-1400 гг.) и Джеффри Чосера (ок. 1340-1400 гг.), и, начиная с возведения как раз в 1330-х годах южного трансепта Глостерского собора, мы можем, с уверенностью говорить о формировании английского «перпендикулярного стиля» в архитектуре. Своим названием он обязан вертикальным линиям ажурной каменной работы вдоль окон и линиям декора внешних и внутренних стен, подчеркивающим ощущение высоты; своды становятся более сложными и богато украшенными: развивается ребристый свод, впервые появившийся в крытой галерее Глостерского собора (ок. 1370 г.), и наконец, получивший завершение в форме свода с подвесным орнаментом, один из самых изысканных образцов которого мы видим в часовне Генриха VII в Вестминстере (1503-1519 гг.). Однако было бы ошибкой придавать слишком большое значение различиям. Франция и Англия все еще имели много общего, независимо от их политических отношений и военного противостояния. Они обе при-

253

надлежали к преимущественно северному рыцарственному миру и при всех своих исподволь усиливающихся отличиях обладали сходной социальной структурой, которой определялся характер большей части литературы и произведений искусства той эпохи. Французский или англо-норманский в XIV веке со всей очевидностью еще был живым разговорным языком в Англии, и недавние исследования показали, что он продолжал использоваться всеми категориями грамотных людей, а не только крупной знатью и джентри. Фруассара ценили в Англии не менее, чем во Франции, и он многим был обязан покровительству, оказанному ему английским королевским двором, и почти ничем — французскому двору. Более того, основные темы и вдохновляющие идеи в обеих странах были удивительно взаимосвязанны. Множество произведений, написанных на английском языке, были созданы на основе переводов с французского или представляли собой редакцию французского оригинала. В частности, Чосер перевел «Роман о розе» Гийома де Лорриса и Жана де Мена, и он, несомненно, был знаком с Фруассаром и с работами своих французских современников Гийома де Машо (ок. 1300-1371 гг.) и Эсташа Дешана (ок. 1346-1406 гг.). Даже в XV веке Томас Мелори (ум. 1417 г.) переложил в своей «Смерти Артура» «благородные повести о ... короле Артуре и некоторых из его рыцарей..., заимствованные из некоторых французских книг и пересказанные по-английски». Развитие литературы в XIV веке, в основном, ограничивалось стихами, и о том, насколько малопригоден был разговорный язык для серьезной прозы, свидетельствует чосеровская версия Бозция и тяжеловесные труды Режинальда Пекока, епископа Чичестерского (ум. ок. 1460 г.). В конце XIV и в начале XV века в европейском искусстве господствовало удивительное единообразие, получившее название «интернациональной готики», ее элегантные и изысканные формы свидетельствуют об

254

аристократическом патронаже, и в действительности, это был в высшей степени утонченный придворный стиль.

Необычайный престиж Парижа и французского королевского двора как центра культурной жизни, закрепившийся за ними в XII-XIII веках, и необычайно щедрое и непрестанное покровительство со стороны французского королевского дома, продолжали играть главную роль на протяжении четырнадцатого и в начале пятнадцатого века. Поэтому, несмотря на то что многие из великих художников, работавших во Франции, не были уроженцами королевства и, в частности, были выходцами из Фландрии и Нидерландов, почти до 1420 г. их притягивал Париж, королевский двор и дворы принцев, и, таким образом, своим творчеством они содействовали развитию французской культуры. Среди них были живописец Карла V Жан Бан-доль из Брюгге и Андре Боневе из Валансьенна, Жак Кен, Жакемар д'Эден и в дальнейшем знаменитые братья Жан и Поль Лимбурги, иллюстрировавшие рукописи для Иоанна, герцога Беррийского. В Дижоне при Филиппе Храбром наряду с великим Клаусом Слюте-ром из голландского Харлема и его собратом Клаусом де Верве работали Жан де Боме, уроженец Артуа, Жан Малуель из Гелдерна и Анри

Рис. 91. Скипетр Карла V

255

Бельшоз из Брабанта. Именно на французской почве и благодаря французскому патронажу эти

художники и скульпторы обрели благоприятную среду и возможность развивать свой индивидуальный стиль. Однако Франция не испытывала недостатка и в своих талантах. Французы, как прежде, могли создавать архитектурные шедевры в присущем этой стране неповторимом стиле, подобно аббатской церкви Сент-Уэн в Руане, хоры которой (сооруженные в 1319-1339 гг., возможно, Жаном Камеленом) во многих отношениях служили образцом для последних двух столетий французской готики. Французские писатели по-прежнему были способны создавать прозу на родном языке, которая под влиянием итальянской литературы, стала более цветистой. И именно во Франции в 1360-х гг. появились самые ранние из известных нам образцов портретной живописи, совершенно обоснованно считавшиеся свидетельством вкусов патронов, проявлявших интерес к отображению реального мира. Настоящий перелом произошел только после 1420 г., когда Филипп Добрый, решив перенести столицу за пределы Франции, перевел свой двор в Нидерланды. Потому что, хотя такие историки как Жорж Шатлен, уроженец Алоста в современной Бельгии, и Филипп де Коммин, родившийся в окрестностях Лилля, содействовали развитию французской прозы, едва ли можно сказать, что братья ван Эйк и Рогир ван дер Вейден внесли свой вклад во французское искусство в том же смысле, как мы говорим об Андре Боневе, братьях Лимбург и Клаусе Слютере.

Франция также выигрывала от присутствия пап в Авиньоне (см. рис. 92), который, хотя и находился за пределами королевства, во многих отношениях был интеллектуальной столицей XIV века, одним из первых центров гуманизма, где встречались друг с другом епископы, ученые, люди и идеи со всех концов христианского и нехристианского мира, и где находился

256

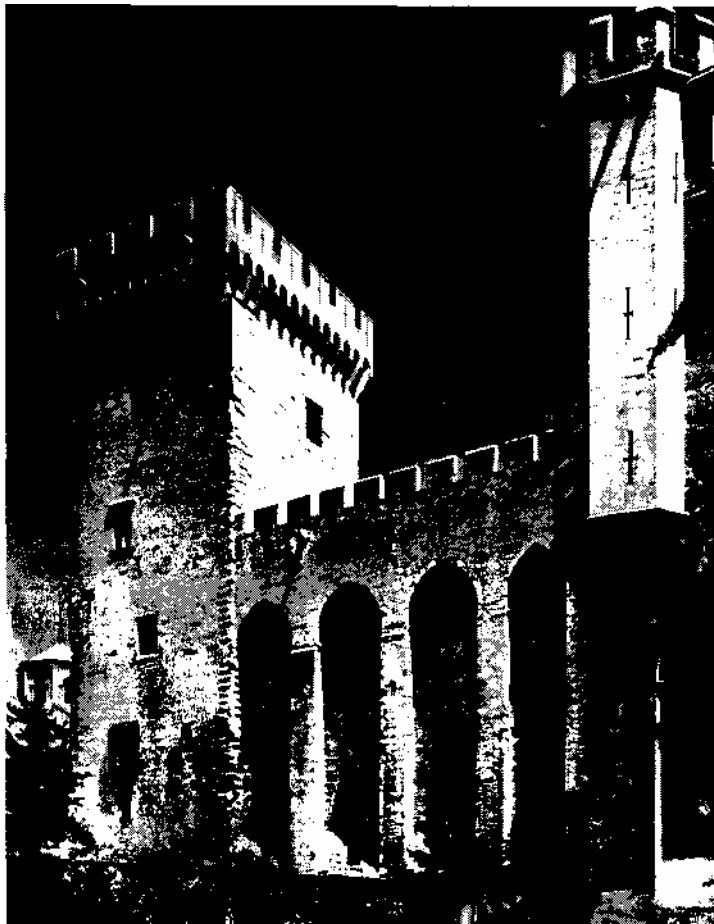

Рис. 92. Главный фасад папского дворца в Авиньоне (1344-1352 гг.)

важнейший перекресток культурных контактов между севером и югом. Именно там были явлены миру и переведены многие дотоле неизвестные на западе греческие труды, и именно там какое-то время жили и работали некоторые итальянские художники: при Бе-

257

недикте XII (1334-1342 гг.) Паоло и Дуччо из Сиены, при Клименте VI (1342-1352 гг.) Симоне Мартини, тоже сиенец, и Маттео Джованетти из Витербо. Из всех четверых Симоне Мартини (1284-1344 гг.) имел наибольшее влияние, и его пребывание при папском дворе в последние четыре года жизни оказалось решающим для будущего европейской живописи. В созданных

им произведениях черты, обусловленные влиянием французского готического искусства, и в особенности, миниатюры, сочетались с признаками нового тосканского искусства и своей необычайной утонченностью предвосхищали достижения пламенеющей готики, тогда как его портреты служили предвестниками многих интимных и сюжетно-тематических северно-европейских живописных произведений конца XIV и XV веков. Папский двор в Авиньоне, таким образом, действительно играл важную роль, и благодаря его престижу влияние итальянских художников распространилось в Провансе и остальной Франции, во Фландрии, Каталонии и Чехии.

Помимо пап покровительство искусству оказывали многие: монастыри и монашеские братства, отдельные лица и гражданские власти; однако светский патронаж оставался по преимуществу аристократическим и, так же как и общественная жизнь верхушки знати, все больше сосредотачивался при королевском дворе и при дворах принцев. Почти с самого начала своего существования короли из династии Валуа проявили себя как заинтересованные покровители искусств. И Филипп VI, и Иоанн II были эрудированными библиофилами и оказывали поддержку состоявшим у них на службе художникам. Вместе с тем Иоанн многое унаследовал и от своей матери Жанны Бургундской, которая получила выдающееся для дамы тех времен образование. Он необычайно благоволил к художникам и литераторам, и хотя Иоанну не удалось привлечь к своему двору Петрарку, он тем не менее окружил себя весьма незаурядными людьми. Среди прочих в

258

Рис. 93. Портрет короля Иоанна (1350-1364 гг.), приписываемый Жирару Орлеанскому

их числе были художники Жан де Кост и Жирар Орлеанский, Гас де ля Бинь, а также поэты и композиторы Филипп де Витри (1291-1361 гг.) и какое-то время Гийом де Машо (ок. 1300-1371 гг.), уроженец Шампани. Жирару Орлеанскому, ставшему доверенным лицом короля, мы обязаны замечательным портретом Иоанна (см. рис. 93), по-видимому, представляющим собой створку полиптиха, в который входили также портреты Карла V, императора Карла IV и

259

Эдуарда III Английского. Филипп де Витри был выдающимся теоретиком музыки, и один из его трактатов, озаглавленный «Новое искусство», не только повлиял на формирование отличительных особенностей французского музыкального стиля при жизни следующих двух поколений, но также принес Филиппу де Витри славу и влияние за пределами Франции, поскольку стиль, которому посвящен трактат, получил распространение во всей Европе. Куртуазная лирическая поэзия Машо, положенная на его же музыку, надолго заняла свое место в истории французской песни.

Все сыновья Иоанна — Карл V, Людовик Анжуйский, Иоанн, герцог Беррийский и Филипп Храбрый — разделяли интересы и вкусы своего отца, так же как и второй сын Карла, Людовик Орлеанский. Они с энтузиазмом возводили новые архитектурные памятники и собирали книги, иллюстрированные манускрипты, живописные полотна, гобелены, драгоценности и другие произведения искусства, а многочисленные ученые и художники, создававшие такие вещи, находили покровительство при дворах этих влиятельных особ. При Карле V королевский двор, жизнь которого была сосредоточена в Париже и его окрестностях, достиг новых высот в пышности и великолепии, и влияние его стиля было заметно во всех концах Европы, от Англии до Чехии. Карл завершил строительство Венсеннского замка, начатое его отцом; при Карле были построены замок Боте-сюр-Марн и его излюбленная резиденция Отель Сен-Поль; при его жизни Лувр (см. рис. 94) был существенно расширен мастером-каменщиком Раймоном де Тамплем и украшен богатой обстановкой. Значительную часть своей жизни король и его окружение проводили в этих дворцах, среди по сей день не превзойденного в своей пышности антуража: в залах, увешанных гобеленами или обитых деревянными панелями, освещенных светом, проникавшим сквозь витражи и наполненных

260

•У-

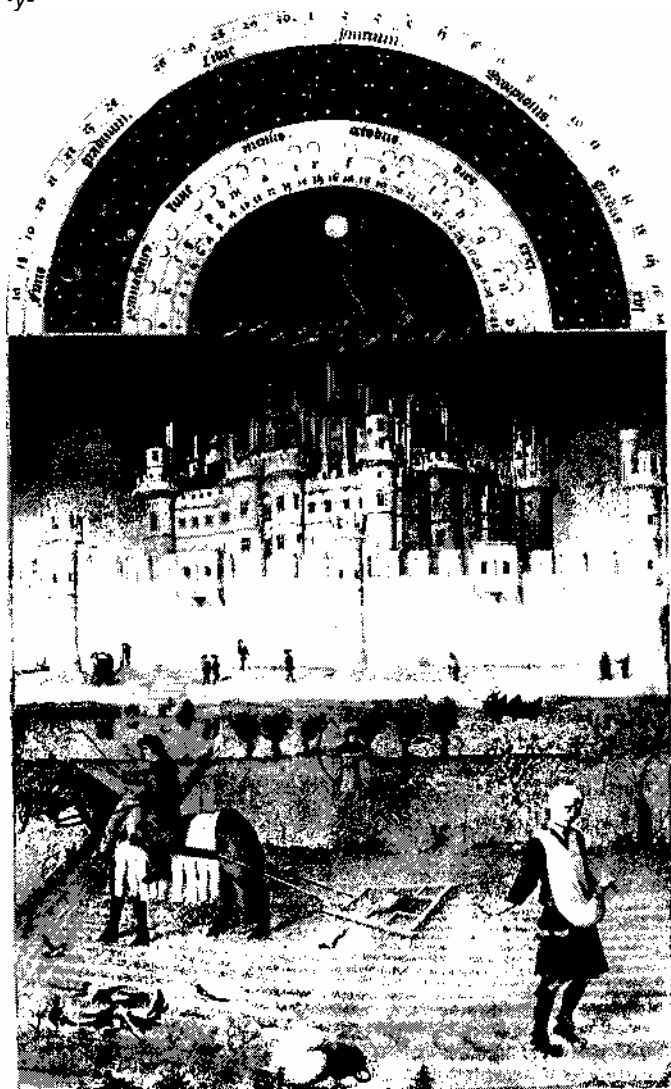

Рис. 94. Октябрь: Лувр; миниатюра из «Богатейшего часослова герцога Беррийского» работы Жана и Поля Лимбургов

261

прочими предметами богатой обстановки, раритетами и книгами.

Карл был первым во Франции светским правителем, собравшим более или менее обширную библиотеку, которая к моменту его смерти насчитывала около 1200 рукописей, многие из них имели драгоценные переплеты и изобиловали шедеврами миниатюристики. Собрание размещалось в трех прекрасно оборудованных помещениях в Лувре под надзором постоянно состоявшего на службе библиотекаря сира Жиля Мале; Кристина Пизанская (ок. 1364-1433 гг.), итальянка по рождению и вдова одного из секретарей Карла, с восторгом говорит о королевской

библиотеке в своей «Книге деяний и добрых свершений мудрого короля Карла V». Это было удивительно представительное собрание негреческой литературы, популярной в XIV веке, в котором получили отражение практически все области знания: теология, философия, наука, история и литература.

Кристина Пизанская описала в своей «Книге деяний» обычный день из жизни короля. Он вставал между шестью и семью, и после завершения королевского туалета капеллан читал ему часослов, после чего в восемь утра следовала торжественная месса в монаршей часовне, сопровождавшаяся музыкой. Затем король выслушивал всякого рода просителей или присутствовал на заседании совета. Его первая за день трапеза приходилась на десять часов и завершалась приятной музыкой для того, чтобы «поднять его настроение». Далее король проводил два часа в одной из просторных и богато отделанных и обставленных комнат, где он давал аудиенции принцам, послам, рыцарям и другим людям, приносившим ему новости о том, что происходило в королевстве и за его пределами. Некоторые вопросы он решал тут же, рассмотрение других откладывал до совета. После часового отдыха король беседовал со своими придворными

262

и близкими и наслаждался созерцанием драгоценностей и других произведений искусства. За этим следовала вечерня и в летнее время прогулка по королевскому саду, где к монарху иногда присоединялись королева и их дети. Зимой в это время король читал книги или слушал чтение и потом после легкого ужина, во время которого он беседовал с баронами и рыцарями, отходил ко сну. Кристина всячески стремилась подчеркнуть присущие королю мудрость и умеренность, слабое же телосложение короля удерживало его от чрезмерных излишеств. Тем не менее в торжественных случаях даже при дворе Карла V могли устраиваться долгие трапезы, перемежавшиеся «ан-траме», во время которых разыгрывались театральные интермедии и вкатывались в залу корабли с музыкантами и жонглерами, а при герцогах Бургундских и таком «bon-vivuer» (любителе развлечений), как герцог Беррийский, подобные торжества, маскарады в больших освещенных факелами залах и музыкальные вечера стали обычным делом.

Дворы принцев почти не уступали своим великолепием королевскому двору. В 1370-х гг. герцог Беррийский пригласил Ги де Даммартена для реставрации старинного дворца в Пуатье, сожженного Черным Принцем; при нем во дворце появился просторный холл с величественным камином и скульптурными изображениями герцога и герцогини, являющими прекрасный образец изысканности и изящества. Герцог Беррийский поручил Андре Боневе построить роскошный дворец Мен-сюр-Йевр, который стал домом для дофина Карла после бургундского переворота в Париже в 1418 г. Людовик Орлеанский построил или перестроил в своих владениях множество замков и резиденций: Ла-Ферте-Милон, Крепи, Бетизи, Пьер-фон и Куси. Пьерфон был замком совершенно нового типа вблизи Компьена, он являлся лучшим образцом военной архитектуры своего времени, и остается та-

263

ковым по сей день (см. выше. стр. 154). Однако Пьерфон был не просто военным сооружением, в нем располагалась блистательная резиденция, включавшая Залу героинь и Залу рыцарей Круглого стола, каждая из которых была украшена богатыми гобеленами. Двор Филиппа Храброго находился в Дижоне, однако среди всех зданий, возведенных по его приказу, выделяется большой картезианский монастырь в находившемся неподалеку Шанмоле, семейная усыпальница, задуманная по аналогии с Сен-Дени как династическая, которая была одной из самых изысканных и величественных построек той эпохи. Строительство Шанмоля, начатое в 1383 г. по проекту Дру де Даммартена, брата Ги, потребовало такого объема работ, что привело к возникновению большой скульптурной школы, среди представителей которой были Жан де Марвиль, Клаус Слютер и Клаус де Верве; благодаря постоянной занятости на герцогских постройках сложились неповторимые художественные стили этих скульпторов, и их влияние было заметно в далеком Провансе и даже в Англии. При этих мастерах бургундская скульптура приобрела новую пластику, отмеченную чертами раннего нидерландского реализма. Слютер, вне всякого сомнения, был самым великим из названных скульпторов. Выполненное им величественное надгробие герцога с процессией из сорока одного плакальщика вокруг основания и так называемый «Колодец пророков», изначально задуманный как пьедестал для установки распятия в фонтане монастыря Шанмоль, являются самыми важными из сохранившихся памятников скульптуры, созданных на севере от Альп.

Многие предметы обстановки королей и принцев путешествовали вслед за двором в ящиках или, как гобелены, которые было легко вешать и снимать, в больших рулонах. Ткачество и

окрашивание гобеленов особенно процветали в Париже и Аррасе приблизительно с 1300 г., а во второй половине XV века —

264

Рис. 95. Фрагмент «Охоты на кабанов» из серии девонширских гобеленов на сюжеты охоты (Турне, 1425-1450) в Турне и Брюсселе (см. рис. 95-97). Выполненные в несколько полотнищ, которые составляли «комнату» (chambre), гобелены могли быть использованы для украшения стен одной или нескольких комнат, при этом художник нередко разрабатывал определенный сюжет. Известно, что Иоанн II приобрел между 1350 и 1364 гг. по меньшей мере 235 гобеленов, большая часть которых были довольно просты в художественном отношении и украшены изображениями геральдических лилий и других геральдических фигур. Однако благодаря патронажу Карла V и его братьев появляются более претенциозные сюжеты, требующие больших затрат труда, и возникает преуспевающая отрасль, необычайный расцвет которой пришелся на период между 1360 и 1425 гг. За свою жизнь Карл

265

Рис. 96. Фрагмент «Соколиной охоты.» из серии девонширских гобеленов на сюжеты охоты (Турне, 1425-1450) собрал более 200 гобеленов, и его страсть к ним разделяли, в частности, Людовик Анжуйский и

Филипп Храбрый, чья коллекция к 1400 г. славилась как лучшая в Европе. На гобеленах изображались сюжеты всех типов: назидательные и религиозные сцены, исторические, романтические, рыцарские, деревенские, охотничьи, любовные и аллегорические.

266

Рис. 97. Фрагмент гобелена «Суд Трояка и Аршамбо», сотканного в Турне (?) (1455-1461 гг.)

Среди тем, связанных с историей и преданиями, самым распространенным был цикл о Девяти героях, к которым иногда причисляли и Дюгеклена. На следующем месте по популярности стояла история Карла Великого и его паладинов, за ней следовали излюбленные сцены Троянской войны и осады Иерусалима.

Подобные гобелены, по существу, были просто предметами придворной обстановки, однако самые прекрасные из них были созданы по рисункам некоторых выдающихся художников того времени. Главными парижскими шпалерными мастерами были Николя Батай (ум. 1400 г.) и Жак Дурден (ум. 1407 г.), которые работали по рисункам таких художников, как Жан Бандоль из Брюгге, Колар де Лан, Андре Боневе и Поль Лимбург. Батай был комнатным слугой Людо-

267
вика Анжуйского, и известно, что был автором по меньшей мере 250 гобеленов, созданных в последние тридцать лет его жизни. Недавно было доказано, что изумительная серия из семи иллюстраций к Апокалипсису (см. рис. 99), выполненная им по заказу Людовика Анжуйского в 1373-1380 гг., была основана на миниатюрах, сделанных Бан-

домом, в то время являвшимся одним из официальных живописцев короля, в иллюстрированной рукописи Апокалипсиса из библиотеки Карла V (Национальная библиотека, ms. franc.ais 403). Филипп Смелый также владел гобеленами, выполненными по живописным произведениям, за один из которых, сотканый в память битвы при Роозбеке в 1382 г., он заплатил Мишелю Варна из Арраса 1600 франков золотом.

Иллюминированные манускрипты могли также рассматриваться как часть обстановки и необходимый элемент придворной жизни, их производство для короля и принцев вело к изобретению художниками той эпохи новых приемов и использованию ими смелых красок и рисунка. На протяжении XIII века копирование и иллюстрирование такого рода манускриптов постепенно переставало быть монополией монастырей и превращалось в хорошо оплачиваемое светское занятие

Рис. 98. Изображение
воина с гобелена
«Правосудие Траяна»
Аршамбо
(1455–1461 гг.)

268

Рис. 99. Рыцари, атакующие чудовищ, с одного из семи
гобеленов из серии «Апокалипсис», сотканного в Париже
Николя Ватаем

мирян. Париж рано прославился производством иллюстрированных рукописей. Именно там выдающийся иллюминатор мастер Оноре, владевший собственным домом на улице Эрембур-де-Бри, основал свое ателье, выполнявшее придворные заказы при Филиппе III и Филиппе IV. Обладая столь прочной традицией, французская столица продолжала удерживать первенство на протяжении всего XIV века, обеспечивая работой несколько мастерских по созданию иллюстрированных манускриптов. Именно в Париже в 1320-х гг. Жан Пусель ввел в миниатюру новую моделировку и перспективу и стал использовать светотень, что, несомненно, было связано с влиянием Дуччо и других сиенских живописцев, тем самым проложив путь развитию менее линейного и менее плоскостного стиля. Однако каким бы великолепным рисунком и чувством цвета ни обладал Пусель, его миниатюры все еще

269

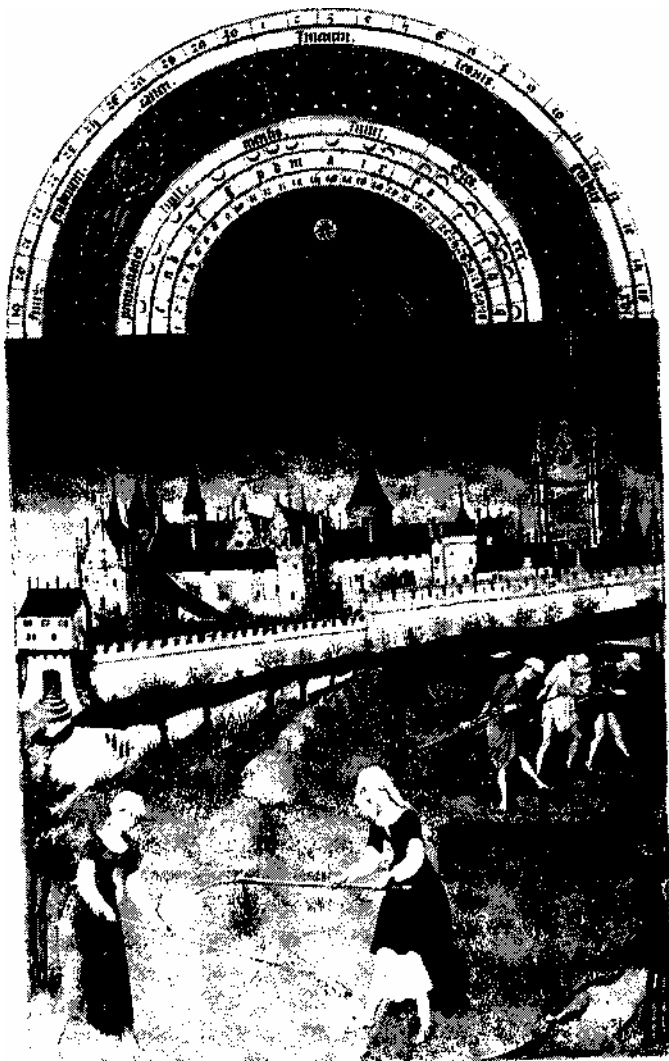

Рис. 100. Июнь: королевский дворец и Сент-Шапель; миниатюра из «Богатейшего часослова герцога Беррийского» работы Жана и Поля Лимбурггов

были привязаны к листу манускрипта и имели слишком маленькую величину для того, чтобы художник мог пойти дальше в изображении фигур или пространства. Тем не менее в последнюю четверть XIV века в Парижской живописи происходят очередные перемены благодаря фламандским и итальянским мастерам, которые привезли с собой более натуралистическую традицию и новую манеру передачи объема и пространства. Самыми известными из них были братья Лимбурги, Андре Боневе и Жакемар д'Эден, которые особым покровительством короля и герцогов королевской крови, в первую очередь, герцога Беррийского (см. рис. 33). В их произведениях миниатюра превратилась в практически независимое живописное произведение, не связанное с текстом. Отныне передавалась глубина пейзажа, фигуры изображались объемными и большое внимание уделялось деталям. Самым известным из дошедших до нас произведений является «Богатейший часослов герцога Беррийского», изготовленный для Иоанна, герцога Беррийского, в 1413 г. (см. рис. 94, 100), однако наряду с ним существовали бесчисленное множество других. При переносе новой техники на более широкие поверхности она произвела во второй декаде XV века переворот в живописи северной Европы. Усилиями Яна ван Эйка (ок. 1390-1441 гг.) и Рогира ван дер Вейдена (ок. 1400-1460 гг.) из интернациональной готики выделился новый и отчетливо нидерландский стиль, точно так же как при жизни того же поколения в работах Мазаччо и его современников оформился новый отчетливо итальянский стиль; однако в это время Париж уже утратил свой престиж (см. ниже стр. 275-276). Помимо коллекционирования манускриптов Карл V получал удовольствие от их чтения. Мы уже видели, что у него вошло в привычку слушать чтение перед завтраком, и Кристина Пизанская также говорит о том, что он питал особую склонность к пассажам из

Рис. 101. Возвращение короля Иоанна в Лондон в 1362 г. (из Больших хроник)

Священного Писания, римскими историям и философским трудам. По-видимому, во всех резиденциях у него были попитры для чтения с часами, настольным светильником и астрольбией. Книги, к которым Карл V обращался в последние годы своей жизни (помимо богослужебных книг), все без исключения были на французском, по-видимому, это был единственный язык, на котором мог читать король. Почти все они были религиозного содержания (в том числе французская Библия, которую Карл всегда имел при себе) или астрологического характера, возможно, в них приводились расчеты, для которых служили астрольбии. Однако в его покоях в Сен-Жермен-ан-Лей имелись копия «Правления государей» и новейшие «Большие французские хроники» (см. рис. 82, 101), уже повествовавшие о событиях, произошедших в годы его пребывания на престоле. Карл V интересовался и теорией, и практикой королевского правления, и, не имея возможности читать Аристотеля по-латыни, пользовался французским переводом «Политики», сделанным специально для него, возможно, Раулем де Пре-лем. Известно, что Рауль перевел ряд других произ-

272

Рис. 102. Филипп Добрый, герцог Бургундский (1419-1467 гг.), и его сын Карл Смелый (1467-1477 гг.), рисунок карандашом неизвестного художника

ведений для Карла и для Людовика Анжуйского, в том числе трактат о двух властях и «Град божий» Августина. Другим переводчиком, много трудившимся на королевской службе, был госпитальер Симон д'Эден, которому принадлежит французский вариант Валерия Максима. Филипп Храбрый предпочитал теологическим трудам светскую литературу, и в его библиотеке преобладали книги рыцарственного содержания. Однако следующие три герцога Бургундии

273

существенно пополнили его коллекцию, причем они лично наблюдали за многими новыми приобретениями и окружавшей их литературной деятельностью. Иоанн Бесстрашный, как видно, немного времени отдавал ученым занятиям, но в жизни Филиппа Доброго им было отведено важное место, особенно в его преклонные годы, и, по словам Оливье де ла Марша, Карл Смелый (см. рис. 102), который в юности славился обширными познаниями, в последние годы своей жизни «не отходил ко сну, не посвятив двух часов слушанию чтения». Людовик Анжуйский, по-видимому, смотрел на книги как на предметы роскоши, поскольку среди сорока с небольшим манускриптов, взятых им из королевской библиотеки после смерти Карла (Людовик был в хороших отношениях с библиотекарем Жилем Мале), двадцать семь из известных нам тридцати шести имели драгоценные переплеты с золотыми или серебряными застежками и украшениями из эмали, и только у десяти манускриптов переплеты были менее ценными. Однако Людовик по преимуществу вел жизнь воина и администратора, и доход с его апанажа был несопоставим с богатством его братьев. Он, несомненно, обладал тонким вкусом, держал хороший стол, любил роскошные гобелены, затканые золотом и серебром (его главными поставщиками были Батай и Дино Рапонди), однако склонность к интеллектуальным занятиям в большей мере была свойственна его сыну (см. рис. 103). На службе у Людовика II состояло несколько ученых: Пьер де Бово и Гийом Сенье (первый был сенешалем, а второй канцлером Прованса), а также Оноре Бове, уроженец Прованса и автор «Древа битв», который также поддерживал тесные отношения с Гийомом Филястром, пользовавшимся влиянием во французской церкви и сыгравшим важную роль на Констанцском соборе. Он основал университет в Эксе (1409 г.), и нам известно, что у него было прибежище, где он хранил и читал

274

Рис. 103. Портрет Людовика II Анжуйского (1377-1417 гг.), ок. 1400 г.

свои книги, среди которых встречались и итальянские произведения.

Смерть Карла V в 1380 г., несомненно, была ударом для художников и ученых, нашедших при его дворе просвещенное покровительство, однако последствия этого события были не столь плачевны, как иногда предполагалось. Несмотря на то, что Карл VI в момент своего вступления на престол был всего лишь ребенком, а впоследствии страдал от приступов душевной болезни, патронаж герцогов королевской крови по-прежнему процветал и получил положительный импульс благодаря их противоборству. Как «Эпическая

275

поэма о герцогах Бургундских», так и «Книга деяний доброго рыцаря мессира Жака де Лалена» в какой-то мере были вдохновлены бургундской пропагандой, и эта тенденция особенно ярко проявилась в анонимной поэме под названием «Пасторале», которая должна была очернить герцога Орлеанского и все, что имело отношение к этому заклятому врагу Бургундии. Честолюбие бургундского дома отразилось и в пристрастии к «Жирану Руссильонскому», тексту, который был связан с Бургундией с самым широким смыслом; и

самым поразительным примером литературной пропаганды в пользу политики герцогского дома является «Защитная речь» Жана Пти, в которой тот отстаивал право на тираноубийство, говоря о преступлении, совершенном в 1407 г.* Более того, именно в годы правления Карла VI, особенно в первые два десятилетия XV века, когда герцоги стремились продвинуть своих протеже и сторонников на все правительственные посты, и когда положение монархии в целом было довольно шатким, мы можем наблюдать период самой интенсивной деятельности гуманистов в позд-несредневековой Франции. Королевские секретари, такие как Гонтье Коль (ум. 1418 г.) и Жан де Мон-трейль (ум. 1418 г.), которые принимали активное участие в политике и дипломатии и, как например Никола де Кломанж (ум. 1437), провели часть своей жизни в Авиньоне или в Италии, состояли в переписке с канцлером Флоренции Колуччо Салютати (1331-1406 гг.) и выступали в защиту королевской династии. Нередко говорят о том, что королевская библиотека, собранная Карлом V после его смерти досталась принцам, однако между 1380 и 1411 гг. были потеряны, розданы или украдены не менее двухсот книг, и приобретения Карла VI более чем компенсировали эти утраты. Лишь к 1424 г. это собрание сократилось до

Убийство Людовика, герцога Орлеанского, совершенное по приказу его соперника Иоанна, герцога Бургундии. (Прим, ред.)

276

843 единиц, и оно перестало существовать только в 1435 г. после смерти купившего его герцога Бедфорда.

Париж и французский королевский двор в действительности пережили свой упадок и перестали быть центром интеллектуальной и художественной жизни после вступления на престол Филиппа Доброго и смерти Карла VI. С этого времени в Париже отсутствовал королевский двор, и центр, притягивавший ученых и художников, переместился в Нидерланды, где в Ренте и Брюсселе отныне был создан бургундский двор. После смерти герцога Беррийского и убийства Иоанна Бесстрашного талантливейшие фламандские живописцы работали в родной стране, где они пользовались покровительством не только герцогского двора, но и богатых патрициев и служителей церкви в самых экономически развитых городах на севере от Альп. Именно 1420 г. А. Ковиль датирует начало спада гуманистической активности во Франции, и в том же году прервалась долгая традиция Сен-Дени, официального историографического центра. Величайшие писатели следующего поколения — Ангерран де Монстреле, Матье д'Экуши, Жорж Шатлен и Оливье де ла Марш — все были привлечены к бургундскому двору. Нам приходится ждать до 1440-х гг., чтобы увидеть временное возрождение «французской» живописи с появлением Жана Фуке, и только во времена Людовика XI пришел черед великолепных трудов Филиппа Коммина (см. рис. 104) и Томы Базена (см. ниже стр. 297-298).

Когда в 1418 г. бургундская партия одержала победу, дофин Карл обосновался в Бурже, и с этого времени до конца XV века королевский двор находился в центральной Франции: в замках долины Луары, в Орлеане и Турени. Стиль придворной жизни теперь существенно отличался от принятого при Карле V, тяготея к старинным сеньориальным резиденциям вблизи больших лесов, незаменимых для охоты. Однако несмотря на то, что жизнь двора теперь прохо-

277

Рис. 104. Портрет Филиппа де Коммина, сеньора д'Аржантона, историка; рисунок карандашом неизвестного художника

дила в сельской местности, такие города, как Бурж, Мулен и Тур извлекали выгоду из близости принцев. Для знати и богатых купцов возводились дома — примером такой постройки является дом Жака Кера в Бурже (см. рис. 105) — и расширялась торговля предметами роскоши. Неизвестный «мастер из Муле-на», написавший триптих в городском соборе в конце XV века, по-видимому, жил и работал в Мулене. Прославленный портрет Агнессы Сорель, возлюбленной Карла VII, можно увидеть в загородной резиденции в Лоше (см. рис. 106). Именно в Туре около 1420 г.

278

Рис. 105. Камин и двери в доме Жака Кера, Бурж

родился Жан Фуке, и именно в маленькой приходской церкви в удаленном от него менее чем на сорок миль Нуане находится величайшее живописное произведение мастера — «Pieta». Фуке был воспитан в традициях франко-фламандской миниатюристики, он был знаком с работами Яна ван

Эйка и, совершив двадцати с небольшим лет от роду путешествие в Италию, перенял итальянские декоративные мотивы и воспитал в себе вкус к линейной перспективе и чувство света-
279

тени. Он известен, прежде всего, как миниатюрист, и достаточно упомянуть иллюстрации в «Часослове Этьена Шевалье», во французском переводе Боккаччо и в «Больших французских хрониках», чтобы можно было говорить о его мастерстве в этой области. Однако портреты Карла VII и Жювене-неля дез Юрсена, хранящиеся в Лувре, свидетельствуют о блистательном таланте Фуке в создании живописных полотен. Самой блистательной из его ^{Рис. 1. Агнесса со Рель} сохранившихся работ, без

сомнения, является нуансная «Pieta», присущая ей скульптурная основательность ознаменовала важную веху в истории французского искусства. Фуке был художником, в творчестве которого переплелись традиции севера и юга, однако в ту эпоху он был единственным во Франции: центры тяжести сместились в Нидерланды и Италию.

В Англии сразу же обращает на себя внимание отсутствие традиции просвещенного королевского покровительства искусства, подобного тому, какое существовало во Франции в XIV веке, поскольку, в отличие от Иоанна II и его сыновей, Эдуард III и его семья не питали особой склонности к ученым занятиям и созерцанию произведений искусства. Вкусы Эдуарда были связаны с рыцарскими ценностями и отличались традиционализмом. Он планировал сделать Виндзор центром придворной жизни и превратить его в большой центр рыцарства, и необычайные затраты на эти работы, составившие более 5000 фунтов стерлингов,

280

превосходили королевские расходы на строительство любого другого здания в средневековой Англии. Большая часть этой суммы ушла на создание большого Круглого зала, сооруженного в 1344 г. для нового рыцарского ордена Круглого стола, и на строительство коллегиальной часовни Св. Георгия, основанной в 1348 г. с тем, чтобы дать пристанище его преемнику, ордену Подвязки. Возводя эти постройки и завершая строительство часовни Св. Стефана в Вестминстере, Эдуард несомненно пытался соперничать с домом Валуа. Турниры и поединки, охота и балы позволяли аристократии той эпохи непрестанно развлекаться, и благодаря кольцу окрестных домов и охотничьих домиков, построенных королем вокруг Виндзора, он мог охотиться со своим двором в любой части леса, всегда имея неподалеку пристанище, где можно было подкрепиться и заночевать. Культурная жизнь при дворе была, прежде всего, заслугой королевы Филиппы, которая сама по материнской линии происходила из рода Валуа, и чья семья (имевшая свой двор в Валансьенне) проявляла заметный интерес к искусствам. Благодаря покровительству королевы к английскому двору были привлечены несколько уроженцев Эно, среди которых какое-то время был Жан Фруассар (ок. 1337-1404 гг.), а также Андре Боневе из Валансьенна и Жан (известный как Аннекен) из Льежа. Аннекену, который как и Боневе, был привлечен в 1364 г. к французскому королевскому двору щедрыми заказами Карла V, принадлежит замечательное изображение Филиппы в Вестминстерском аббатстве, откровенный и недобрый портрет, созданный при ее жизни, однако элементы реализма, введенные в трактовку тела, не могли не повлиять на последующие

изображения королей (см. рис. 107). Фруассар провел при английском дворе большую часть 1360 гг. в роли секретаря покоев королевы, и, возможно, там же прошла часть его детства, и именно благодаря патронажу Филиппы он смог посетить в 1365 г. Шотландию, провести часть

281

1366 и 1367 гг. при дворе Черного Принца в Бордо и совершить путешествие в Италию в 1368-1369 гг. Однако следует отметить, что после смерти королевы в 1369 г. Эдуард III не стал держать Фруассара при английском дворе, и тот был вынужден вернуться в Валансьенн, где обрел новых патронов; и только в 1370 г. он завершил первый вариант своих «Хроник» по просьбе племянника Филиппы, Робера Намюрского.

ХОТЯ Фруассар СЧИТАЛ Рис. 107. Изваяние^ королевы

себя прежде всего поэтом, он вошел в историю как хро-

Филиппы д'Эно (ум. 1369); белый мрамор, скульптор Жан де Льеж, НИСТ, Прославившись своим Вестминстерское аббатство, Лон он

большим четырехтомным

трудом, в котором были охвачены европейские события примерно с 1326 г. до конца XIV века; «Хроники» пленили своих современников великолепным повествовательным стилем и стали в их глазах хранилищем засвидетельствованных деяний аристократии (noblesse). Об этом труде можно говорить как о «своего рода «Кто есть кто» господ, которые стремились «снискать себе бессмертие благодаря упоминанию на его страницах», и Фруассар много путешествовал для того, чтобы собрать о них сведения. Вполне естественно, что «Хроники» отражают благоприятный для различных патронов их автора взгляд на описываемые события, и филологические трудности, возникающие в связи с различными версиями текста, таковы, что до сих пор нет его полного научного издания. Однако если Фруассару не всегда можно доверять в подаче событий, и к тому же он был плачевно небрежен по

282

отношению к топографии, хронологии и цифрам, то его «Хроники» всегда будут представлять собой бесценный источник как литературное произведение и как описание социальной среды и нравов рыцарского общества той эпохи, предрассудки которой он разделял. «Хроники» приоткрывают завесу в исчезнувший мир, и без них наши знания о XV веке были бы гораздо менее богатыми.

Помимо деятельности при английском дворе этих выходцев из Эно и благоволения к Чосеру (см. ниже стр. 195), почти ничто не говорит об интересе короля и двора к искусствам во времена Эдуарда и в дальнейшем. Возможно, что разрушения, причиненные Реформацией, в течение времени лишили нас многих шедевров позднего английского средневековья, и следует признать, что существенным препятствием для нас является отсутствие подробных описей домашнего имущества королей, подобных тем, что были составлены во Франции после смерти Карла V и его братьев, поскольку именно из них была получена большая часть сведений о культурной жизни династии Валуа. Однако даже если учесть эти факторы, работы английских художников кажутся невзрачными. В Лондоне не было специализированных ателье, сравнимых с парижскими. Дошедшие до нас от начала XIV века «Восточноанглийские псалтыри» были выполнены группой

странствовавших мастеров, которые в поисках патрона периодически собирались в различных местах и в различном составе. Даже заслуженно знаменитые манускрипты, изготовленные для семейства Бознов (ок. 1365 г.), не могут быть атрибутированы ни как произведения школы иллюминаторов, обладавших своими собственными четко определенными стилями, ни как работы какого-либо одного живописца, и по своему качеству английские манускрипты второй половины XIV века существенно уступали произведениям французских мастерских. Среди прочих было высказано предположение о том, что годы чумы привели к более

283

серьезному разрыву традиции английской миниатюристики, чем это было во Франции. Однако очень о многом говорит то, что ни один фламандский художник, по-видимому, не был приглашен поселиться в Лондоне, а также то, что псалтырь, заказанный в 1359 г. королем Иоанном, находившимся в плену в Лондоне, у «мэтра Жана Ланглуа, писца», не был приобретен, когда король увидел его, но возвращен художнику с вознаграждением за труды, и то, что Фруассар, делавший в 1381 г. копию первой редакции своих хроник для Ричарда III, иллюминировал ее в Париже, где она была присвоена Людовиком Анжуйским.

Отсутствие школы, которая обладала бы своими собственными традициями и имела бы явно выраженный центр, заметно и в отношении живописных полотен и гобеленов. Помимо «окрашенных полотнищ», которыми зашивались стены в более скромных домах, все гобелены ввозились с континента и многие были преподнесены в дар французскими королями и герцогами Бургундскими, откуда происходит их английское название «artas». Ряд важных картин относятся к последним двум десятилетиям XIV века, среди них портрет Ричарда II из Вестминстерского аббатства и, несомненно самый известный (см. рис. 108), «Уил-тонский диптих» из Национальной галереи в Лондоне (см. рис. 109-111). Ни одно из произведений не

*Рис. 108. Фрагмент
прижизненного портрета
Ричарда II; живопись по
дереву, работа неизвестного
художника, Вестминстерское
аббатство, Лондон*

284

Рис. 109. Белый олень с уилтонского коврового диптиха (конец XIV в.)

может быть атрибутировано какому-либо одному художнику или школе. Непревзойденное качество «Уилтонского диптиха» заставило некоторых авторов предположить, что он имеет франко-фламандское или французское происхождение. Безусловно, он не отличается ярко выраженными местными чертами, и в его утонченном стиле, граничащем с вычурностью, сочетаются фламандский точный реализм и французская куртуазная изысканность. Однако подобная интерпретация создает дополнительные трудности. Сходство физического типа Эдмунда Святого, Эдуарда Исповедника и Иоанна Крестителя с физическим типом соответственно Эдуарда II, Эдуарда III и Черного

285

Рис. 110. Святые-покровители Ричарда II: Эдмунд Святой, Эдуард Исповедник и Иоанн Креститель, представляют его Деве Марий и младенцу Христу; панель уилтоновского коврового диптиха (конец XIV в.)

Принца, а также явно портретное изображение Ричарда II говорят о том, что диптих мог быть

написан только в Англии. Об этом же свидетельствует и осведомленность художника в геральдических и прочих деталях. Белый олень, личная эмблема Ричарда (взятая им в 1390 г.), изображенный на оборотной стороне диптиха (см. рис. 109), также вышит на оде--яниях одиннадцати ангелов и присутствует на алой

286

Рис. III. Дева Мария с младенцем и одиннадцатью ангелами; панель уилтонского коврового диптиха; конец XIV в. мантии короля. Герб, приписывавшийся Эдуарду Исповеднику, геральдически соединенный с четвертными королевскими гербами Франции и Англии (что было характерной чертой периода между 1394 и 1399 гг.), также повторяется на тыльной стороне диптиха. Белый олень, изображенный на обороте, по-видимому, лежит на примятых ветвях розмаринового куста, который

287

известен как личная эмблема королевы Анны Богемской, первой супруги Ричарда (ум. 1394 г.). Все это наряду с другими свидетельствами говорит о том, что «Уилтонский диптих» был создан между 1394 и 1399 гг. и имеет английское происхождение. Среди приводившихся доводов — в частности то, что ни один французский художник не расположил бы три фигуры в ряд, а также то, что ожерелья из веточек дрока, надетые на Ричарде и ангелах, а также вышитые на платье короля, могли появиться в связи с осознанным принятием Ричардом II «ветки дрока» (*cosse de genet*) в качестве символа, равно как и в связи с наличием такого рода ожерелий у Карла VI в 1395-1396 гг. и их использованием династией Валуа с 1378 г. Если это так, то именно начиная с правления Ричарда возникает идея «Плантагенетов» как родового имени, и выбор эмблемы может быть отнесен на счет намеренного возрождения притязаний, восходивших к Жоффруа Анжуйскому*, и в таком свете он представляет собой скорее попытку соперничать с домом Валуа, чем подражать ему. Однако трудно увязать подобную интерпретацию с миротворческими шагами Ричарда в 1390-х гг. с его намерением заключить союз с Францией и женитьбой на дочери Карла VI Изабелле в 1396 г. (см. выше стр. 93). Два лондонских живописца по имени Джилберт Принс (ум. 1396 г.) и Томас Принс из Литлингтона получали от Ричарда заказы на выполнение большого числа произведений, в которых они широко использовали в качестве декоративных мотивов белого оленя и ветки дрока, однако нет никаких свидетельств, позволяющих считать их создателями «Уилтонского диптиха». Идея диптиха в целом является французской, подобные композиции, изображавшие могущественного человека, в присут- Жоффруа, граф анжуйский в 1129—1151 гг., родоначальник Плантагенетов, династии английских королей. Согласно легенде, носил на шлеме ветку дрока. (Прим. ред.)

ствии своих святых-покровителей преклонившего колена перед девой Марией, в то время нередко встречались в королевских часовнях Франции, равно как и у герцогов Бургундии и Берри. Отстаивалось мнение о том, что диптих мог быть написан английским художником, знакомым с французской живописью, однако кажется более вероятным, что он был создан французским или фламандским мастером, работавшим в Англии. На данном этапе нам остается только сопоставить его с другими живописными произведениями той эпохи, чьи создатели не установлены или просто отнести к категории «интернациональной готики». Отсутствие подробных описей королевского имущества особенно вызывает досаду, когда дело касается книг, однако опубликованные свидетельства однозначно говорят о том, что в XIV веке в Англии не существовало королевской библиотеки какой бы то ни было величины, и как можно заключить на основании завещаний, знать отличалась удивительно неинтеллектуальными склонностями. Ничто не указывает на то, что Эдуард III интересовался книгами. Ричард II, напротив, по словам Фруассара (который в 1395 г. преподнес ему богато переплетенную и иллюминированную книгу, как видно, своих стихов), приобретал их достаточно регулярно, он мог говорить и очень хорошо читал по-французски и хранил свои книги в собственных покоях. Нам известны некоторые труды, преподнесенные Ричарду: один из них содержит трактат об обязанностях королей, перечень снов, и их толкование, а также трактат, озаглавленный «Книжица геомантическая» и составленный для утешения Ричарда в марте 1391 г. «малым слугой короля». Однако при том, что подобные труды в какой-то мере позволяют судить об интересах короля и приоткрывают нам изумительный склад его души, на их основании нельзя сделать

никаких заключений относительно количества и тематики книг, которыми он владел. Мы располагаем гораздо более существенной информацией о книгах, принадлежавших придворному рыцарю Ричарда, в свое время исполнявшему роль его наставника, сэру Симону Берли — эти сведения получены из описи имущества двух его лондонских домов, составленной в 1388 г. Она показывает, что Симон Берли владел неплохим собранием книг, в числе которых девять французских романов, «Хроника о Бруте» и «Пророчества Мерлина», а также ряд более серьезных трудов; только один том — «Роман о леснике и диком вепре» — был на английском языке и определенно только один на латыни. В нашем распоряжении находятся еще две описи библиотек, принадлежавших в XIV веке светским лицам. В одной из них зафиксирован состав библиотеки Гая Бошана, сына и наследника графа Уорика, скончавшегося в 1360 г., оставив сорок две книги Бордслейскому аббатству в Вустершире, среди них было девятнадцать романов, а остальные имели, в основном, религиозное содержание. Другая опись говорит о содержании библиотеки герцога Глостера, у которого в Плешии было восемьдесят три книги, в их числе девятнадцать романов, двадцать один труд религиозного содержания, пять правовых сводов, девять хроник, два английских Евангелия и английская Библия. Помимо этого в его часовне было еще две библии и тридцать одна бого-служебная книга.

Библиотека Берли, по-видимому, отражает его собственные интересы, и он мог приобрести некоторые из томов, перечисленных в описи, в то время, когда был наставником Ричарда, однако примечательно то, что в этой библиотеке нет ни одного произведения Чосера, хотя они должны были хорошо знать друг друга. Гораздо труднее судить о том, насколько со-

ответствовало интересам своего владельца собрание Глостера, хотя стоит отметить, что в завещании его супруги Элеаноры, дочери и сонаследницы Хамфри де Бозна, графа Херефорда (ум. 1373 г.), для которого были выполнены знаменитые «Бознские псалтыри», упомянуты тринадцать произведений на французском языке. Пять из них были псалтырями, и еще три имели религиозное и назидательное содержание, однако из числа остальных некоторые прежде принадлежали ее мужу и, подобно многочисленным гобеленам, которыми он владел в Плешии, были преподнесены в дар Карлом VI и Филиппом Храбрым. Возможно, что Глостер унаследовал свои интеллектуальные интересы, которые, как кажется, носили преимущественно религиозный и рыцарственный характер, от своего свекра. Он должен был быть подготовлен к должности констебля, которую получил в 1374 г., и чосеровский рыцарь свидетельствует о славе, прине-

сенной Херефордом из крестового похода, с которой пытался соперничать Глостер, равно как и граф Арун-дел (тесть Херефорда), а также другой зять Херефорда, граф Дерби, впоследствии Генрих IV. Хотя Глостер и Дерби не знали Херефорда лично, память о его славе, по-видимому, поддерживалась его вдовой, глубоко почитаемой дамой, которая, несомненно, принимала живое участие в воспитании детей Генриха IV. Герцогиня Глостер и графиня Дерби обе продолжали по традиции своего отца заказывать манускрипты на религиозные темы, и возможно, что Генрих V унаследовал свой интерес к религии, крестовым походам и литературе в большей степени от своего деда Бо-энана, нежели от Плантагенетов. Все дети Генриха IV питали интерес к книгам, хотя Генрих V печально известен своей склонностью присваивать чужие книги, и приобрел многие из принадлежавших ему томов во время военных грабежей. Однако самым незаурядным

291

из трех сыновей Генриха IV был Хамфри, герцог Глостер. Подобно немногим аристократам, таким как Вильям Грей, епископ Или (отправивший Джона Фри в Италию) и Джон Типтофт, граф Вустер, он покровительствовал гуманистам и собирал итальянские книги. Среди секретарей герцога Глостера числились итальянцы Тито Ливио Фруловизи и Антонио Бекка-риа, он состоял в переписке с Пьером Кандидо, а завещание его книжного собрания Оксфордскому университету наряду со строительством библиотеки для его хранения имело большое значение для последующей традиции английского образования.

Правление Ричарда II обычно считается эпохой наивысшего расцвета культурной жизни в позднесредневековой Англии, и последняя четверть XIV века, несомненно, была отмечена созданием выдающихся художественных и литературных творений. Мы уже видели, что к этому периоду относятся некоторые значительные живописные произведения. В 1394 г. началось строительство Дворцового холла в Вестминстере с ажурной каменной работой вдоль окон в перпендикулярном стиле Генри Йевеля и выполненным Хьюгом Херлендом большим сводом из деревянных арок с подбалочниками и несущими фигурами ангелов (см. рис. 112). Именно в 80-е и 90-е гг., после двух путешествий в Италию, были написаны величайшие произведения Чосера: «Троил», «Легенда о добрых женах», «Трактат об астрологии» и, прежде всего, «Кентерберийские рассказы». Принято говорить о том, что большинство этих достижений были заслугой Ричарда, который подчинил искусство служению делу английских королей и «божественности, которая отличает короля», отринул воинские заслуги отца и деда, стремился к заключению мира с Францией и превратил «таинство» монархии в нечто, принадлежащее исключительно ему самому. Однако личный

292

Рис. 112. Крыша на подбалочниках в Большой зале Ричарда II, Вестминстерский дворец, 1394—1401 гг.

вклад короля сложно подтвердить документально. О трудностях такого рода уже шла речь применительно к королевской библиотеке и «Уилтонскому диптиху», однако не только их

содержание и происхождение окутаны мраком. Ни произведения Чосера, ни работы Йевеля и Херленда не могут быть отнесены исключительно на счет патронажа Ричарда. Как Йевель (ум. 1400 г.), так и Херленд (ум. ок. 1406 г.) выполняли объемные и важные заказы в годы правления Эдуарда III и в 1360 г. уже были причислены к

293

дворцовому штату. Положение, которое они занимали как мастер-каменщик и мастер-плотник, обязанные наблюдать за всеми королевскими работами, было результатом административной реформы, проведенной в годы несовершеннолетия короля и приписываемой казначею Англии Томасу Брантингему. И чистая случайность, что по воле судьбы Большой холл Ричарда II сохранил почти тот самый облик, какой он имел к моменту смерти короля, тогда как грандиозные постройки Эдуарда III в Вестминстере и Виндзоре по большей части были снесены или перестроены.

Чосер начал успешное продвижение на королевской службе в придворном штате королевы Филиппы в 1360-х гг. (он женился на одной из ее придворных дам, Филиппе Рое, которая, возможно, тоже была уроженкой Эно), и после смерти королевы он был не меньшим обязан Эдуарду III и Джону Гонту, чем Ричарду. Одна из его ранних работ — «На смерть герцогини» — была написана как плач по первой жене Гонта, Бланке Ланкастерской (ум. 1369 г.). Именно в эти годы Чосеру были пожалованы ежегодные ренты и земли, которыми он владел большую часть своей жизни, тогда же он прошел военную службу в войсках, сражавшихся во Франции (1359-1360 и 1369 гг.) и, по-видимому, в Испании (1368 г.), и выполнял дипломатические поручения во Франции (1368 и 1377 гг.) и Италии, где посетил Геную и Флоренцию (1372-1373 гг.), а также Ломбардию (1378 г.). Однако Чосер не был только придворным поэтом, и большое влияние на его литературный талант оказало знание практической жизни. Как сын и внук лондонских виноторговцев, впоследствии ставший контролером мелких заказов на поставку вина и торговых операций лондонского порта, он был знаком с миром торговли и деловых отношений. Он служил своему времени как мировой судья и член

294

парламента от Кента, он прожил жизнь сельского джентльмена, однако Лондон был его излюбленным местом пребывания. Чосер никогда не посещал университет, но он разбирался в вопросах, обсуждавшихся клириками на факультетах, и независимо от того, было ли у него формальное юридическое образование, Чосер владел языком права. Круг его чтения поражает своим диапазоном. Он был прекрасным знатоком классических авторов, знал раннесредневековые переложения классических мифов и разнообразную латинскую литературу средних веков в области поэзии, истории, философии и науки. Уже говорилось о том (см. выше стр. 253), что Чосеру были известны произведения его французских современников, а после путешествия в Италию сферу его интересов пополнили произведения Данте, Петрарки и Боккаччо. Чосер не придумывал свои истории, но он рассказывал их так, как никто прежде, под его пером марионеточные персонажи фавлю превратились в живых людей. В отличие от Фруассара, чьи интересы и симпатии ограничивались аристократическими кругами, в которых тот вращался, Чосер был знаком с жизнью и взглядами всех слоев общества, и в «Кентерберийских рассказах» ярко проявились его знание мира, необычайно широкий круг чтения и наблюдательный ум. Удивительной особенностью французского королевского патронажа был его официальный характер. В той или иной степени он проявился во всех областях искусства, однако пользовались наибольшим престижем и первыми приобрели официальный статус должности мастеров-каменщиков и мастеров-плотников, руководивших строительством. Уже сам масштаб осуществляемых ими работ, необходимые финансовые издержки и осведомленность в инженерном искусстве автоматически выделяли их в особую категорию художников, и поскольку здания регулярно требовали

295

осмотра и ремонта и непрерывно достраивались и перестраивались, довольно рано возникла необходимость в учреждении официальных и более или менее постоянных должностей. На протяжении XIV века в организации королевского строительства набирала силу тенденция к специализации и централизации, что привело к более четкому разделению административной и технической сферы при проведении различных строительных работ. Уже в самом начале XIV века надзор за административным управлением строительством поручался секретарю королевских работ (*clerc payers des oeuvres de roi*), который действовал через своих подчиненных (*magister solutor operum*), имевшихся в каждом баляже или сенешальстве. Должностные лица,

отвечавшие за сугубо техническую часть работ, в числе которых самыми важными были мастер-каменщик (как Раймон де Тампль) и мастер-плотник, ведали почти всем королевским строительством. Они были, как мы сказали бы сегодня, главными архитекторами. Частое поручение заказов художникам и скульпторам также рано привело к созданию более или менее постоянных должностей (*pictores regis*, *peintres du roi*, *imagiers*). Уже при Иоанне II два мастера носили титул «художник короля»: с 1350 г. Жирар Орлеанский и с 1351 г. Жан Кост. Нечто подобное происходило и в Бургундии при Филиппе Храбром. Жан де Марвиль был живописцем и комнатным слугой (*imagier et valet de chambre*) герцога, и мы уже видели, как возник этот официальный пост (см. выше стр. 266). Некоторые входили в состав придворного штата короля или герцога в качестве комнатных слуг (*valets de chambre*), церемониймейстеров (*ushers*), оруженосцев (*esquires*) и приближенных (*familiars*). Не позднее 1313 г. иллюминатор по имени Масио был сделан комнатным слугой при дворе Филиппа Красивого, и такого же поло-

жения впоследствии были удостоены другие художники. В связи с вступлением на престол Иоанна Жирар Орлеанский, который с 1328 по 1350 г. неоднократно нанимался французской короной, внезапно упоминается как «наш возлюбленный приближенный ...художник и церемониймейстер нашего зала». После пленения короля при Пуатье, когда придворный штат по необходимости был сокращен, Жирар тем не менее оказался в числе тех, кто сопровождал пленного короля в Англию и оставался с ним там все время, сначала в роли «слуги покоев», а затем — в «*valet de chambre*». Несомненно, он был в каком-то роде личным компаньоном Иоанна, и о характере их отношений, возможно, свидетельствуют шашки, сделанные им для короля в годы плена. После смерти Иоанна в 1364 г. Жирару наследовал Жан Орлеанский, комнатный слуга, на смену которому в 1404 г. пришел Франсуа Орлеанский, по-видимому, его сын; очевидно, что все они находились в родственных отношениях. Однако, хотя Карл V сохранил эту семейную должность, он также назначал своих собственных художников, в их числе Жан де Бандоль из Брюгге, который в 1368 г. стал «художником короля» и, возможно, в 1378 или 1379 гг. был допущен в придворный штат. К концу XIV века должность комнатного слуги при дворах королей и принцев стала обычным назначением для писателей, художников и ремесленников, удовлетворявших их вкусы: ювелиров, шпалерных мастеров, иллюминаторов, вышивальщиков и музыкантов. Ту же тенденцию можно проследить и в историографии. Хотя происхождение официальной составляющей французской истории до сих пор остается загадкой, известно, что с какого-то момента в XIII веке короли Франции стали платить монаху Сен-Дени как «хронисту Франции», результатом чего стало стабильное ведение в королевском аббатстве исторических

297

Рис. 113. Пеший бой на турнирной арене (*en champs clos*); «Жизнь и деяния Ричарда Бошана, графа Уорика» Джона Роуза, ок. 1485 г.

записей вплоть до 1420 г. («Большие хроники» и «Хроники монастыря Сен-Дени»). Хотя в том году традиция официального историографического центра была прервана (см. выше стр. 275), она получила продолжение в «Латинской хронике» Жана Шартье (ум. 1464 г.), охватывающей период между 1422 и 1450 гг. С 1422 по 1450 г. официальным хронистом являлся Жан Кастель, внук Кристины Пизанской, который был монахом Сен-Мартен-де-Шамп, а в дальнейшем — аббатом Сен-Мор-де-Фосс; однако будущее было за мемуаристами — Тома Базеном (1412-1491 гг.) и Филиппом де Коммином (ок. 1447-1511 гг.), которые в силу их близости к королю должны рассматриваться в

тесной связи с официальными историками. Сходное, хотя и не во всем, развитие событий можно наблюдать и в Бургундии. Как Филипп Добрый, так и Карл Смелый поощряли труд историков и держали их на жалованьи. Если мы не видим свидетельств их активного патронажа по отношению к рыцарским хроникам Ангеррана де Монстреле и гораздо более талантливого Матье д'Экуши, которые совместно довели повествование Фруассара до 1460 г., то хроники Жоржа Шатлена и «Мемуары» Оливье де ла Марша пользовались широкой поддержкой герцогов. Оба автора сделали свою карьеру при бургундском

298

дворе, где они занимали несколько доходных должностей, и принимали участие в ряде дипломатических миссий. В 1455 г. Шатлен был сделан постоянным историографом бургундского дома и получил резиденцию в принадлежавшем самому герцогу Отель-Саль-ле-Конт в Валансьенне; при Карле Смелом он стал рыцарем Золотого руна и был назначен историографом ордена. Хотя было бы ошибочно думать, что эти хроники составляли «бургундскую школу», на что указывал сам Шатлен («Я не англичанин, не испанец, не итальянец, но француз, ибо я описал подвиги двух французов, из которых один — король, а другой — герцог»), тем не менее сам факт, что герцоги Бургундские были щедрыми патронами, неизбежно означает, что их протеже смотрели на события с бургундской точки зрения, и суть герцогской политики, несомненно, заключалась именно в том, чтобы побудить их к этому. Уже хотя бы это мешало хронистам отстраниться от традиционного видения политики и прежних способов написания истории, однако в «Истории Карла VII и Людовика XI» Базена и особенно в «Мемуарах» о Людовике XI и Карле VIII Коммина появляется новая установка. Эти мемуаристы описывали правление по-новому образно и продемонстрировали знакомство с официальной информацией и политическую осведомленность, которых недоставало их предшественникам; и все же их судьбы сложились совершенно по-разному. Выросший в Нормандии в годы английской оккупации, Базен служил французской короне, однако в итоге искал прибежища в Бургундии. Как мы видели (см. выше стр. 190) во Франции Базен принял сторону знати, чувствовавшей себя оскорбленной и сопротивлявшейся постепенному усилению механизма королевской централизации. Коммин, с другой стороны (см. рис. 104), хотя и был по рождению, как Шатлен, подданным бургундского

299

дома и провел шесть лет на службе у Карла Смелого, был переманен к себе на службу Людовиком XI. Хотя Коммин отдавал себе отчет в том, какими опасностями чреват новый порядок, он был убежден, что только сильный король может спасти Францию от междоусобной войны. Умение вычленить из описываемых ими событий политическую идею — вот что отличало обоих авторов от их предшественников.

В Англии не существовало ничего подобного таким официальным должностям, важное исключение составляли только строительные работы, для ведения которых в 1378 г. были учреждены посты мастера-каменщика и мастера-плотника (на них было возложено общее наблюдение за всем королевским строительством). И хотя с 1360 г. вошло в обыкновение допускать в королевский придворный штат наряду с мастерами-каменщиками и мастерами-плотниками (как Йевель и Херленд) писателей (как Фруассара и Чосера) и впоследствии даже художников (как Томаса Принса из Литлингтона, сопровождавшего Ричарда II в Ирландии), они все же не занимали официальных постов, на которые назначались их современники во Франции. Современные авторы иногда называют Джилберта и Томаса Принсов «королевскими живописцами», однако в отчетах о выполненной ими работе оба они упоминались как «лондонские художники». В годы правления Генриха V в должности «живописца короля», по-видимому, состоял Томас Глостер, однако следующее упоминание о подобном звании приходится только на 1453 г. Что касается исторических трудов, то официальной хроники в позднесредневековой Англии не было, равно как и не было мемуаристов, подобных Базену или Коммину (хотя приглашение Хамфри, герцогом Глостером, итальянца Тито Ливио Фруловизи для написания биографии его брата Генриха V, пожалуй, может быть рассмотрено как отдаленная параллель). С другой стороны, в Лондоне было создано

300

Рис. 114. Церемония коронации Генриха VI королем Франции в 1431 г.; «Жизнь и деяния Ричарда Бошана, графа Уорика» Джона Роуза, ок. 1485 г.

множество городских хроник, никакого аналога которым в Париже не было, и в начале пятнадцатого века мы видим зарождение английской традиции изучения древностей с появлением трудов Вильяма Вустера и Джона Роуза, написавшего среди прочих вещей «Жизнь и деяния Ричарда Бошана, графа Уорика» (см. рис. 114).

Точно так же покровительство искусствам и литераторам в Англии, по-видимому, одновременно было менее официальным, несколько более старомодным и во многих отношениях имело более широкую основу, чем во Франции. Несомненно, отчасти это было результатом стечения обстоятельств, предыдущего исторического развития, войны и радикальных отличий в положении монархии и высшей знати двух стран;

301

Рис. 115. Витраж в часовне Генриха IV, Кентерберийский собор

однако это также было итогом роста социальных различий и экономических перемен. Недавно было высказано предположение о том, что лондонские хроники могут указывать на растущее влияние джентри и бюргерства, которые начинают спланиваться и обретать голос в парламенте, тогда как доминирующее положение официального историка во Франции отражает самосознание монархии, неизвестное Англии. Безусловно, не простое совпадение, что в Англии с неослабевающим размахом продолжали строиться и перестраиваться в новом перпендикулярном

Рис. 116. Воскресение Христа; восточный витраж в северном приделе церкви Св. Марии и Св. Николая, Рангель, Линкольншир
боры и приходские церкви, в то время как во Франции величайшая эпоха готической архитектуры почти отошла в прошлое. Повсеместное возведение заупокойных часовен на пожертвования частных лиц, а также коллегиальных церквей, больниц и учебных заведений, колледжей Оксфорда и Кембриджа и приходских церквей с их великолепными витражными окнами (см. рис. 115-117), творением национальной школы мастеров по росписи стекла, является самой заметной особенностью позднесредневековой Англии и свидетельствует о необычайно распространенном патронаже. Многие из этих построек, подобно замкам и

303

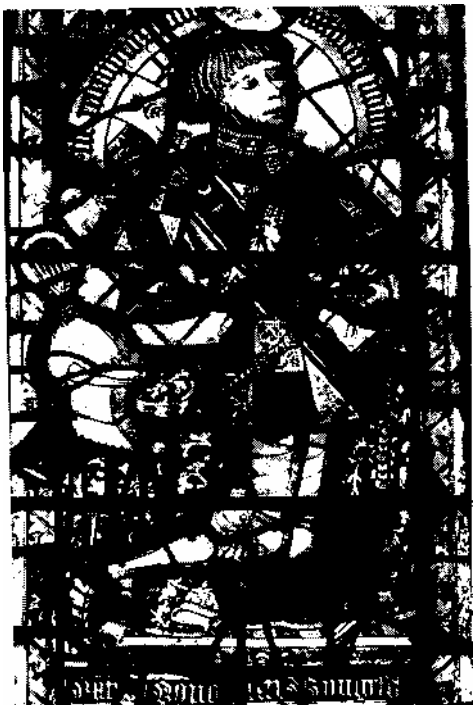

Рис. 117. Фрагмент восточного витража с изображением доспехов XV в., церковь Св. Петра и Павла, Ист-Харлинг
манорам знати и джентри, а также домам богатых купцов, свидетельствовали об удаче, достигнутой в ходе войны или благодаря шерстяной торговле. О Столетней войне нам напоминают не только Сент-Джордж, Виндзор и постройки Генриха V в Шине и Сионе, но и коллегиальная церковь Генриха Ланкастера в Лестере (1356 г.) и церкви сэра Роберта Нол-лиса в Понтефракте в Йоркшире (1385 г.), сэра Хьюга Колвли в Банбери в Чешире (1386 г.), Эдуарда

Йоркского в Фозерингее в Нортгемптоншире (1411 г.), а также построенный на пожертвования Джона лорда

304

Кобхема колледж в Кобхеме в Кенте (1370 г.) и заупокойная часовня Ричарда Бошана в Уорике (1442-1465 гг.). Столетняя война приходит на память и при виде замков Джона лорда Кобхема в Кулинге в Кенте (1374-1375 гг.), сэра Эдуарда Даллингриджа в Боди-еме в Суссексе (1386 г.) (см. рис. 70) или сэра Джона Фастольфа в Кайстере в Норфолке (ок. 1440 г.) и лорда Ральфа Кромвеля в Таттершелле в Линкольншире (начат в 1434 г.). Многие из этих зданий и по сей день являются красноречивым свидетельством богатства и щедрости своих владельцев и мастерства строителей. Серия английских заупокойных часовен (см. рис. 118, 119) была названа «уникальной в истории европейского искусства», а часовня Бошана в приходе Св. Марии в Уорике (см. рис. 120) с величественным надгробным изображением графа Ричарда, украшенным фигурами плакальщиков (см. илл. 58, 59, 121), «величайшим достижением английских скульпторов середины XV века». Башня замка Фастольфа в Кайстере, построенного на выкуп, полученный за герцога Алансонского, который был захвачен в плен в сражении при Вернейле в 1424 г., изначально имела пять этажей, где находились прекрасные комнаты с арочными каминами, а также летними и зимними залами, увешанными гобеленами. Как и Таттершелл с его домашней часовней, коллегиальной церковью, огромным камином, парком и рыбными садками, Кай-стерский замок, скорее, был домом, предназначенным для комфортной и изысканной жизни, чем крепостным сооружением. Если мы не всегда можем проследить движение богатства, добытого на войне, в сделках по купле-продаже земли в ту эпоху, то оно повсеместно заявляет о себе в зданиях, построенных удачливыми капитанами, и в богатой обстановке, дорогой утвари и драгоценностях, упоминавшихся в их завещаниях.

305

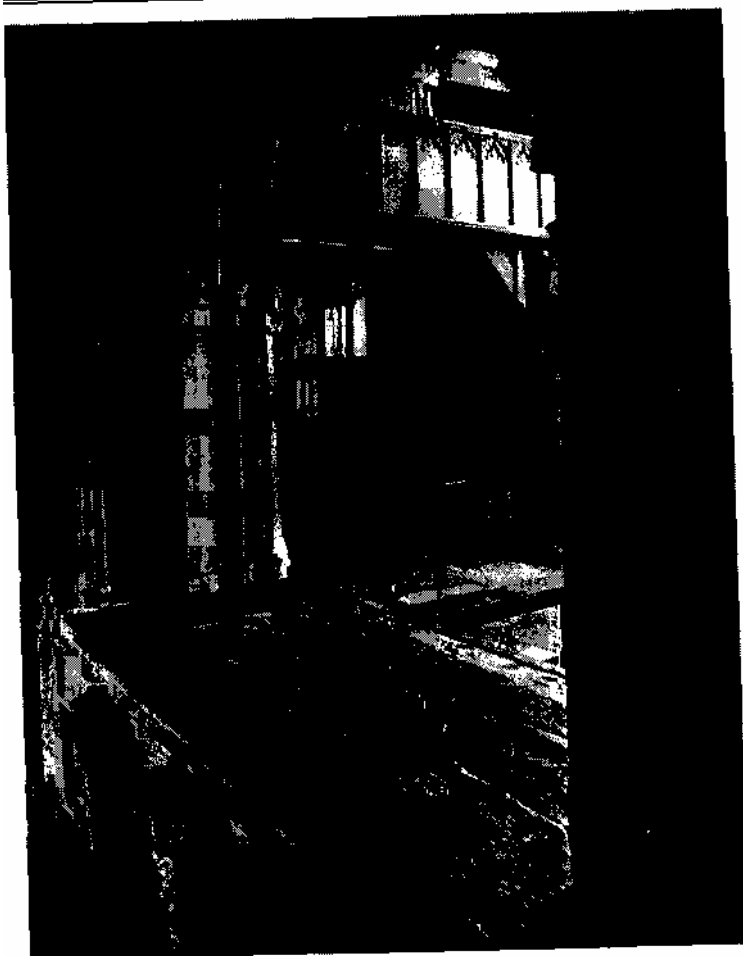

Рис 118 Интерьер заупокойной часовни, вид со стороны алтаря, церковь Хигема Феррерса, Нортгемптоншир

Однако мы должны трезво оценивать подлинный масштаб английских достижений. Хотя перпендикулярный стиль в архитектуре был собственным достоянием Англии и развивался параллельно с француз-

306

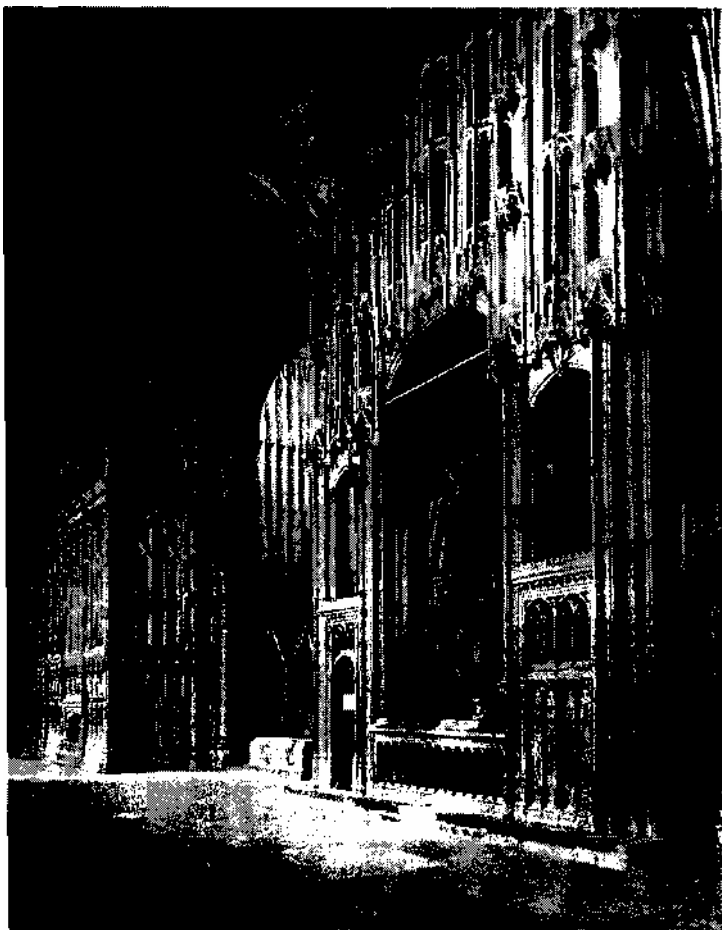

Рис. 119. Заупокойная часовня кардинала Бофора, ок. 1447 г., Вестминстерский собор
ской пламенеющей готикой, а не подражал ей, Шин и Фозерингей едва ли могли соперничать с Боте-сюр-Марн и картезианским монастырем в Дижоне, и ни один ланкастерский замок не был под стать Пьерфону

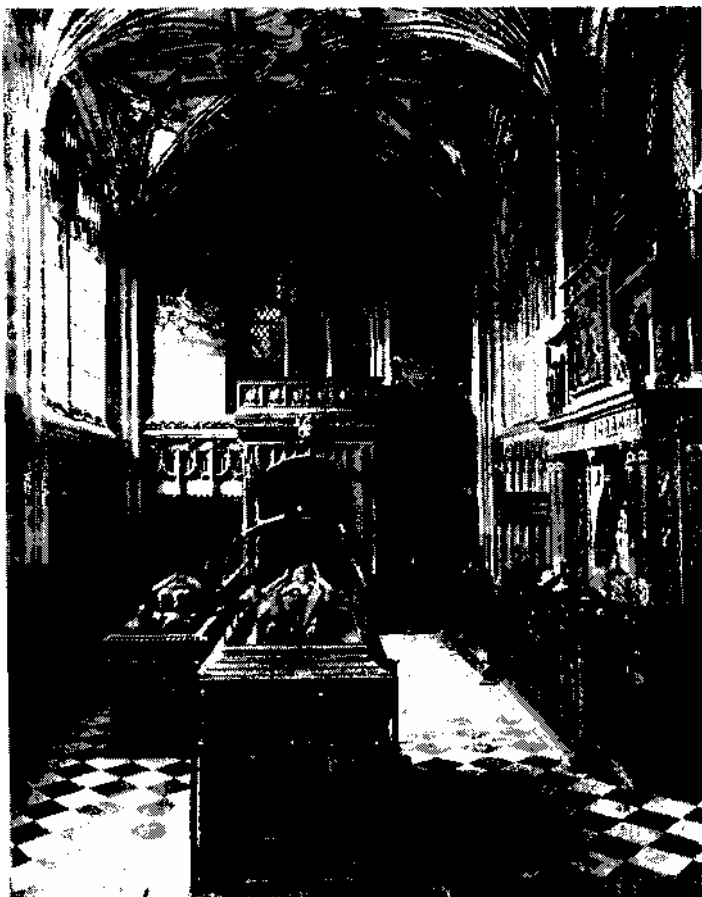

Рис. 120. Часовня Св. Марии (1442-1465 гг.), Уорик или Мен-сюр-Йевру. «Восточноанглийские псалтыри» — это не «Богатейший часослов», а изображение Уорика хотя и стало вехой в английской надгробной скульптуре XV века, несопоставимо с монументальным изваянием Филиппа Храброго работы Слютера. В АН-308

Рис. 121. Изображение Ричарда Бошана, графа Уорика (ум. 1439 г.), часовня Св. Марии, Уорик
 глии эпохи позднего средневековья был, так сказать, только один двор — двор короля. Франция была богата дворами: не только герцоги королевской крови, но и другие владетельные сеньоры имели свои дворы. Поэтому в Англии нет ничего подобного «Хронике славного герцога Людовика де Бурбона», «Книге о славном Жане, герцоге Бретонском» и «Истории Гас-тона IV, графа Фуа», написанной Лезьером. И кто из английских магнатов мог похвастаться двором, подобным двору Гастона Феба, графа Фуа и Беарна в его пиренейском замке Орте? Хотя Фруассар, совершивший путешествие в те края в 1388 г., почти несомненно преувеличил роль Феба как покровителя художников и литераторов — поскольку вкусы графа, как и вкусы хрониста, были по большей части традиционны — тем не менее Феб владел превосходной библиотекой и был достаточно образованным человеком. Он мог хорошо писать по-латыни, равно как и

Рис. 122. Сцена охоты из «Книги охоты Гастона Феба»

по северофранцузски и бегло говорил на иберийских языках и на своем родном наречии. Более того, он был автором двух замечательных трудов: «Книги охоты», посвященной его главной страсти (см. рис. 122) и «Книги молитв», религиозного сочинения, написанного вскоре после того, как он заколол своего сына.

Преобладание французских памятников литературы и искусства отчасти может быть объяснено сравнительной величиной двух стран, долгой историей провинциального сепаратизма во Франции и чрезвычай-

310

ной независимостью французских князей, которым не было равных в Англии. Ведь едва ли мы можем сравнить «герцога Ланкастера, который воевал с королем Испании» или Глостера в Эно с такими крупными вассалами французского короля, как властители Анжу, Бургундии, Берри и Орлеана. Во Франции провинциальное могущество феодальных магнатов вдохнуло жизнь в искусство, а политический раскол XV века стал стимулом для покровительства литераторам и способствовал интеллектуальному становлению таких писателей, как Базен и Коммин.

ЭПИЛОГ

«Посмотрите же, как в короткое время друг за другом умерли столь могущественные люди, которые так много трудились, чтобы возвеличиться и прославиться, и так много страдали от забот и от страстей, сокращая свою жизнь; и быть может, за это их души примут мучения...

Однако если рассуждать просто, как делают люди совсем необразованные, но лишь обладающие некоторым опытом, то не лучше ли было им и всем другим... избрать средний путь в жизни. То есть меньше принимать на себя забот и трудов, браться за меньшие дела, сильнее страшиться Бога, и не притеснять народ... и предаваться благопристойным радостям и удовольствиям. Ведь жизнь тогда станет более долгой, болезни будут приходить позднее, а смерть будет сильнее оплакиваться и большим числом людей, она станет менее желанной для других и менее страшной»*.

Так Филипп де Коммин подвел итог событиям 70-х и 80-х гг. XV века, в числе которых гибель Уорика, «делателя королей», на поле битвы при Барнете (14 апреля 1471 г.), юного принца Эдуарда при Тьюксбери (4 мая 1471 г.) и убийство его отца Генриха VI в

Цит. по: Филипп де Коммин. Мемуары / Пер. Ю. П. Малинина. Наука. М., 1987. С. 264.

312

Рис. 123. Портрет короля Эдуарда IV

Тауэре менее трех недель спустя (21 мая 1471 г.), закат Бургундского государства со смертью Карла Смелого (см. рис. 102) при Нанси (5 января 1477 г.), кончина Эдуарда IV (см. рис. 123) и Людовика XI в 1483 г., таинственное исчезновение принцев в Тауэре и гибель Ричарда III (см. рис. 124) в сражении при Босуорте двумя годами позже (22 августа 1485 г.). Между 1450 и 1500 гг. политическая карта Европы претерпела драматические изменения; великие династии королей и принцев достигли вершины своей славы лишь для того, чтобы сгинуть в пучине гражданских или международных войн, и итогом их гибели стало основание двух новых королевских домов.

Франция и Англия, возникшие в ходе Столетней войны, больше не были связаны друг с другом феодальными узами, языком или культурой; продолжи-

313

Рис. 124. Портрет короля Ричарда III (1483-1485 гг.)

тельные военные действия наряду с чумой, голодом и экономическим упадком внесли вклад в то стечение обстоятельств, которое стало приметой позднего средневековья почти на всей территории Европы. Между 1300 и 1450 гг. население Франции уменьшилось с 21 миллиона до 14 миллионов жителей, население Англии — с 4,5 миллионов до 3 миллионов, и последствия этого были видны повсеместно. И хотя мы не можем отнести на счет Столетней войны все, что происходило в течение этого «столетия», трудно не прийти к заключению, что именно она во многом послужила причиной экономического упадка во Франции — «вместе с англичанами во Францию пришли леса». Почти повсюду разорение, учиняемое войсками, сопровождалось разрушением поселений и истребле-

нием местного населения, и хотя на войне гибло меньше людей, чем умирало от чумы, очень часто именно она давала толчок к снижению численности населения со всеми вытекающими из этого последствиями. Политическим итогом войны было усиление и, возможно, ускорение процесса централизации государства под властью короля и перехода от централизации к абсолютной монархии, впоследствии вошедшей в историю как «Старый порядок». Ибо хотя тенденция к централизации наметилась задолго до начала войны и не представляла собой нового поворота в развитии страны, власть, которой отныне располагал король, во многих отношениях была наследием военной эпохи. Между 1420 и 1430 гг. борьба между Плантагенетами и Валуа едва не привела к уничтожению французской монархии, медленное восстановление которой после появления на сцене Жанны д'Арк ясно показало, что только монархия была в состоянии возродить страну. Реорганизация армии способствовала укреплению власти короля и введению системы налогообложения, свободной от тех неопределенных ограничений, которым она была подвержена в прошлом. Феодалы больше не являлись политической силой, противостоявшей королю, поскольку крупные фьефы один за другим прекращали свое существование и либо включались в состав королевского домена, либо передавались во временное владение некоторым членам королевской семьи: Гиень в 1453 г., Алансон в 1456 г., Руссильон и Сердан в 1463 г., земли Арманьяков в 1473 г., герцогство Бургундское в 1477 г., Анжуйские земли в 1481 г. и десять лет спустя герцогство Бретонское. Оставшиеся фьефы были открыты королевскому правосудию, королевскому налогообложению и требованиям королевской военной системы. Было очевидно, что время больших независимых фьефов, каждый из которых имел политическую организацию, подобную организации королевства, миновало, и по мере их угасания

Рис. 125. Портрет Карла VII (1422-1461 гг.)

знать попадала во все большую зависимость от покровительства и благосклонности короля. Разоренные войной, обнищанием имений, утратой своего традиционного положения в обществе и задаваемым королевским двором масштабом роскоши и расточительства, представители знати вынуждены были поступать на королевское содержание, посвящать себя военной или административной карьере или добиваться пенсионов для того, чтобы вести благородный образ жизни. Таким образом, Франция, возникшая в результате Столетней войны, теперь была уже не была феодальным королевством, но монархией нового типа с сильной и отныне, по-видимому, необратимой тенденцией к централизации и абсолютизму.

Подобные факторы присутствовали и в Англии: упадок благородного сословия и рост королевской власти после завершения международной и гражданской войны, однако во многих отношениях опыт Англии был иным. Поскольку влияние войны на перераспределение материальных ценностей было преувеличено, и, как было замечено, Столетняя война «была в лучшем случае дополнительной, но никак не главной причиной социальных перемен», в других отношениях ее последствия были очень глубокими. Как следствие того, что в Англии не была создана постоянная армия, не было необходимости в создании системы деспотического налогообложения, подобного тому, которое

было введено во Франции, тогда как чрезвычайные финансовые требования, возникавшие в ходе

войны в связи с организацией военных экспедиций и оккупацией французских территорий (см. выше стр. 50), способствовали развитию парламента и со времени правления Эдуарда III больше чем что бы то ни было содействовали его превращению в орган управления, существенно отличавшийся от того инструмента королевской власти, который был создан во времена его деда. Уже в XV веке Коммин отмечал важное значение парламента. Повествуя об армии, которую Эдуард IV собирал в 1474 г., чтобы отправиться на помощь герцогу Бургундскому, он пишет: «Но дело затягивалось [в Англии], поскольку король Английский не мог предпринять такой поход, не собрав парламента, который равнозначен Штатам, и является учреждением справедливым и священным; благодаря ему короли становятся сильнее, и им лучше служат, если только они его собирают в подобных случаях. Собрав сословия, они объявляют им свое намерение и просят у своих подданных средств — будь то на экспедицию во Францию или Шотландию или на другие подобные предприятия; ибо в Англии не взимаются никакие налоги и сословия охотно и щедро помогают королю, особенно при экспедициях во Францию»*.

И хотя далеко не все это было правдой, хотя после окончания войны деятельность представительного органа постепенно сходилась на нет, тем не менее требования, выдвигавшиеся палатой общин на протяжении XIV и XV веков, и приобретенный политический опыт были зафиксированы в документах и стали достоянием будущих поколений, бессмертным наследием Англии эпохи позднего средневековья.

Цит. по: Филипп де Коммин. Мемуары / Пер. Ю. П. Ма-линина. Наука. М., 1987. С. 127.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

1154	Генрих Плантагенет, герцог Нормандии и Аквитании, граф Анжу, Мэна и Турени, вступает на английский престол. Воцарение династии Плантагенетов в Англии.
1259	Парижский договор. Генрих III Английский отказывается от своих прав на все принадлежавшие ему земли, которые были завоеваны Филиппом Августом (Нормандию, Анжу, Мэн, Турень и Пуату), и соглашается владеть оставшимися фьефами Плантагенетов во Франции на условиях вассального оммажа. Это становится главным источником последующих разногласий между французской и английской коронами.
1327	Вступление на английский престол Эдуарда III (1327-1377 гг.).
1328	Смерть последнего французского короля из династии Капетингов, Карла IV. Эдуард III заявляет о своем праве наследовать Карлу IV, однако его требования отвергнуты и на французский престол вступает Филипп VI. Начало династии Валуа во Франции.
1337	Эдуард III посылает вызов «Филиппу Валуа, который называет себя королем Франции». Начало Столетней войны.
1339	Первая кампания Эдуарда III во Франции, Тье-рашская кампания.
1340	Эдуард III принимает титул «короля Англии и Франции» (26 января). Поражение французского флота при Слейсе (24 июня).
1345-1347	Английские кампании в Нормандии, Бретани и Аквитании; битва при Креси (26 августа 1346 г.) и взятие Кале (4 августа 1347 г.).
1350	Смерть Филиппа VI и вступление на престол Иоанна II Доброго (1350-1364 гг.).
1355-1357	Английские кампании на севере и на юге Франции; битва при Пуатье (19 сентября 1356 г.) и пленение короля Иоанна.

1359-1360	Последняя крупная кампания Эдуарда III: ему не удается ни короновать себя «королем Франции» в Реймсе, ни взять Париж, он соглашается на условия мира в Бретињи недалеко от Шартра (8 мая 1360 г.). После внесения ряда поправок договор ратифицирован в Кале (24 октября 1360 г.). Мир до 1369 г.
1364	Смерть Иоанна II и вступление на престол Карла V Мудрого (1364-1380 гг.). пожалование герцогства Бургундского брату Карла Филиппу Храброму.
1369-1373	Возобновление войны, французы возвращают себе большую часть территорий, отошедших Эдуарду III по договору, заключенному в Бретињи.
1377	Смерть Эдуарда III и вступление на престол одиннадцатилетнего Ричарда II (1377-1399 гг.).
1378	Начало Великой Схизмы в католической церкви (1378-1417 гг.).
1380	Смерть Карла V и вступление на престол одиннадцатилетнего Карла VI (1380-1422 гг.).
1389	Многokrатно возобновляемое Леленгенское перемирие, крупные кампании не проводятся до 1404 г.
1396	Брак Ричарда II с Изабеллой Французской, дочерью Карла VI. Перемирие на двадцать восемь лет, однако два монарха были не в силах заключить мирный договор.
1399	Ричард II свергнут с престола сыном Джона Гонта, Генрихом Болинброком, который становится королем Англии под именем Генриха IV (1399-1413 гг.).
1407	Убийство брата Карла VI Людовика Орлеанского по приказу Иоанна Бесстрашного, герцога Бургундского (1404-1419 гг.), и начало во Франции гражданской войны между приверженцами герцога Бургундского (бургиньонами) и приверженцами герцога Орлеанского, которые после заключения в 1410 г. брака между Карлом, сыном Людовика Орлеанского, и дочерью Бернарда VII, графа Арманьяка, стали называться арманьяками.
1413	Смерть Генриха IV и вступление на престол Генриха V (1413-1422 гг.).
1415	Генрих V вторгается во Францию. Взятие Арфлера (23 сентября) и поражение французской армии при Азенкуре (25 октября).
1417	Генрих V начинает систематическое завоевание Нормандии. Арманьяки, господствующие в Париже с 1413 г., укрепляют свое положение в столице Франции с помощью террора. Иоанн Бесстрашный и Изабелла Баварская, супруга Карла VI, создают в Труа правительство, оспаривающее власть у дофина, будущего Карла VII.
1418	Иоанн Бесстрашный захватывает власть над Парижем, и дофин бежит в земли к югу от Луары.
1419	Иоанн Бесстрашный убит по приказу своих политических противников в Монтеро, где он намеревался вести переговоры с дофином и арманьяками. Ему наследует Филипп Добрый (1419-1467 гг.), который незамедлительно заключает союз с Генрихом V.
1420	Результатом этого союза становится заключение договора в Труа; Генриху V предстоит вступить в брак с Екатериной, дочерью Карла VI, и после смерти своего тестя стать королем Франции.

1422	Преждевременная смерть Генриха V и последующая кончина Карла VI. С этого момента во Франции два короля: Генрих VI, десятилетний сын Генриха V, и Карл VII. Брат Генриха V, Джон, герцог Бедфорд, становится регентом Франции, а власть в Англии переходит к регентскому совету под протекторатом его младшего брата Хамфри, герцога Глостера.
1422-1429	Английская граница медленно передвигается к югу: к Нормандии присоединен Мэн, и в 1428 г. осажден Орлеан.
1429	Жанна д'Арк освобождает Орлеан (8 мая) и коронует французского короля в Реймсе (18 июля).
1435	Аррасский договор. Филипп Добрый заключает мир с Карлом VII. Смерть Бедфорда.
1436	Англичане покидают Париж.
1444-1449	Турское перемирие, военные действия на время прекращены.
1449-1453	Карл VII отвоевывает Нормандию и Гиень; поражение английской армии при Кастильоне (17 июля 1453 г.). Начало гражданской войны в Англии.
1461	Поражение войска Генриха VI при Тоутоне и вступление на престол Эдуарда IV (1461-1483 гг.).
1472-1475	Эдуард IV вторгается на территорию Франции, однако соглашается на выплату пенсион и заключает соответствующий договор в Пикиньи (29 августа 1475 г.).
1485	Поражение и гибель Ричарда III в сражении при Босуорте. Вступление на престол Генриха VII Тюдора. Конец династии Плантагенетов.
1492	Этапльский договор (3 ноября 1492 г.). Генрих VII заключает мир с Францией.
1498	Смерть Карла VIII и конец династии Валуа во Франции.

НУМИЗМАТИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Денежные единицы, упоминаемые в тексте, указываются в соответствии с их стоимостью в XIV-XV вв. В Средние века денежная система была представлена двумя формами: денежно-счетными единицами и монетами, находившимися в действительном обращении. Соотношения между ними постоянно менялись по воле государственных властей той эпохи.

(а) Денежно-счетная система: как в Англии, так и во Франции основной денежно-счетной единицей являлся фунт (ливр), равный двадцати шиллингам (су), которые в свою очередь были равны 12 пенни (денье). Во Франции наибольшей популярностью пользовался турецкий ливр (хотя существовали и другие системы, в частности, парижский ливр), в Англии — стерлингов, и в Гиени — бордосский ливр. Курс обмена между этими различными системами менялся в зависимости от финансовых мероприятий, проводимых королями Англии и Франции. На протяжении большей части рассматриваемого периода 5 бордосских ливров были приравнены к 1 фунту стерлингов, и в течение почти всего XIV в. 1 фунту стерлингов соответствовали 6 турецких ливров. Однако во время английской оккупации северной Франции в XV в. 1 фунт стерлингов равнялся 9 турецким ливрам. Еще одной денежно-счетной единицей была марка, английский вариант которой всегда стоил две трети фунта стерлингов (13 су 14 денье).

(б) Монетная система: наиболее часто в текстах упоминаются следующие монеты: (I) английский серебряный пенни, который являлся также и денежно-счетной единицей и потому всегда стоил 1/240 фунта стерлингов, хотя содержание серебра в нем могло быть различным (18 гранов в 1351 г., 15 гранов в 1412 г.; 1 гран = 0,064 грамма); (II) флорин, впервые отчеканенный во Флоренции в 1252 г., однако впоследствии воспроизводившийся другими странами, среднее содержание золота в нем составляло 3,50 грамма; (III) золотой франк, впервые выпущенный королем Иоанном в 1360 г., который стоил 20 турецких су и содержал 3,88 грамма золота; (IV) коронный экю с (a la couronne), которые в конце XIV в. стоили 22 турецких су 6 денье и содержали 3,99 грамма золота.

Невозможно с точностью привести современные аналоги для этих денежных единиц; однако их относительная стоимость будет видна в тех случаях, когда цифры будут указаны в фунтах стерлингов. Некоторую помощь могут оказать читателю сведения о том, что обычный доход английской короны (т. е. без парламентских налогов) в среднем составлял около 30 000 фунтов стерлингов в год, и в благополучные годы общий доход редко

322

превышал 100 000 фунтов, включая парламентские субсидии. По-видимому, полдюжины графов ежегодно собирали со своих земельных владений доход в размере около 3000 фунтов, однако большинство рыцарей получали со своих имений всего лишь около 60 фунтов. За один день службы в королевской армии рыцарь получал 2 шиллинга: по тем временам эта сумма была довольно значительной и позволяла содержать двух или трех лошадей, пажа или оруженосца и зачастую даже их обоих. Статут о рабочих (1351 г.), который представлял собой попытку установить максимальный размер оплаты труда в годы, последовавшие за первой вспышкой «Черной смерти», позволял пахарю (т. е.

квалифицированному работнику) получать 10 шиллингов в год. И хотя плата почти повсеместно превышала эту сумму, пахарь, зарабатывавший 2—3 фунта в год, был весьма преуспевающим человеком.

БИБЛИОГРАФИЯ И ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие и Глава I

К обсуждаемой дискуссии об истоках войны: O. Templeman в *Transactions of the Royal Historical Society (THRS)*, 5 ser., II (1952), 69-88; P. Wolff в *Eventail de l'histoire vivante: homage a Lucien Febvre*, II (1953), 141-8; J. Le Patourel в *History*, XLIII (1958), 173 ff. and I (1965), 289-308. Французский титул: J. W. McKenna в *Journ. Warburg and Courtauld Institutes*, XXVIII (1965), 146 о Генрихе VI; Rymer's *Foedera* (ориг. изд.), XII, 17 ff. (Пикины), 223 ff. (Ричард III), 490 (Генрих VII), 497 ff. (Этапль), 592 ff. (ратификации). Французское престолонаследие: R. Gazelles, *La societe politique sous Philippe de Valois* (Paris, 1958), 35-52; J. Le Patourel в *History*, XLIII (1958), 171-176; P. Chaplais (о притязаниях Эдуарда II) в *Rev. du Nord*, XLIII (1961), 145-148. Демография: P. Dollinger в *Rev. Historique*, CCXVI (1956), 35-45; G. Fourquin в *Le Moyen Age*, LXII (1956), 63-91; Bordeaux sous les rois d'Angleterre, ed. Y. Renouard (Bordeaux, 1965), 224; J. C. Russell, *British Medieval Population* (Albuquerque, 1948), однако ср. J. Stengers в *Rev. Beige de Philologie et d'Histoire*, XXVIII (1950), 605, и J. Krause в *Economic History Review (ECHR)*, 2nd ser., IX (1957), в плане критики. Короли из династии Капетингов: R. Fawtier, *Les Capetiens et la France* (Paris, 1942; англ. пер. London, 1960). Королевский совет; Gazelles, *op. cit.*, 36-37, *passim*. Французские Штаты: F. Lot, R. Fawtier, *Histoire des institutions francaises au moyen age*, II (Paris, 1958), 547-577; P. S. Lewis в *Past and Present*, no. 23 (1962), 3-24; T. N. Bisson, *Assemblies and Representations in Languedoc in the Thirteenth Century* (Princeton, 1964); H. Gilles, *Les Etats de Languedoc au XVe siecle* (Toulouse, 1965), 23-28. Представление короля о своем королевстве: R. Fawtier в *Melanges offerts a Paul E. Martin* (Geneva, 1961), 65-77. Сельская местность и крестьянство: интересные обзоры и хорошую библиографию можно найти в следующих работах: J. Heers, *L'Occident aux XIVe et XVe siecles* (Paris, 1963), livre II, ch. 1, и *The Cambridge Economic History of Europe (CEH)*, I, ed. M. M. Postan (2nd ecГ, Cambridge, 1966), ch. VII. Французская знать: G. Duby в *Rev. Historique*, CCXXVI (1961), 1-22; E. Perroy (о Форезе) в *Past and Present*, no. 21 (1962), 25-38; J. Le Patourel в *Europe in the Last Middle Ages*, ed. J. Hale (London, 1965), 155-183. Париж и Иль-де-Франс: F. Lehoux, *Le bourg de Saint-Germain-des-Pres* (Paris, 1951); G. Fourquin, *Les campagnes de la region Parisienne a la fin du moyen age* (Paris, 1964), ch. 1. Лондон: T. F. Tout в *Proc. Brit. Academy*, X (1921-1923), 487-511; E. L. Sabine в *Speculum*, VIII (1933), 335-353, IX (1934), 303-321, XII (1937), 19-43; S. Thrupp, *The Merchant Class of Medieval London* (Chicago, 1948); R. Bird, *The Turbulent London of Richard II* (London, 1948). Английская знать: F. M. Powicke, *The Thirteenth Century* (Oxford, 1953), 541, о численности рыцарей; G. Holmes, *The Estates of the Higher Nobility in Fourteenth-Century England* (Cambridge, 1957). Наемная служба: K. B. McFarlane в *Bulletin of the Institute of Historical Research (BIHR)*, XX (1943-1945), 161-180, N. B. Lewis в *THRS*, 4th ser., XXVII (1945), 29-39, и G. Holmes, *op. cit.*, ch. 3, об Англии; P. S. Lewis в *BIHR*, XXXVII (1964), 157-184, о Франции. Доходы баронов: H. L. Gray в *The English Historical Review (EHR)*, XLIX (1934), 607-639, и T. B. Pugh, C. D. Ross в *BIHR*, XXVI (1953), 1-28, и *ECHR*, 2nd ser., VI (1954), 185-194, об Англии. E. Perroy в *Past and Present*, no. 21 (1962), 25-38, о Франции. Владения Плантагенетов: J. Le Patourel в *History*, I (1965), 289-308. Бордо, Гасконь и торговля вином: Bordeaux sous les rois d'Angleterre, *cit. supra.*, livre III; R. Bouttruche, *La crise d'une societe. Seigneurs et paysans du Bordelais pendant la Guerre de Cent Ans* (Paris, 1947), livre I, особенно chs. I, III и VI. Бастиды: C. Higounet в *Le Moyen Age*, LIV (1948), 113-131; J. P. Trabut-Cussac в *Le Moyen Age*, LX (1954), 81-135. Гасконская администрация: F. M. Powicke, *The Thirteenth Century* (Oxford, 1953), ch. VII; Y. Renouard в *Histoire des institutions francaises*, *cit. supra.*, I (Paris, 1957), ch. VII; P. Chaplais в *Studies Presented Sir Hilary Jenkinson*, ed. J. Conway Davies (Oxford, 1957), 61-96, и *Annales du Midi*, LXIX (1957), 5-38, и LXX (1958), 135-160; J. Le Patourel в *Europe in the Late Middle Ages*, *cit. supra.*, 159-163; E. Lodge, *Gascony Under English Rule* (London, 1926), ch. VII, во многом устарела, однако статьи в *History*, XIX (1934), 131-140, и *EHR*, I (1935), 225-241, по-прежнему представляют интерес. Договор 1259 г. и проблема сюзеренитета: M. Gavrilovitch, *Etude sur la traite de Paris de 1295* (Paris, 1899), W. Ullman в *EHR*, LXIV (1949), 1-33; P. Chaplais в *BIHR*, XXI (1948), 203-213, и в *Le Moyen Age*, LVII (1951), 269-302, LXI (1955), 121-137, LXIX (1963), 449-469; M. David, *La souverainete et les limites juridiques du pouvoir monarchique du IXe au XVe siecle* (Paris, 1954). Судебные процессы: G. P. Cuttino, *English Diplomatic Administration, 1259-1339* (Oxford, 1940), и в *Speculum*, XIX (1944), 161-178. Шотландия: R. Nicholson, *Edward III and the Scots* (Oxford, 1965). Крестовые походы: A. Luttrell в *Europe in the Late Middle Ages*, *cit. supra.*, 133-134. Нидерланды: H. S. Lucas, *The Low Countries and the Hundred Year War, 1326-1347* (Ann Arbor, 1929). Цитаты: Berner's *Froissart*, ed. W. P. Ker, IV (London, 1902), 223-224; Michael de Northburgh в *Robertus de Avesbury. De Gestis Mirabilibus Regis Edwardi Tertii*, ed. E. M. Thompson (RS, London, 1889), 358-935; Juvenal des Ursins и Jean de Rely в P. S. Lewis в *Medium Aevum*, XXXIV (1965), 103; об английских лесах *m* W. G. Hoskins, *The Making of the English Landscape* (London, 1965), 69.

Глава II

Общая литература: Единственный подробный обзор войны сделан E. Perroy, *La guerre de Cent ans* (Paris, 1945; англ. пер. London, 1951). Дипломатические приготовления и первые кампании освещены у E. Deprez, *Les preliminaires de la guerre de Cent ans, 1328-1342* (Paris, 1902), и H. S. Lucas, *op. cit.* Нет удовлетворительных исследований эпохи правления Эдуарда III, однако многое об истории войны во второй половине XIV в. можно найти в R. Delachenal, *Histoire de Charles V* (5 vols., Paris, 1909-1931), и P. E. Russell, *The English Intervention in Spain and Portugal in the Time of Edward III and Richard II* (Oxford, 1955). S. Armitage-Smith, *John of Gaunt* (London, 1904; переп. 1964) в вопросах, связанных с военными делами и дипломатией, существенно уступает этим двум работам. A. Steel, *Richard II* (Cambridge, 1941; переизд. 1962) к несчастью, ими пренебрегает; однако H. Wallon, *Richard II* (2 vols., Paris, 1864) до сих пор может быть полезной работой по англо-французским отношениям. H. J. Newitt, *The Black Prince's Expedition of 1355-1357* (Manchester, 1958) представляет собой выдающееся исследование одной кампании, более подробные сведения можно найти у K. A. Fowler, *Henry of Gros-mont, First*

Duke of Lancaster, 1310-1361 (неопубликованная диссертация на степень Ph. D., University of Leeds, 1961), и A. F. Alexander, *The War in France in 1377* (неопубликованная диссертация на степень Ph. D., University of London, 1934). О Бургундии: J. Calmette, *Les grandes dues de Bourgogne* (Paris, 1949; англ. пер. London 1962), в настоящее время должен уступить место R. Vaughan, *Philip the Bold* (London, 1962) и John the Fearless (London, 1966), первой части задуманного четырехтомного исследования жизни и деятельности герцогов Бургундских. М. R. Thi-elemans, *Bourgogne et Angleterre, 1435-1467* (Brussels, 1966) является подробным, прекрасно документированным обзором англо-бургундских политических и экономических отношений после заключения договора в Труа. Различные аспекты правления Карла VI рассматриваются в M. Nordberg, *Les dues et la royaute. Etudes sur la rivalite des dues d'Orleans et de Bourgogne, 1392-1407* (Uppsala, 1964); P. Bonenfant, *Du meurtre de Montereau au traite de Troyes* (Brussels, 1958); M. Rey, *Les finances royales sous Charles VI, 1388-1413* (Paris, 1965), и *Le domaine du roi et les finances extraordinaires sous Charles VI, 1388-1413* (Paris, 1965). М. McKisak, *The Fourteenth Century* (Oxford, 1959) и E. F. Jacob, *The Fifteenth Century* (Oxford, 1961) являются новейшими обзорами английской истории данного периода, но J. H. Ramsay, *The Genesis of Lancaster* (2 vols., Oxford, 1913) и *Lancaster and York* (2 vols., Oxford, 1892) до сих пор могут служить полезным источником по вопросам, связанным с иностранной политикой. J. H. Wylie, *Henry IV* (4 vols., London, 1884-1898) и совместно с W. T. Waugh, *Henry V* (3 vols., London, 1914-1929) содержат очень подробные сведения о политической истории двух королевств; то же у C. L. Scofield, *Edward IV* (2 vols., London, 1923). Краткий обзор военных достижений Генриха V дан в E. F. Jacob, *Henry V and the Invasion of France* (London, 1947), и более подробные сведения приведены в R. A. Newhall, *The English Conquest of Normandy, 1416-1424* (New Haven, 1924). E. Carleton Williams, *My Lord of Bedford* (London, 1963) прослеживает жизненный путь и деятельность герцога Бедфорда во Франции, однако статьи B. J. H. Rowe и R. A. Newhall в EHR, XXXVI (1921), XLVI (1931), XLVII (1932), I (1935), и в *Essays Presented to H. E. Salter* (Oxford, 1934) остаются незаменимыми. G. du Fresne de Beaumont, *Histoire de Charles VII* (6 vols., Paris, 1881-91), дает подробный обзор англо-французских взаимоотношений. Pro-ces de condamnation et rehabilitation de Jeanne d'Arc был опубликован J. Quicherat (5 vols., SHF, Paris, 1841-1849), и Pro-ces de condamnation (с французским переводом) опубликован P. Champion (2 vols., Paris, 1920-1); новое издание в настоящий момент готовится P. Tisset (vol. I, SHF, Paris, 1960). По поводу упоминаний о ней в XV в. см. W. T. Waugh в *Historical Essays in Honour of James Tait*, ed. J. G. Edwards (Manchester, 1933). Аппасский конгресс стал темой книги J. G. Dickinson (Oxford, 1955), и J. Calmette, G. Perinelle, *Louis XI et l'Angleterre* (Paris, 1930), охватывает заключительные стадии войны. О политике Эдуарда III: J. Le Patourel в *History*, XLIII (1958), 176; M. McKisack, *ibid.* XLV (1960), 15, и *The Fourteenth Century*, 147; R. Nicholson, *op. cit.*, 106-1077; E. Perroy *op. cit.* (англ. пер.), 69, 116, *passim*; G. Templeman в THRS, 5 ser., II (1952), 87; и (о разрушительном характере его кампаний) H. J. Hewitt, *The Organization of War Under Edward III* (Manchester, 1966), 116. Филипп VI: *Gazelles*, *op. cit.* Угроза вторжения: R. de Avesbury, *op. cit.*, 363-367 (ордонанс); Национальная библиотека (Париж), *Pieces orig.*, vol. 265, doss. Behuchet. nos. 12-14 (1337); Архив департамента Кот-д'Ор (Дижон), B11715 и 11875 (1339); Архив департамента Нижние Пиренеи (По), E31 (письмо Эдуарда). Восстания: J. Le Patourel в *History*, XLIII (1958), 179-189. О плане франко-аррагонского вторжения в Аквитанию: Delachenal, *op. cit.*, III, 270, и Архив департамента Нижние Пиренеи (По), E520 (предупреждение принца). Ринель и Кало: J. Otway-Ruthven, *The King's Secretary and the Signet Office in the XV Century* (Cambridge, 1939), 89-105, 156; B. A. Pocket du Haut-Jusse, *La France gou-vernee par Jean Sans Peur* (Paris, 1959), *passim*; Dickinson, *op. cit.*, XI и 47; etc. Составление бюджета (1433-1444): *Letters and Papers Illustrative of the Wars of the English in France*, ed. J. Stevenson (2 vols., RS, London 1861-1864), II, II [547-574], и J. L. Kirby в BИHR, XXIV (1951).

Глава III

Английская военная организация: M. Powicke, *Military Obligation in Medieval England* (Oxford, 1962), и цитируемые там

работы N. B. Lewis, R. A. Newhall, A. E. Prince (pp.160 и 168); см. также. J. W. Sherborne в EHR, LXXIX (1964), 718-746, по поводу численности экспедиционных войск, и K. A. Fowler в *Led Cahiers Vernonnais (Actes du Colloque International Coherel)*, no. 4 (1964), 55-84, о военно-финансовой системе и дисциплине. Не существует всеобъемлющего описания французской военной организации, но см. Lot, *Fawtier, Hist, des instits. francaises*, II, livre 5, ch. I (L'Armee) и цитируемые там работы. Самыми ценными современными исследованиями являются работы P. Contamine в *Chiers Vernonnais*, no. 4 (1964), 19-32, Azincourt (Paris, 1964), и M. Rey, *Les finances royales, 355-435*. P. C. Timbal, *La guerre de Cent ans vue a travers les registers du parlement, 1337-1369* (Paris, 1961), содержат полезное собрание документов и анализ затронутых в них проблем, касающихся военной обязанности. Отчеты военных казначеев, на основании которых можно было бы составить абсолютно полную картину французской военной организации, были в большинстве своем уничтожены в годы Революции, однако сохранились достаточно объемные выдержки из них (см. L. Mirot в BEC, LXXXVI, 1925, 245-379) наряду с большим числом дополнительных документов (см. Rey, *op. cit.*, 356-357), на которых и основано исследование. Я надеюсь глубоко исследовать эту тему в следующей работе *War and society in Fourteenth-Century France*. Французские военные реформы: *Or-donnances des rois de France de la troisieme race*, IV, 67-70 (1351); V, 645-651 и 657-661 (1373 и 1374); XIII, 306-313 (1439); XIV, 1-5 (1448); см. ниже об ордонансах 1363 и 1444. Оружие, доспехи и артиллерия: J. Hewitt, *Ancient Armour and Weapons in Europe* (3 vols., London, 1855-1860); C. Ffoulkes, *Armour and Weapons* (Oxford, 1909), *The Armourer and his Craft* (London, 1912), 13-15, *passim*, *The Gun-Founders of England* (Cambridge, 1937) и множество других работ этого автора; *Le compte du Clos des Galees de Rouen, 1382-1384*, ed. C. Breard (Melanges Soc. de l'Hist. de Normandie, Rouen, 1893), 63-154; T. F. Tout (об огнестрельном оружии) в EHR, XXVI (1911), 666-702; W. Y. Carman, *A History of Firearms* (London, 1955), 22-38; O. F. G. Hogg, *English Artillery* (London, 1963), chs. I-V; B. H. St. J. O'Neill, *Castles and Cannon* (Oxford, 1960), chs. 1-Й; Newhall, *Conquest*, 262-3; Rey, *op. cit.*, 427-430; J. Hale (о бастиионе) в *Europe in the Late Middle Ages*, ch. XVI. Цитаты из L. Delisle, *Histoire de Saint-Sauveur-Le-Vicomte* (Valognes, 1867), P. J., n. 159, об орудиях в Сен-Сове; *Issue Rolls of the Exchequer*, ed. F. Devon (London, 1837), 212, об орудиях в Шербуре; *The History of the King's Works*, ed. H. M. Colvin (2 vols., HMSO, London, 1963), II, 802, no. 2, о Куинбери. Коннетабли и маршалы: G. Le Barrois d'Orgeval, *Le marechalat de France* (2 vols., Paris, 1932), I, 9-332, и II, 186-205 (перечень маршалов); J. Mitchell, *The Court of the Connetable* (New Haven, 1947), 5-14; G. D. Squibb, *The High Court of Chivalry* (Oxford, 1959), ch. I. Полномочия коннетабля: G. Daniel, *Histoire de la*

milice franchise (2 vols., Amsterdam, 1724), I, 127-131 (Клиссон), и Национальная библиотека, français 5241, fos. 30R-2R (Ле Тип). Биографии: S. Luce, Histoire de Bertrand du Guesclin (Paris, 1876); E. Molinier, Etude sur la vie d'Arnoul d'Audrehem (Paris, 1883); E. Cosneau, Le connetable de Richemont (Paris, 1886); E. Bossard, Gilles de Rais (Paris, 1886); A. Lefranc, Olivier de Clisson (Paris, 1898); A. de Bouille, Les marechal de La Fayette (Lyon, 1955); E. Gamier (о Фьенне) в BEC, XIII (1852), 23-52; и следующие диссертационные работы исследователей из Национальной школы Хартий: P. Durrieu, Bernard VII, comte d'Armagnac, connetable de France (1877); G. Lefevre-Pontalis, Jean de Villiers, sire de l'Isle-Adam, marechal de France (1883); M. de Bengy-Puyvallee, Louis de Sancerre, connetable de France (1904). Капитаны и наместники: обзор этой темы основан на патентах и мандатах, в основном, содержащихся в Treaty Rolls (C76) и Gascon Rolls (C61) из Государственного архива (Public Record Office, PRO) в Лондоне, в серии Chancery Registers (JJ) из Национальных архивов (Archives Nationales) и в собраниях Clairambault и Pieces Originales в Национальной библиотеке в Париже. Многие английские патенты были опубликованы в Rymer, Foedera. О французской стороне см. списки военных чинов в G. Dupont-Ferrier, Gallia Regia (6 vols., Paris, 1942-1961), а также неопубликованные документы и другие материалы в K. A. Fowler, Henry of Grosmont, Appendix B. Многие упомянутые выше биографии тоже содержат сведения на этот счет, равно как и L. Flourac, Jean I, comte de Foix (Paris, 1884); A. Walckenaer, Louis I, due d'Anjou (диссертационное исследование 1890); и J. Chavanon, Renaud VI de Pons (La Rochelle, 1903). Цитата: Berners' Froissart, II, 359 (ed. Macaulay, London, 1895, 203). Пограничные и оккупированные территории: Fowler in Cahiers Vernonnais и M. Rey, op. cit., 364-385. Военно-финансовая система, смотр и инспекции: Ordonnances и работы Fowler, Mirot и Rey cit. supra; R. A. Newhall, Muster and Review (Cambridge, Mass., 1940); H. Moranville, Etude sur la vie de Jean de Mercier (Paris, 1888). Цитаты: La complainte, ed. C. de Robillard de Beaurepaire в BEC, XII (1851), 257 ff. Регулярная армия: Arch, admin, de Reims, ed. P. Varin (10 vols., Docs. Inedits, Paris, 1839-1853), III, no. DCCLVI, об ордонансе 1363 г.; Mandements de Charles V, ed. L. Delisle (Docs. Inedits, Paris, 1874), nos. 562 и 679, о его усовершенствовании; P. Chaplais в Camden Miscellany, XIX (Roy. Hist. Soc. London, 1952), 47, о предложениях Иоанна Эдуарду; Архив департамента Норд (Лилль), B319, no. 15798, о схеме налогообложения 1444 г.; De Beaucourt, op. cit., III, ch. XV, и IV, ch. XIV, об ордонансах 1439, 1444 и 1448 гг. Цитаты: Thomas Basin, Histoire de Charles VII, ed. C. Samaran (2 vols., Paris, 1933 и 1944), II, 28-29 и 32-35.

Глава IV

Герольды: M. Keen, The Laws of War in the Late Middle Ages (London, 1965), 194-195; Chroniques de Jean Froissart, ed. S. Luce

329

и др. (14 vols., SHF, Paris, 1869-1966), I, I, 1 и 209, VI, 210, VII, 455; La Chronique d'Enguerran de Monstrelet, ed. L. Douet-d'Arcq (6 vols., SHF, Paris, 1857-1862), i, 3-4; The Essential Portions of Nicholas Upton's De Studio Militari, ed. F. P. Barnard (Oxford, 1931), 1-3; Национальная библиотека, français 25186, fo. 57 ff. Хвалебные биографии: The Life and Feats of Arms of Edward The Black Prince, ed. Francisque-Michel (London, Paris, 1883), 5-6; Chronique de Bertrand du Guesclin par Cuvelier, ed. E. Charriere (2 vols., Docs. Inedits, Paris, 1839), i, 3; Le livre des faits du bon chevalier Messire Jacques de Lalaing, ed. Kervyn de Lettenhove в Oeuvres de Georges Chastellain (8 vols., Brussels, 1863-1866), VIII, 1-256; Le Livre des faits du bon Messire Jean le Maingre, dit Boucicaut, ed. M. Petitot (2 vols., Coll. Memories relatifs a l'hist. de France, liere ser., VI и VII, Paris, 1819), I, 3 ff. Рыцарские ордена и обеты: J. Huizinga, The Waning of the Middle Ages (Penguin Books, 1955, etc.), chs. IV, VI и VII; Y. Renouard в Le Moyen Age, LV (1949), 281-300; P. S. Lewis в Annales du Midi, LXXVI (1964), 77-84, и цитируемые там работы; J. Armstrong в Britain and Netherlands, II, ed. J.S. Bromley, E. H. Kossman (Groningen, 1964), 9-32. Выкупы и добыча: M. Postan в EcHR, XII (1942), 7 ff. и Past and Present, no. 27 (1964), 34-53; E. Perroy в Melanges d'histoire du Moyen Age dedies a la memoire de Louis Halphen (Paris, 1951), 573-580; D. Hay в THRS, 5th ser., IV (1954), 91-109; K. B. McFarlane ibid., VII (1957), 91-166; и в Past and Present, no. 22 (1962), 3-18; Hewitt, The Black Prince's Expedition, 152-65; Fowler, Henry of Grosmont, 285-303 и Appedix G; Timbal, op. cit., 305-374; C. T. Allmand в History Today, XV (1965), 162-169; Архив департамента Эр-и-Луар (Шартр), E2725, fo. 28v, и Национальная библиотека, français 4736, fo. 21 ff., о бутиньерах; M. Keen в History, XLVII (1962), 1-17, и K. B. McFarlane в EHR, LXXVIII (1963), 290-310, о братьях по оружию; Froissart, ed. Luce, IV, 16; Thomae Walsingham, Historia Anglicana, ed. H. T. Riley (2 vols., RS, London, 1863-1864), I, 272. Разорение сельской местности: Basin, op. cit., I, 84-88; Boutruche, op. cit., 166 и 170; J. Monicat, Les Grandes Compagnies en Velay, 1358-1392 (Paris, 1928), 178-179 и 187-187; Fourquin, Les campagnes, 290; L. Genicot в CEN, I (2nd ed.), ch. VIII; Journal d'un bourgeois, 1405-1449, ed. A. Tuetey (Paris, 1881); A. Blanchet, Les souterrains refuges de la France (Paris, 1923); письмо настоятеля Брельского монастыря ed. J. Quicherat в BEC, XVIII (1857), 357-360. Тьераш-ская кампания: Avesbury, op. cit., 304-305, о письме Эдуарда; L. Carolus-Barre в Melanges d'archeologie et d'histoire (Ecole franchise de Rome, LXII, 1950), 165-232, о миссии Кари. О кампании Черного Принца: Avesbury, op. cit., 434-437 и 439-443 (письма принца и Венгфильда); Hewitt, The Black Prince's Expedition, 74-75. Реймская кампания: The Chronicle of Jean de Venette, ed. R. A. Newhall (New York, 1953), 98-99. Кампании 1370-х гг.: Delachenal, op. cit., IV, chs. IX и XII, V, ch. VII; Armitage-Smith, op. cit., ch. V. рекомендации Фастольфа: Letters and Papers, cit. supra., II, II, 579-582. Пуатевинская граница: Froissart, ed. Luce, VIII, 19. Выкупы, сборы и охранные грамоты: Fowler в Cahiers Vernonnais, no. 4 (1964), 55-84, о XIV в., также E. Labroue, Le Livre de Vie. Les seigneurs et les capitaines de Perigord Blanc au XIVe siecle (Bordeaux, Paris, 1891), 13, и Bergerac sous les Anglais (Bordeaux, Paris, 1893), 183, о Бержерке и PRO, E101/174/6, nos. 1-5, 7, 9-10, 16-18, о Бретани; Архив департамента Манш (Сен-Ло), H15014 и 15357, о Мон-Сен-Мишеле; Архив департамента Эр-и-Луар (Шартр), E2725, fos. 17v, 32v, 36v, 48r, 50v, 55r, 64r, о Шатодене; Национальные архивы, KK324, и R. Triger, Fresnay-le-Vicomte de 1417 a 1450 (Mamers, 1886), 116-118, о Мэне; H. Denifle, La desolation des eglises, monasteres et hopitaux en France pendant la guerre de Cent ans (2 vols., Paris, 1897-1899), I, 498-499 и 506-507, о Жувенеле дез Юрсене; Froissart, ed. Luce, V, 121, и Luce, Du Guesclin, 271, об охранных грамотах. О наемниках: A. Bossuat, Perrinet Gressart et Francois de Surienne (Paris, 1936); A. Cherest, L'Archiprete (Paris, 1879); E. de Freville в BEC, III (1841-1842), 258-281, и V (1843-1844), 232-253; G. Guigue, Les Tard-Venus en Lyonnais, Forez et Beaujolais 1356—1369 (Lyon, 1886); Labroue, Le Livre de Vie; Monicat, op. cit.; J. C. Juicherat, Rodrigue de Villandrando (Paris, 1879); A. Tuetey, Les Ecorcheurs sous Charles VII (2 vols., Montbeliard, 1874); Froissart, ed. Luce, VI, pp. XVIII-XXIII, примечания; Denifle, op. cit., II, 179-307 и 380-381; Архив департамента Луар-Атлант (Нант), E1 19/12 и 13, об английских рутах. Военная дисциплина: Fowler в Cahiers Vernonnais, no. 4 (1964), 74-81, об английских армиях в XIV в.; Keen, op. cit., о «праве оружия»; Squibb, Orgeval, Mitchell, loc. cit., о судах коннетабля и маршалов; Архив департамента Тарн-и-Гаронн (Монтбан), A26, и Национальные архивы, J865/26, о

прево; В. J. H. Rowe в EHR, XLVI (1931), 194-208, о Нормандии в XV в. Штаты и наемники: Monicat, op. cit., является самым лучшим описанием эвакуации одной провинции; Архив департамента Авейрон (Родез), C1335-1339, 1354 и 1386-1387 представляет собой отчеты казначеев об эвакуации Руэрга и C1336, fo. 27r ff. о ежегодных выплатах наемникам; Архив департамента Нижние Пиренеи, E48-49, об общих сборах; Архив департамента Эр-и-Луар, E2724, fo. Юг, и Архив департамента Манш, H15014, о централизации контроля на севере. Социальные волнения: Tim-bal, op. cit., passim; P. S. Lewis в THRS, 5th ser., XV (1965), 1-21, о пропаганде. Цитаты: La complainte, ed. C. de Robillard de Beurepaire в BEC, XII (1851), 257 ff; Juvenal des Ursins из Lefranc, op. cit., 159, n. 3; Chronicle of Jean de Venette, 111-113; Tragicum argumentum в Bull. hist. et philologique du comite des travaux historiques et scientifiques (1862), 173—177; Alan Chartier, Le Quadrilogue Invectif, ed. E. Droz (Classiques franc, du Moyen Age, Paris, 1950), 20-33; Le Jouvencel par Jean de Bueil, ed. C. Favre, L. Lecestre (2 vols., SHF, Paris, 1887-1889), II, 20-21.

Глава V и Эпилог

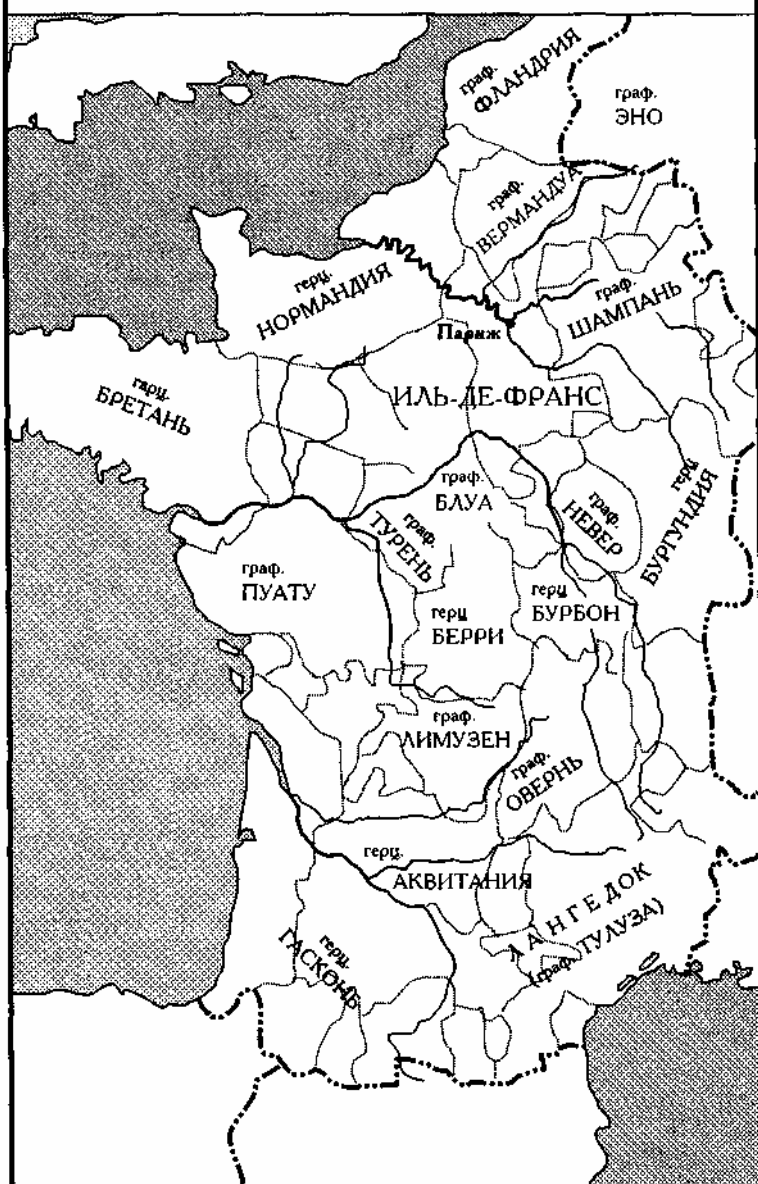
Общая литература: H. Focillon, Art d'Occident (2 vols., Paris, 1938; англ. пер. London, 1963), I; L. Lefrançois-Pillion, J. Lafond, L'art du XIVe siecle en France (Paris, 1954); J. Evans, Art in Medieval France (London, New-York, 1948), и English Art, 1307-1461 (Oxford, 1949), содержит хорошую библиографию. Соответствующие тома в Pelican History of Art: M. Rickert, Painting in Britain: the Middle Ages (1954); L. Stone, Sculpture in Britain: the Middle Ages (1955); G. Webb, Architecture in Britain: the Middle Ages (1956); P. Frankl, Gothic Architecture (1962). Соответствующие тома в Contact History of Art, ed. A. Held, D. W. Bloemen: Gothic Painting and Medieval Manuscript Painting (London, 1965). H. S. Bennett, Chaucer and the Fourteenth Century, и E. K. Chambers, English Literature at the Close of the Middle Ages (Oxford Hist. Eng. Lit., II, 1945-1947), являются типовыми работами по английской литературе; см. также библиографию в соответствующих томах Cambridge History of English Literature.

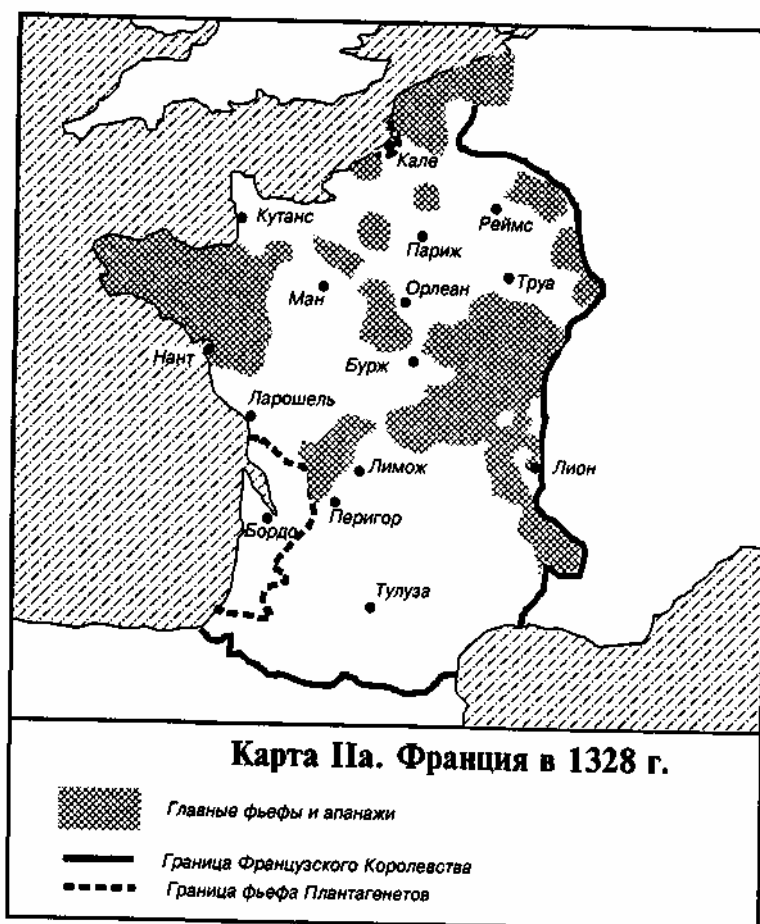
0 Франции: J. Bedier, P. Hazard, Histoire de la litterature franc.ais,

1 (Paris, 1926), и G. Cohen, La vie litterature en France (Paris, 1953) являются ценными работами. Англо-норманский: M. D Legge в History, XXVI (1941), 163-175; H. Suggett в THRS, 4th ser., XXVIII (1946), 61-83. Фламандские живописцы: R. M. Tovell, Flemish Artists of the Valois Courts (London, 1950), passim. Авиньон: A. Coville, Gontier et Pierre Col et l'humanisme en France au temps de Charles VI (Paris, 1934), ch. VIII; F. Simone, Il rinascimento Francese (Turin, 1961), ch. I. Строительство при королях и принцах: Delachenal, Charles V, III, 105 ff. и 107 о Кристине Пизанской; O. Cartellieri, The Court of Burgundy (англ. пер. издания Am Hofe der Herzge von Burgund, London, 1929), ch. II; F. D. S. Darwin, Louis d'Orleans (London, 1933), 104-105; The King's Works, I, 162-163, 515 ff. и 870 ff., и Evans, English Art, 46-48, о произведениях, созданных при Эдуарде III; J. Harvey, Henry Yevele (London, 1944), и The King's Works, 174, no. 8, 189-190, 209-211 и 220-221 о Йевеле, Херленде и занимаемом ими положении. Библиотеки: L. Delisie, Recherches sur la librairie de Charles V (Paris, 1907), 220-223, passim; Darwin, op. cit., 91 ff. и 211-220; A. Coville, La vie intellectuelle dans les domaines d'Anjoie-Provence de 1380 a 1485 (Paris, 1941), 10-35, и Gontier et Pierre Col, 15-19; Cartellieri, op. cit., ch. IX; J. Labarte, Inventaire du mobilier de Charles V (Docs, ineditis, Paris, 1879), nos. 1990, passim об астролябиях, 2089 о «Правлении государей» и 2099 о «Больших хрониках»; Calmette, Golden Age of Burgundy, 209, по поводу цитаты из де Ла Марша; A. Luttrell в Recherches de theologie ancienne et medievale, XXXI (Louvane, 1964), 138, об Эдене; M. V. Clarke, Fourteenth Century Studies (Oxford, 1937), 120-122, об английских библиотеках; Testamenta vetusta, ed. N. H. Nicolas (2 vols., London, 1826), I, 146-149, о завещании герцогини Глостер; Berners' Froissart, ed. Macaulay, 430, о Ричарде II, и MS. Bodley

581 о преподнесенных ему книгах. Гобелены: R.-A. d'Hulst Та-опй!от^{Fiamandes} (Brussels, 1960), 1-6, passim; Darwin, op. cit MS 2III. Иллюминированные манускрипты и картины К Morand Jean Pucelle (Oxford, 1962); Tovell и Contact History cit supra Evans, English Art, 10-11, 95-96 и 100-104; Coville La vie intellectuelle, 16-17, о присвоении «Хроники» Фруассара-Т Cox Jean Fouquet, native of Tours (London, 1931); J. Harvey в Archaeologia, 98 (1961), 1-28, и упоминаемы там работы об «Уил-тонском диптихе». Боневё и Льеж: Evans, English Art 84 и 100-Stone, op. cit., 192 Фруассар: Voyage en Beam, ed. A. H. Diverres (Manchester, 1953), и библиография pp. 128-129; A H Medieval Miscellany Presented to Eugene Vinaver, ed. F. Whitehead and others (Manchester, 1965), 97 ff; M. Galway в University of Birmingham Hist. Journ., 7 (1959-1960), 18-35; A Molinier Les sources de l'histoire de France (6 vols., Paris, 1901-1906) iv 4-18-D. Hay в BHR, XXXV (1962), 114, относительно цитаты Чосер¹ стандартное собрание сочинений, изданное W. W. Skeat (7 vols Oxford 1897); современное английское переложение: Canterbury Tales by N. Coghill (Penguin Books, 1951); биографические сведения в Life Records of Chaucer (Chaucer Soc., 2nd ser. XII XIV XXI-XXII, 1875-1900), ed. R. E. G. Kirk; J. M. Manly 'Some New Light On Chaucer (New York, 1926); S. Honore-Duverge on Chaucer in Spam в Recueil de travaux offert a Clovis Brunei (1955) 9-13; John of Gaunt's Register, ed. S. Armitage-Smith, I, i (Camden imrd benes, XX), no. 608, о покровительстве Филиппы и Гонта Официальный патронаж: A. Martindale в The Flowering of the Middle Ages, ed. J. Evans (London, 1966), 281 ff; M. Rey Le domain du roi, 156-157, о королевских заказах; Hay loc 'cit 116 ff и Calmette, Golden Age, ch. IX, об исторических трудах¹ H d Orleans, due d'Aumale, в Miscellanies of Philobiblon Society II (London, 1856), 30-31 и 47, о Жираре Орлеанском; J Harvey в Archaeologia, 98 (1961), 7, примечания 2 и 3, и The King's Works, 227, о принцах и Глостере. Заупокойные часовни и колледжи. Evans, English Art, ch. IX и 181 по поводу цитаты G. K Cook, English Collegiate Churches (London, 1959) и Mediaeval Chantries and Chantry Chapels (rev. ed., London, 1963), passim; Mone, op. cit., 207 по поводу цитаты о часовне Бошана Дворы принцев: P. Tucco-Chala, Gaston Febus et la vicomte de Beam (Bordeaux, 1960), 263-281; La Chronique du bon due Louis de Bourbon, ed. A.-M. Chazaud (SHF, Paris, 1876); Le livre du bon ifi^E Charriere^B Chronique de Bertrand du Guesclin, II 421 ff.; Histoire de Gaston IV, ed. H. Courteault (2 vols SHF Pans, 1893-1896). Эпилог: Memoires de Philippe de Commines¹ ed. J. Calmette (3 vols Classiques de l'hist. de France au Moyen Age, Paris¹ 1924-1925) (русское изд.: Филипп де Коммин. Мемуары / Пер. Ю. П. Малинина. Наука. М 1987) II 8 и 340-341

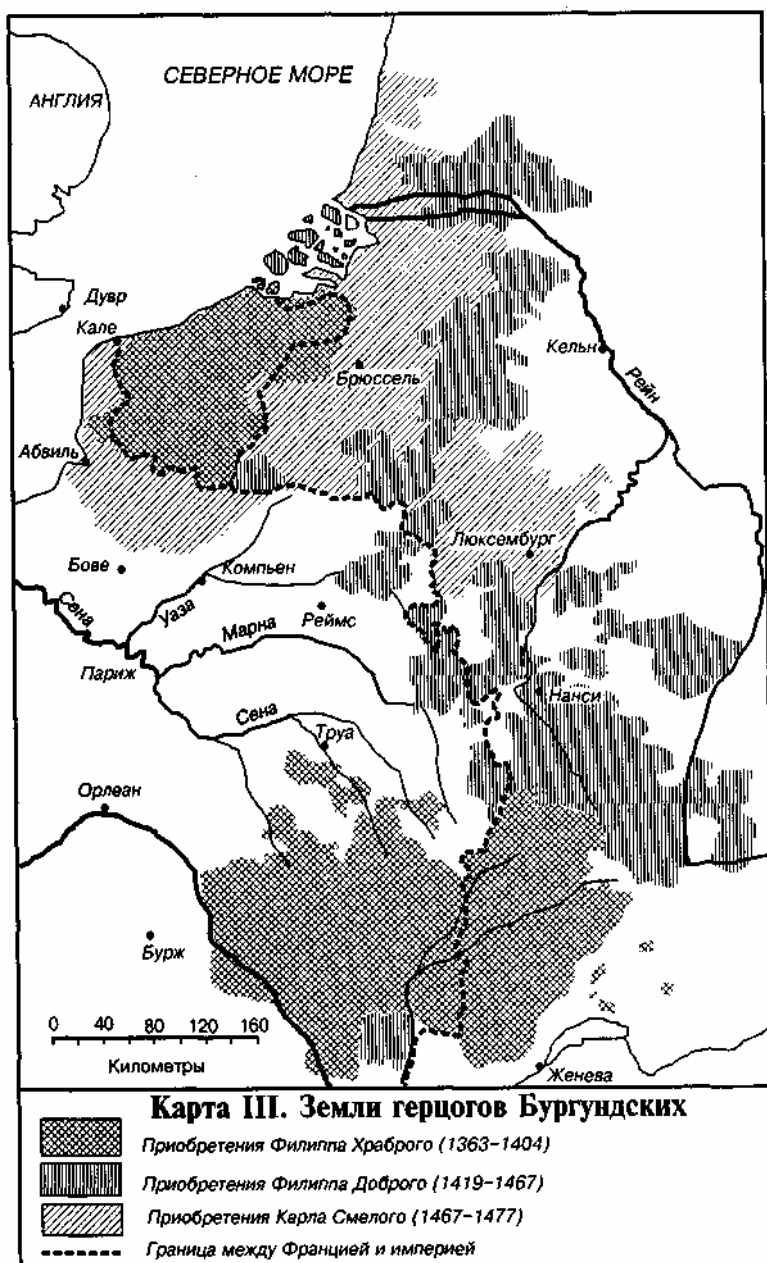
Карта I. Франция в начале XIV в.

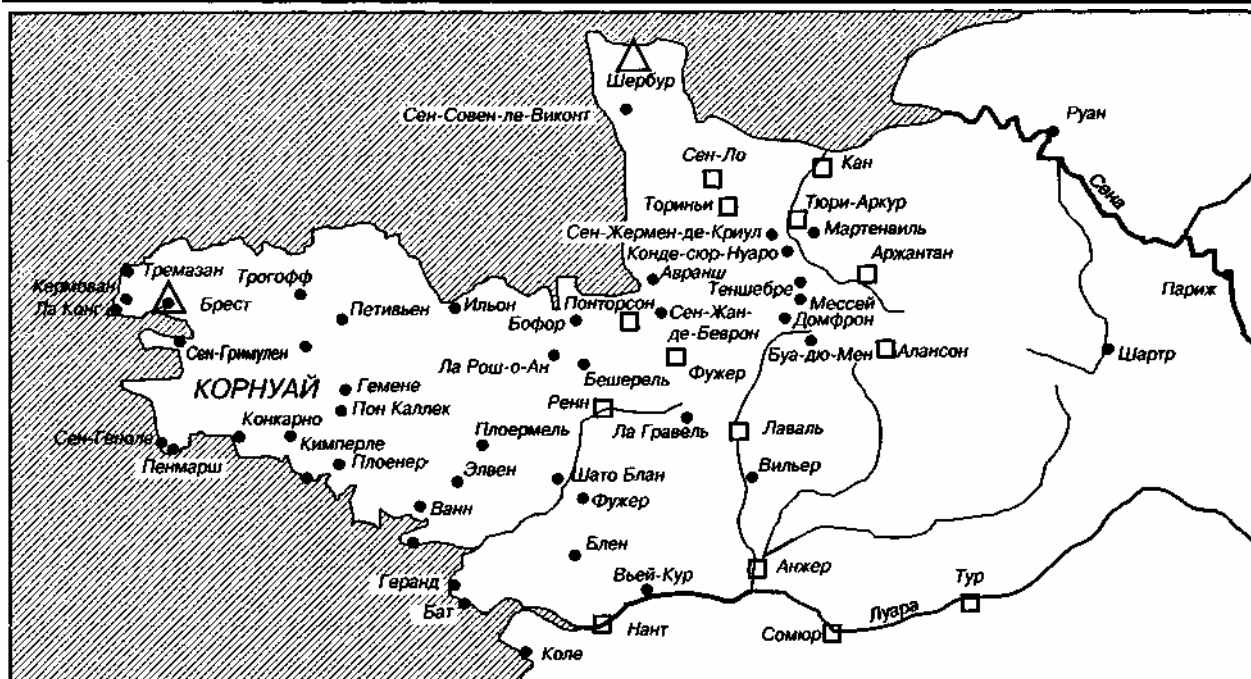
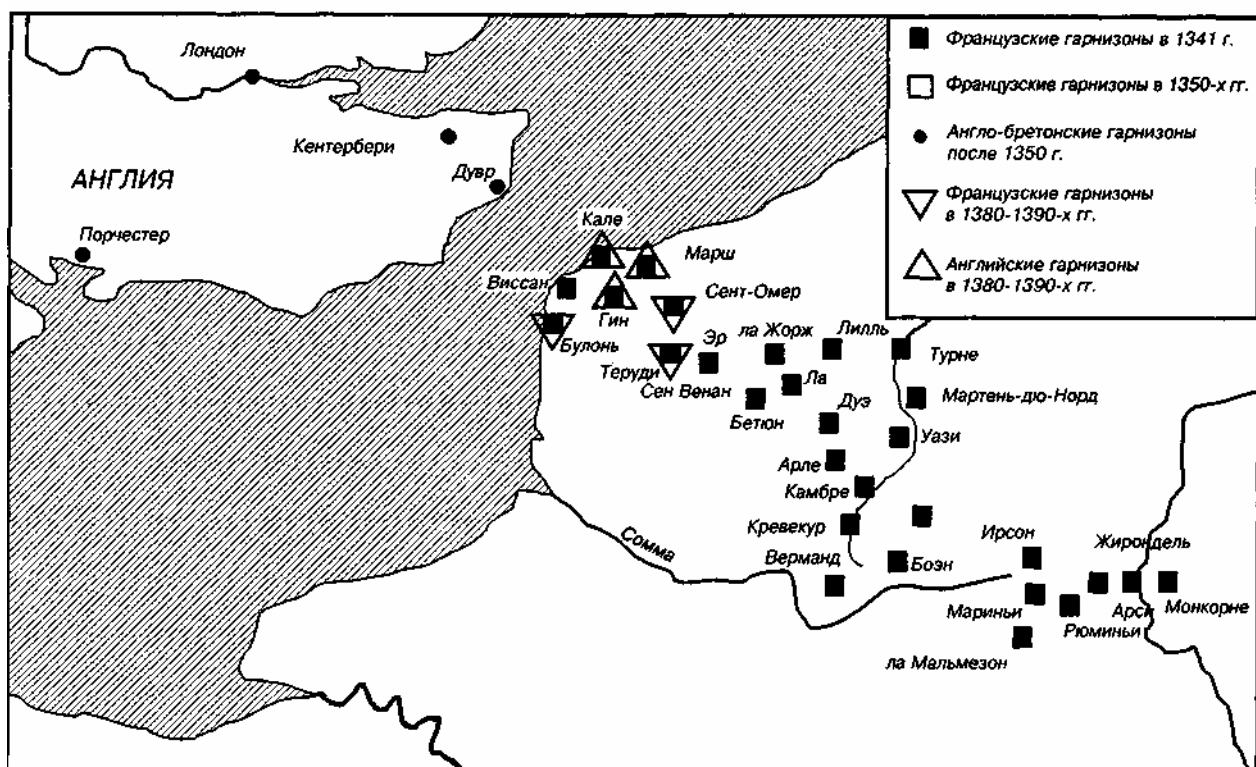

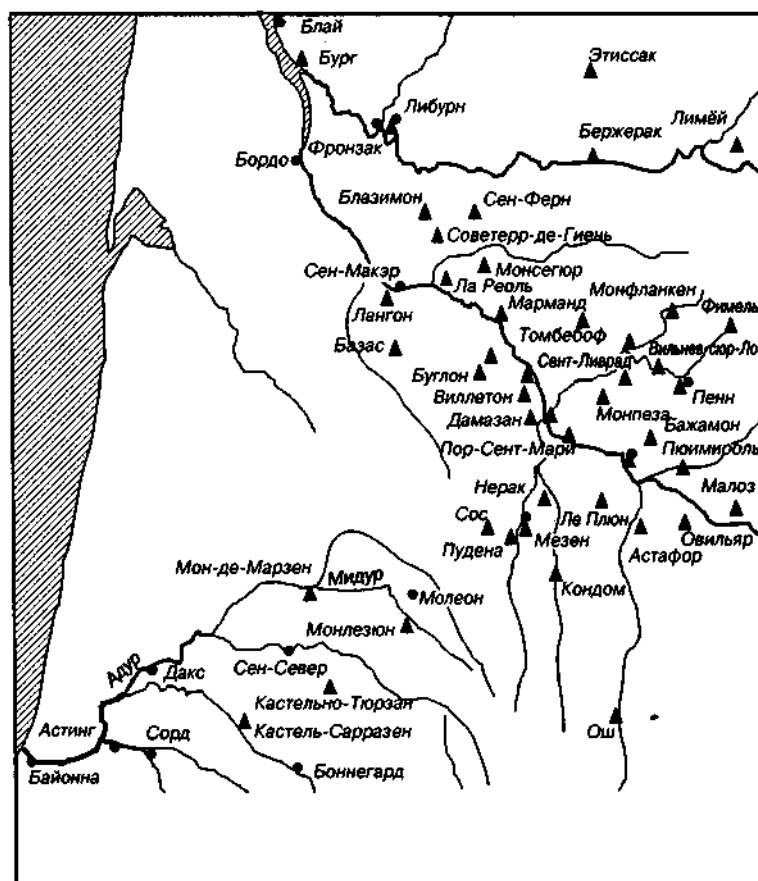

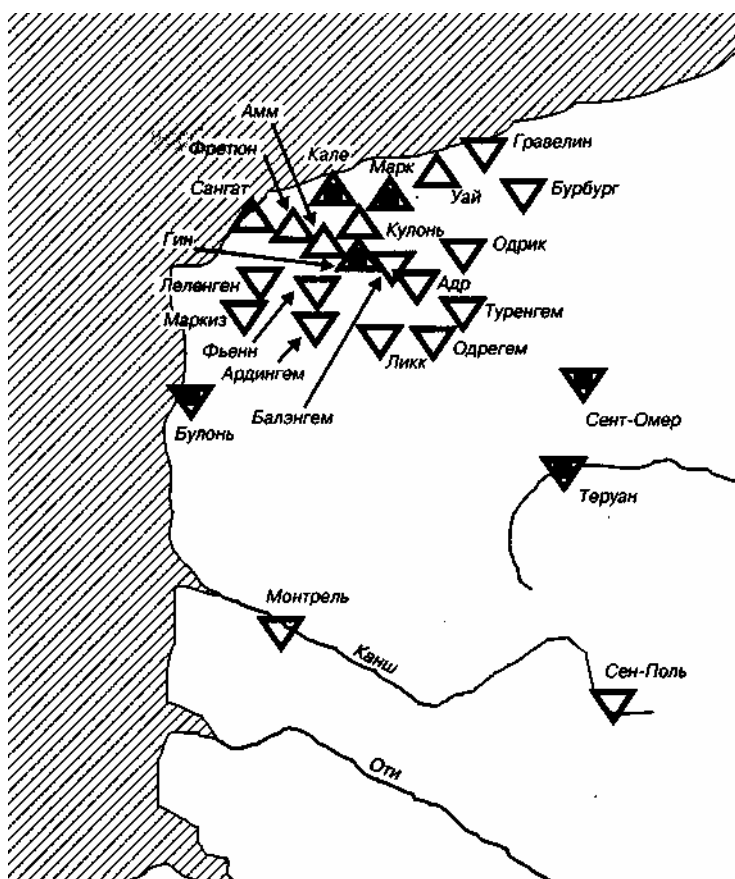

Карта IV. Бретань и северная граница в XIV в.

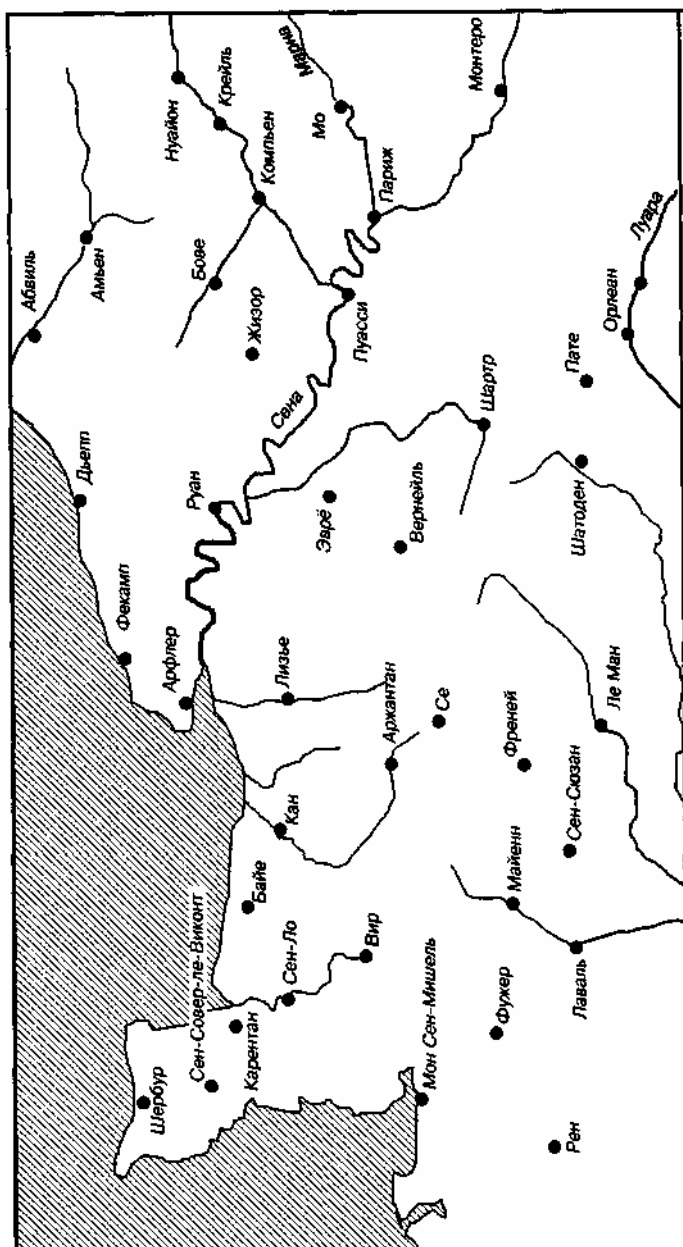
Карта V. Гасконская граница в 1337–1345 гг.

- Англо-Гасконские гарнизоны в 1337–1343 гг.
- ▲ Французские гарнизоны в 1345 г.

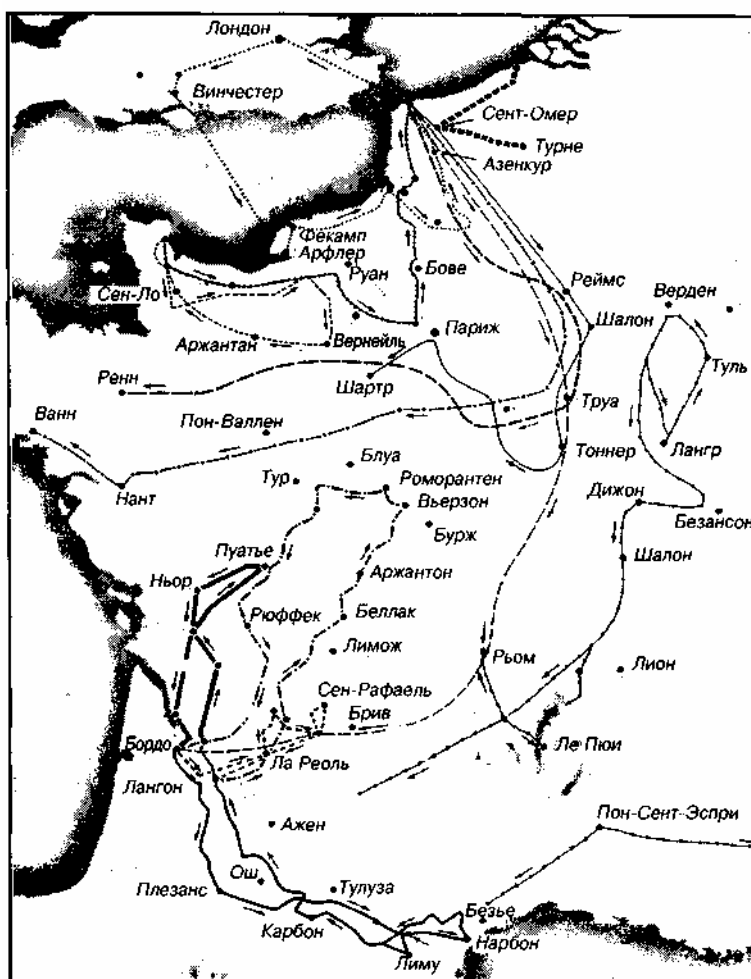

Карта VI. Граница области Кале в XIV в.

- Французские гарнизоны в 1341 г.
- ▽ Французские гарнизоны в 1380-1390 гг.
- △ Английские гарнизоны в 1380-1390 гг.

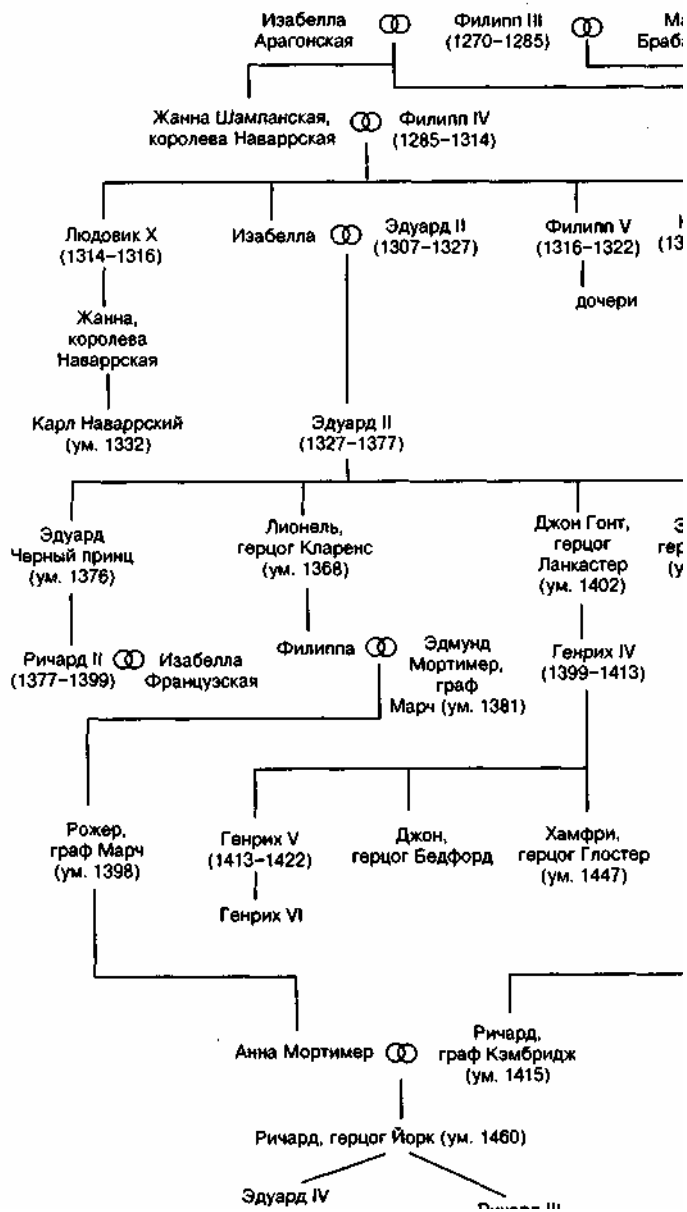
Карта VII. Северная Франция в XV в.

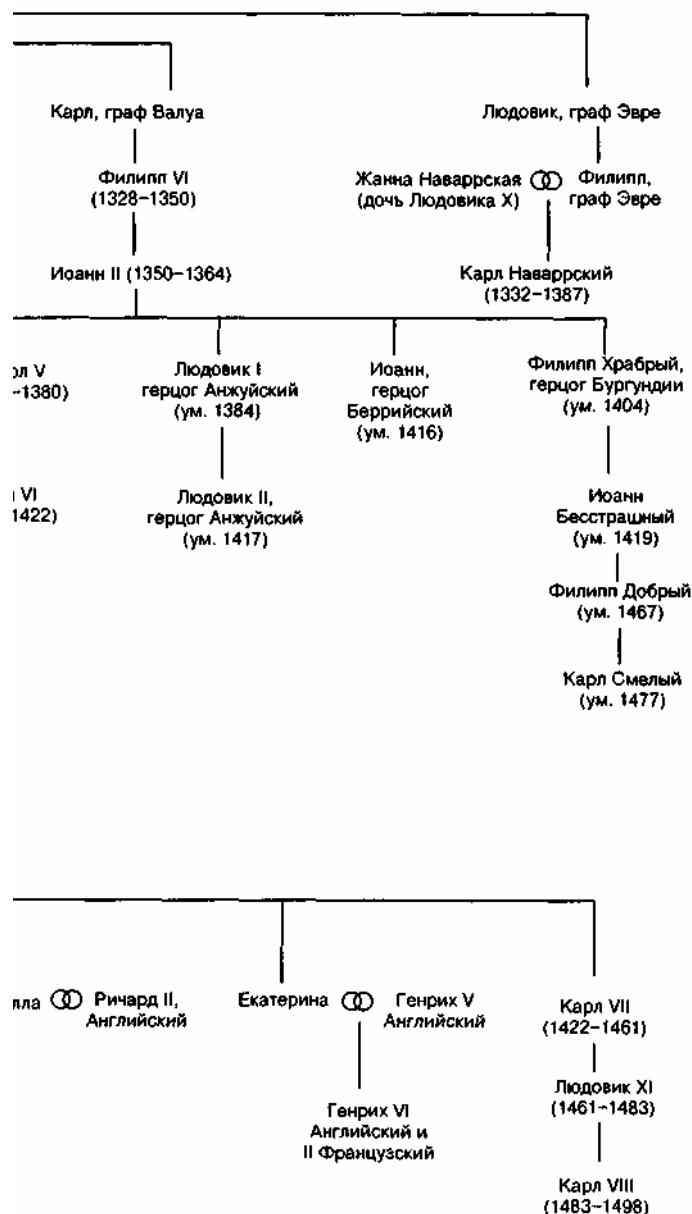
Карта VIII. Франция в Столетнюю войну: основные походы

- Эдуард III (1339-1340 гг.)
- Эдуард III (1346 г.)
- Эдуард III (1359-1360 гг.)
- Ланкастер (1345 г.)
- Ланкастер (1346 г.)
- Ланкастер (1356 г.)
- Черный принц (1355 г.)
- Черный принц (1356 г.)
- «Большая Компания» (1360-1365 гг.)
- Роберт Ноллис (1370 г.)
- Джон Гонт (1373 г.)
- Бекингем (1380 г.)
- Генрих V (1415 г.)

ДИНАСТИЯ ПЛАНТАГЕНЕ

ТАЛУА

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕННОЙ

Авенел Джон, наместник Бретани 174, 178
 Агнесса Сорель, фаворитка Карла VII 277
 Алансон, Жан II д', герцог 117
 Алиенора Аквитанская, королева Франции и Англии 23
 Альбергати Никколо, папский легат во Франции 119
 Анна Богемская, супруга Ричарда II, королева Англии 287
 Анна, сестра Филиппа Доброго, герцога Бургундии, супруга Бедфорда 119
 Аннекен Жан из Льежа, художник 280
 Антуан, граф Ретельский, сын Филиппа Храброго, герцога Бургундии 96
 Аркур, Жоффруа д', нормандский сеньор 70, 74
 Аристотель, древнегреческий философ 271
 Артевельде, Якоб ван, руководитель восстания во Фландрии 69
 Артуа, Робер, граф 205
 Бадфоль, Сеген де, капитан отряда наемников 232, 235
 Базен Тома, хронист, епископ Лизье 110, 190, 212-215, 276
 Баксхилл Алан, наместник Франции 174
 Бандоль Жан из Брюгге, живописец Карла V 254, 266, 296
 Батай Никола, парижский шпалерный мастер 266, 273
 Бейкер Джеффри, английский хронист 218, 221
 Беккариа Антонио, секретарь герцога Глостера 291
 Бельшоз Анри из Брабанта, художник 255
 Бенедикт XII, Римский папа 62, 218, 257
 Бентли Уолтер, наместник Бретани 73, 174, 178
 Берли Симон, наставник Ричарда II 289

Бинь, Гас де ля, художник 258
Бланка Ланкастерская, первая жена Джона Гонта 293
Бленвиль, Мутен де, маршал Франции 88, 178
Бово, Пьер де, сенешаль Прованса 273
Боккаччо Джованни, итальянский писатель 252, 279, 294
Боме, Жан де из Артуа, художник 254
Бове Оноре, автор «Древа битв» 273
Боневе Андре из Валансьенна, скульптор и художник 254, 255, 262, 266, 270, 280
Боушье Томас, наместник Франции в 1370 г. 174
Бофор, Генрих, кардинал, советник Генриха VI 120, 121
Бофор, Джон, сын Джона Гонта, наместник Аквитании 173
Бофор, Томас, сын Джона Гонта, наместник Аквитании 173
Бошан Гай, сын и наследник графа Уорика 289
Бошан Ричард, граф Уорик 140, 173, 300, 304
Бозн, Вильям, граф Нортгемптон 163, 173, 282
Бозн, Хамфри, граф Херефорда 163, 282, 290
Бозций, римский философ, теолог и поэт
Брантингем Томас, казначей Англии 293
Бурбон, Людовик де, герцог 308
Бусико (старший), маршал Франции 88, 178, 249
Бутарик, Эдгар, историк 11
Бюро де ла Ривьер, прево Парижа 88
Бюро Жан, начальник французской артиллерии 150, 151
Бюзей, Жан де, наместник Анжу и Мэна 249, 250
Ваврен, Жан де, хронист 34, 196
Валлон Анри, историк 11
Валуа, династия 68, 78, 107, 113, 125, 206, 257, 280, 282, 287, 314
Ван дер Вейден Рогир, нидерландский художник 255, 270
Ван Эйк, Ян, нидерландский художник 255, 270, 278
Ванетт, Жан де, настоятель монастыря кармелитов в Париже и глава французского отделения ордена 221, 246
Венгфельд, Джон, приближенный
Черного принца 219
Верве, Клаус де, художник 254, 263
Вилландрандо, Родриго де, капитан отряда наемников 214, 232, 235
Витри, Филипп де, французский поэт и композитор 258, 259
Вудворд Вильям, лондонский литейщик 150
Вустер, Вильям, историк 300
Вьенн, Жан де, адмирал Франции 88, 91
Галлам Генри, историк 9
Гарлон, Бертран де, капитан отряда наемников 232
Гастон Феб, граф Фуа и виконт Беарна 49, 308
Гауэр, Джон, английский писатель 252
Генрих II Плантагенет, король Англии 23, 24, 38, 39, 51, 52, 101, 102
Генрих III, король Англии 24, 39, 52, 59
Генрих IV, король Англии 93, 94, 100, 290, 291
Генрих V, король Англии 39, 66, 101-110, 113, 114, 162, 171, 206, 224, 290, 299, 303
Генрих VI, сын Генриха V, король Англии и Франции 107-109, 112, 120-124, 162, 163, 311
Генрих VII Тюдор, король Англии 252
Гизо, Франсуа, историк 9, 11
Грандисон, Томас, наместник Франции 174
Грей Вильям, епископ Или 291
Грин, Джон Ричард, историк 11
Гросмонт, Генрих, герцог Ланкастер 46
Давид II, король Шотландии 62, 209
Дагворт Томас, наместник Бретани 174, 178, 210
Даммартен, Ги де, реставратор дворца в Пуатье 262
Даммартен, Дру де, архитектор Шанмоля 263
Данте Алигьери, итальянский писатель и поэт 252, 294
Сен-Поль, Людовик, граф де 158
Дешан Эсташ, французский поэт 199, 253
Джон Гонт, герцог Ланкастер, сын Эдуарда III 46, 49, 73, 90, 91, 93, 172, 223, 293
Джон, герцог Бедфорд 108, 109, 110, 114, 115, 117, 119, 120, 162, 171, 215, 224
Джотто, итальянский художник 252
Дорман, Гиом де, канцлер 88
Дорман, Жан де, канцлер 88
Дурден Жак, парижский шпалерный мастер 266
Дуччо из Сиены, итальянский художник 257, 268
Дюгеклен, Бертран, коннетабль Франции 85, 88, 158, 164, 177-180, 198, 199, 235, 266
Дюнуа, Жан, граф 117
Евгений IV, Римский папа 119
Екатерина, дочь Карла VI, королева Англии 102, 103
Жан Клирик из Антверпена, хронист 218
Жан Орлеанский, художник и комнатный слуга Карла V 296
Жанна Бургундская, королева Франции 257
Жанна д'Арк 115-118, 249, 250, 314
Жанна, дочь Людовика X и Маргариты Бургундской, королева На-варрская 18
Жирар Орлеанский, художник 258, 295, 296
Жоффруа Черная голова, капитан наемников 232, 234
Иевель Генри, скульптор 291, 292, 299
Изабелла Баварская, супруга Карла VI, королева Франции 98
Изабелла Французская, дочь Карла VI, королева Англии 93, 287
Изабелла, дочь Филиппа IV, королева Англии 18-20
Иоанн II Добрый, король Франции 68, 74, 76, 78, 86-88, 95, 134, 176, 186, 191, 201, 209-211, 257-259, 264, 279, 295, 296
Иоанн IV, герцог Бретонский 69, 74, 84, 90, 166, 204
Иоанн Безземельный, король Англии 39, 70
Иоанн Бесстрашный, герцог Бургундский 96-99, 105, 106, 120, 276
Иоанн, герцог Беррийский 98, 177, 259, 270

Кало, Лоран, гос. секретарь 112 Камелен, Жан, архитектор 255

348

Капетинги, династия 18, 20, 21, 24, 66, 95

Кари, Бертран, папский посланец 218

Карл IV, король Франции 17-19, 65, 258

Карл V Мудрый, король Франции 84-91, 95, 98, 114, 134, 156, 161, 179, 180, 187, 191, 216, 244, 246, 254, 258, 259, 261, 262, 264, 267, 270-272, 274-

276, 280, 282, 296

Карл VI Безумный, король Франции 91, 93, 94, 98, 99, 103, 107, 112, 113, 161, 171, 191, 244, 274, 275, 276, 287, 290

Карл VII, король Франции 108, 113-115, 119, 120, 123, 124, 134, 158, 159, 162, 177, 189-191, 212, 277, 279, 298

Карл VIII, король Франции 122, 298

Карл Блуаский, претендент на Бретонский престол 69, 84, 168, 210

Карл Великий, франкский император 195, 266

Карл Злой, король Наваррский, внук Людовика X 21, 69, 70, 75, 79, 82, 83, 88, 91, 235

Карл Смелый, герцог Бургундии 108, 111, 201, 204, 273, 297, 298, 299, 312

Карл, герцог Орлеанский 100

Кастель Жан, хронист 297

Кен Жак, живописец 254

Керволь, Арно де, протоирей, капитан наемников 179, 231, 232

Климент VI, Римский папа 257, 277

Клермон, Жан де, маршал Франции 77, 178, 180

Клиссон, Оливье де, коннетабль Франции 158, 159, 177, 180

Кломанж, Никола де, королевский секретарь 275

Колвли Хьюго, английский военачальник 73, 175, 207, 211, 235, 303

Коль Гонтье, королевский секретарь 275

Коммин, Филипп де, историк 255,

276, 297-299, 310, 311, 316 Кошон Пьер епископ Бове 110 Кост, Жан, «художник короля»

при Иоанне II 258, 295 Краон, Амори де, наместник 178 Кристина Пизанская, французская писательница, автор «Книги деяний и добрых свершений муд-

рого короля Карла V» 261, 270, 297

Кувельер, биограф Дюгеклена 198, 199

Ла Файетт, маршал Франции 162

Лан, Колар де, художник 266

Ле Бель, Жан, хронист 218

Ла Тур, Гийом, президент Парижского парламента 159

Ленгленд, Вильям, английский писатель 252

Лимбург Жан, иллюстратор Часослова Иоанна, герцога Беррийс-кого 254, 255, 266, 270

Лимбург, Поль, иллюстратор Часослова Иоанна, герцога Беррийского 254, 255, 270

Лоррис, Гийом де, французский писатель 253

Людовик IX Святой, король Франции 22, 52, 59

Людовик VI Толстый, король Франции 22

Людовик VII Молодой, король Франции 22, 23

Людовик X Сварливый 18, 19, 21

Людовик XI, король Франции 158, 189, 204, 276, 298, 299, 312

Людовик Мальский, граф Фландрский 95, 96

Людовик Неверский, граф Фландрии 69

Людовик Орлеанский, герцог, брат Карла VI 99, 152, 259, 262

Людовик I, герцог Анжуйский 88, 98, 176, 177, 179, 235, 259, 265, 267, 272, 273, 283

Людовик II, герцог Анжуйский 273

Люксембург, Жан де, канцлер 110

Мазаччо, итальянский художник 270

Мале, Жиль, библиотекарь Лувра 261, 273

Малуель, Жан из Гелдерна, художник 254

Марвиль, Жан де, скульптор 263, 295

Маргарита Анжуйская, супруга Генриха VI 122-124

Маргарита, дочь Людовика Мальс-кого 95, 96

Мартен, Анри, историк 10

Мартини, Симоне из Сиены, художник 257 Марш, Оливье де ла, хронист 196, 273, 276, 297

Машо, Гийом де, французский поэт и композитор 253, 268, 259

349

Мезерей, Франсуа де, историк 9, 13

Мезьер, Филипп де, советник Карла V Мудрого 88

Мелори, Томас, английский рыцарь, автор «Смерти короля Артура» 253

Мербери, Николас, командующий английской артиллерией 157

Мериго, Маршэ, капитан наемников 232, 234, 235

Мерсьер, Жан де, военный казначей Франции 180

Михаил Норбургский, хронист 29

Монстреле, Ангерран де, хронист 34, 196, 276, 297

Монстрем, Ангерран де, хронист

Монтегю, Томас, граф Солсбери, английский военачальник 173

Монтрейль, Жан де, королевский секретарь 275

Мортимер, Роджер, лорд Уэльской марки 19, 20

Мортимер, Эдмунд, граф Марч, королевский наместник 173

Моубрей, Джон, маршал Англии 162, 163

Мэнни, Уолтер, английский военачальник 73

Нель, Ги де, маршал Франции 178

Николай Аптон, автор трактата «О военном искусстве» 197

Ноллис, Роберт, английский военачальник 73, 82, 90, 174, 207, 211, 223, 232, 235, 303

Нуайе, Миль де, хранитель орифламмы 164

Одрегем, Арнуль д', маршал Франции 77, 88, 161, 164, 178, 180

Орезм, Николя, ученый, советник Карла V Мудрого 88
Паоло из Сиены, итальянский художник 257
Пар, Гильберт, начальник английской артиллерии 157
Педро Жестокий, король Кастилии 85
Пекок, Режиальд, епископ Чичес-терский, английский писатель 253
Петрарка Франческо, итальянский поэт 252, 257, 294
Пизано Джованни, скульптор 252
Пизано Никколо, скульптор 252
Плантагенеты, династия 20, 22, 23, 51, 56, 69, 101, 102, 107, 111, 124, 290, 314
Прель, Рауль де, советник Карла V Мудрого 88, 271
Принс, Джилберт из Литлингтона, живописец 287, 299
Принс, Томас из Литлингтона, живописец 287, 299
Пти, Жан, доктор права 275
Пусель Жан, мастер по созданию иллюстрированных манускриптов 268
Рене Анжуйский, король Прованса 201
Ринель, Жан де, гос. секретарь 112
Ричард I Львиное Сердце, король Англии 126
Ричард II, король Англии 41, 91-93, 99, 101, 123, 283, 285, 287, 288, 291-293, 299
Ричард III, король Англии 283, 312
Ришмон Артур де, коннетабль Франции, герцог Бретонский 158, 162
Ричард, герцог Йорк 123, 173
Робер Намюрский, племянник королевы Филиппы 281
Роуз Джон, историк 300
Рувр, Филипп де, последний герцог из династии Капетингов 95
Салютати Колуччо, канцлер Флоренции 275
Сансерр, Людовик де, маршал Франции 88, 158, 164, 177, 178
Сен-Реми, Лефевр де, герольдмейстер ордена Золотого Руна 196
Сенье Гийом, ученый, канцлер Прованса 273
Сигизмунд Люксембургский, император Священной Римской империи 14
Скруп Вильям, сенешаль Аквитании 227
Скруп Ричард, английский сеньор 167
Слютер Клаус, художник 254, 255, 263, 307
Стаффорд, Хамфри, герцог Бекин-гем 162
Сюрьенн, Франсуа де, капитан наемников 232
Тальбот Джон, граф Шрусбери, английский военачальник 123, 151, 162, 173
Тампл, Раймон де, мастер-каменщик, реконструировавший Лувр 259, 295
Типтофт Джон, граф Вустер 291
Вудсток Томас, сын Эдуарда III 172
Кларенс Томас, второй сын Генриха IV 101
Тремуйль, Жорж де ла, советник Карла VII 114
Урбан V, Римский папа 96
Фастольф Джон, английский военачальник 207, 224, 304
Фельтон, сэр Томас, сенешаль 91, 211
Филипп II Август, король Франции 23, 24, 52, 126
Филипп III Смелый, король Франции 267, 268
Филипп IV Красивый, король Франции 18, 22, 268, 295
Филипп V, король Франции 18
Филипп VI Валуа, король Франции 17, 19-21 32, 62-68, 74, 75, 126, 205, 218, 257
Филипп Добрый, герцог Бургундии 96, 106, 108, 111, 119, 201, 203, 204, 255, 273, 276, 297
Филипп Храбрый, брат Карла V, герцог Бургундии 95, 96, 98, 99, 254, 259, 263, 265, 272, 290, 295, 307
Филипп, младший сын Филиппа Храброго, герцога Бургундии 96
Филиппа Рое, придворная дама королевы Филиппы, супруга Чосе-ра293
Филиппа, королева Англии, супруга Эдуарда III 280, 281, 293
Фозерингей, Джон, английский рыцарь 237
Франсуа Орлеанский, художник и комнатный слуга Карла V 296
Фримен, Эдвард, историк 11
Фруассар, Жан, хронист 29, 34, 67, 178, 196, 197, 205, 207, 211, 226, 234, 253. 280, 281, 283, 288, 294, 297, 299, 308
Фруловизи, Тито Ливии, секретарь герцога Глостера 291, 299
Фуке, Жан, художник 276, 278, 279
Фьенн, Робер де, коннетабль Франции 164, 180
Хардрешулл, Джон, наместник Бретани 174
Харлестон, Джон, командир наемников 235
Херленд, Хьюго, архитектор"291, 292, 299
Хоквуд, Джон, английский наемник 208
Хамфри, герцог Глостер, брат Генриха V 120, 291, 299
Чандос, Джон, наместник Эдуарда III в Аквитании 174, 196, 198, 207
Чосер, Джеффри, английский писатель 206, 252, 253, 282, 289, 291, 292-294, 299
Шарни, Жоффруа де, хранитель орифламмы 161
Шартье, Ален, секретарь Карла VII, писатель 248
Шартье Жан, хронист 297
Шатлен, Жорж, хронист 196, 255, 276, 297, 298
Эден, Жакмар д', живописец 254, 270, 272
Эден, Симон д', переводчик 272
Эдмунд Лэнгли, сын Эдуарда III 96, 172, 173
Эдуард I, король Англии 38, 39, 47, 52, 53, 61, 70, 126, 127
Эдуард II, король Англии 18, 19, 38, 39, 284
Эдуард III, король Англии 18, 19, 21, 39, 41, 62-67, 69-72, 74, 69-83, 86, 90, 91, 101, 102, 136, 147, 155, 162, 166, 167, 172, 174, 186, 201, 203, 205-207, 218, 221, 223, 224, 259, 279-281, 284, 288, 292, 293, 316
Эдуард IV, король Англии 312, 316
Эдуард Баллиоль, король Шотландии 62
Эдуард Уэльский, сын Генриха VI и Маргариты Анжуйской 124
Эдуард, принц Уэльский, «Черный принц», сын Эдуарда III 73, 75, 76, 78, 85, 90, 168, 172, 176, 198, 210, 211, 219, 221, 262, 281, 284
Эдуард, сын Эдмунда Лэнгли, наместник Аквитании 173
Экуши, Матье д', хронист 276, 297

Элеанора, дочь Хамфри де Бозна 290
Эно, Вильгельм, граф д' 207
Энрике Трастамарский, король Кастилии 85
Юг Обрио, прево Парижа 88
Юм Дэвид, философ и историк 9
Юрсен, Жан Жювенель дез, епископ Бове 39, 230, 236, 246, 247, 248, 279

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию	5
От автора.....	7
Предисловие: Столетняя война как историческое понятие	8
Глава I. Французское королевство и владения Плантагенетов	17
Глава II. Соперники.....	65
Глава III. Армии	125
Глава IV. Дух рыцарства, война и общество	195
Глава V. Придворный патронаж и искусства	251
Эпилог	311
Хронологическая таблица	317
Нумизматическая справка	321
Библиография и примечания.....	323
Карты	334
Генеалогическая таблица	344
Указатель именной	346

Научное издание

Фаулер Кеннет

ЭПОХА ПЛАНТАГЕНЕТОВ И ВАЛУА Борьба за власть (1328-1498)

Главный редактор *Чубарь В. В.*

Ведущий редактор *Карачинский А. Ю.*

Подготовка и составление указателей *Трофимова М. С.*

Художественный редактор *Лосев П. П.*

Верстка *Арефьев С. В.* Корректор *Мартынова Г. Н.*

Лицензия на издательскую деятельность серия ЛР № 065280 от 09 июля 1997 г.

Подписано в печать 28.08.2002 г. Объем 11 печ. л. Формат 84х 108 1/32

Гарнитура «Antiqua». Печать офсетная. Бумага офсетная. Тираж 1500 экз. Заказ № 3495

ООО «Издательская группа «Евразия». 191194, Санкт-Петербург, ул. Чайковского, д. 65, пом. 7Н.

Тел. 303-93-25 e-mail: evrasia@peterlink.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов

в Академической типографии «Наука» РАН

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Книга известного английского историка Кеннета Фаулера посвящена ожесточенному соперничеству двух королевских династий Плантагенетов и Валуа, оспаривавших право владеть французской короной. Два государя, Эдуард III Английский и Филипп VI Французский, вовлекли свои державы в войну, продлившуюся около ста лет и принесшую населению их стран неисчислимые бедствия. На смену рыцарственной знати, для которой поле битвы немногим отличалось от турнирной арены, где личную доблесть проявляли во имя дамы сердца, пришли жесткие прагматики, ради победы и собственной выгоды забывавшие о правилах куртуазного поведения. Борьба двух династий не ограничилась полем брани — она ощущалась везде, в дипломатии, искусстве, архитектуре и меценатстве, где противники старались превзойти друг друга. Для королей Англии и Франции этот конфликт поначалу была всего лишь рядовой феодальной стычкой, по окончании которой оба монарха мечтали отправиться в великий крестовый поход против язычников. Но реальность менялась быстрее, чем хотелось венценосным владыкам, которые дали толчок событиям, изменившим не только политическую карту Европы, но и всю систему ценностей средневекового человека. Сами того не сознавая, они стояли у истоков нового мира и общества.

РУБ

239.00

ISBN 5-8071-0103-0

9 785807 101037